

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ
ЧЁРНАЯ ВЕСНА

Annotation

В этой книге продолжатся приключения фальшивого барона Эраста фон Рута и его друзей. Хотя слово «приключения» не совсем точное. Приключения предполагают некие развлечения и счастливый финал. А этого я лично пообещать вам не могу

- [Андрей Васильев](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
-

Андрей Васильев
ЧЕРНАЯ ВЕСНА

Глава 1

— Тепло — Рози запрокинула голову назад и зажмурилась, отчего стала чем-то похожа на пригревшегося на солнышке котенка — Хорошо! Не то что на Вороньей горе. Там небось до сих пор снег лежит.

— Так ты за нами увязалась только затем, чтобы в промозглом замке не сидеть? — не скрывая сарказма в голосе спросил у нее Гарольд — А я-то подумал...

— И правильно подумал — невероятно дружелюбно, настолько, что я бы на месте Монброна уже нащупал рукоять шпаги, ответила ему Рози — Я увязалась за своим любовником, фон Рутом. Ты же это имел в виду?

Монброн ничего не стал отвечать, поскольку любой ответ выставлял его не в лучшем свете. Да, мы изменились... Точнее — да, они, отпрыски благородных фамилий со всего Рагеллона, изменились, но некоторые вещи были вбиты в них слишком крепко. Да не крепко, а навсегда. Гарольд не мог себя переломить и сказать что-то, что бросило бы тень на представительницу одного с ним сословия. Убить ее он смог бы, а опорочить — нет. Не то у него воспитание.

Кстати про «убить». Он ее чуть и не пришиб, когда она заявила на пару с Эбердин на борт корабля, который должен был нас доставить в Силистрию. Точнее — в один из приграничных с ней городков. Родич Монброна, граф Лотар, любезно предоставил нам эту возможность, а мы от нее, разумеется, не отказались.

Так вот, почти перед самым отплытием стоим мы на палубе, глазеем на то, как местные жители, которые, как выяснилось, почти все выжили, разбирают сгоревшие дома, и тут на тебе — видим на причале Рози и Эбердин.

Причем они не просто там стояли. Они еще и корабль обсуждали.

— Хиловато суденышко — сообщила громко де Фюрьи — Серьезного шторма не выдержит.

— Тебе виднее — даже не стала спорить с ней Эбердин — И, если ты забыла, то я не умею плавать.

— Так оставайся здесь — Рози заметила меня и помахала рукой — Эраст, иди сюда, возьми наши вещи и подними их на борт.

— Не останусь — отказалась Эбердин — Наставник, когда меня увидит, то испепелит, ты же ему за вчерашний день все нервы вытряпала. Если на попятный пойду, то мне конец. Лучше я утону.

— Эраст, стой — цапнул меня за плечо Гарольд — Де Фюри, только не говори, что ты собралась составить нам компанию.

Я, если честно, и не собирался никуда идти. Ну да, нас с Фюри связывает уже многое, но при этом бежать куда-то по щелчку ее пальцев мне и в голову не могло прийти. К тому же я уже давно понял, что как только я буду делать шаг назад, она тут же будет делать шаг вперед, и это будет продолжаться до той поры, пока меня не загонят в угол, из которого уже не выбрашься. Замечу отдельно — под словом «вещи» понимались две наплечные сумки. Да и то — откуда взяться большому багажу? Но это все несущественно, Рози важен факт того, что я это сделаю.

— Зачем отрицать очевидное? — тем временем невозмутимо ответила Гарольду Рози — Именно так все и обстоит.

— Исключено — заявил Монброн громко — Это положительно невозможно.

— Положительно невозможно отправлять фон Рута в такой компании как ты и Фальк — даже не подумала сдавать свои позиции Рози — Мне плевать на тебя и на него, вы люди пропащие, мне это еще два года назад было ясно. Но тащить за собой в бездну Эраста я вам не дам. Если уж кто его погубит, то пусть это буду я.

— Тысячекратно извиняюсь — влез в разговор я — Просто хотелось бы уточнить, что мне всегда удавалось находить неприятности без посторонней помощи. Да вот хоть бы недавно...

— Погоди ты — остановил меня Карл — Давай представление досмотрим, интересно же. А еще лучше, давай поспорим, кто из этих двоих победит. Ставлю пять медяков на Гарольда.

— Невысоко тебя ценят друзья, Монброн — насмешливо сообщила стремительно покрасневшему Гарольду Рози — Целых пять медяков!

— У меня просто больше нет — невозмутимо пояснил Карл и похлопал ладонью по тощему кошелью, привязанному к поясу — Так что все что есть, то и поставил.

— Ну, это меняет дело — признала Рози — Эраст, это в конце концов уже просто неучтиво. А, может, тебе просто лень? Так ты скажи об этом, мы сами занесем свои вещи на борт.

— Не надо ничего никуда нести! — окончательно рассвирепел Гарольд и вцепился в борт судна мигом побелевшими пальцами — Де Фюри иди туда, откуда пришла, я тебе очень прошу!

— Не ори на меня, Монброн! — сдвинула брови моя суженая — Это просто-напросто неучтиво. И еще — ты меня знаешь, если я чего надумала сделать, то своего добьюсь. Мы едем с вами и это решенный факт. К тому

же наставник одобрил эту идею. Он так и сказал: «Пусть в вашей компании будет хоть кто-то, кого боги мозгами не обидели».

А вот это похоже на правду. Вот только если вспомнить слова Эбердин, то можно заподозрить, что Ворон их произнес просто чтобы отделаться от Рози.

— Да пусть их — неожиданно пробасил Карл — В конце концов, что тут такого? И еще — иногда женщина может узнать куда больше, чем мужчина, просто потому что... Потому что она женщина!

— И ты, Карл, туда же — обреченно произнес Гарольд — Вот от тебя не ожидал такого.

Карл, скрипнув кожей камзола, развел руки в стороны, как бы говоря: «Вот так-то, любезный друг».

— Эраст — требовательно произнесла Рози и показала глазами на наплечные сумки.

Фальк с интересом уставился на меня, ожидая, что я стану делать.

— Спать пойду — громко сказал я и зевнул — Мне лекарь местный так и говорил — после тяжелого ранения надо много спать и тяжести не носить. И еще очень полезно гранат кушать. Что за гранат такой, не знаю, потому без него обойдусь, а вот спать и не перетруждаться — это можно.

И я ушел в трюм, где нам выделили небольшой закуток с подвесными койками, которые замещали нам кровати. Корабль ведь, не постоянный двор. Что дали, тем и обходимся.

Я все понимаю, но нельзя так меня ломать, буквально о колено. Меру знать надо. Это ей еще повезло, что здесь с нами Аманды нет, а то я бы сейчас из принципа еще за ней и приударил. Хотя нет, Аманда — это слишком. Она и до нашего отъезда покладистостью и добротой не славилась, представляю, что с ней стало сейчас. Небось, ядом брызжет уже, как одна змеюка в Халифатах, мы ее в пустыне видели. Сама длинная, башка у нее рогатая, как кого завидит, так на хвосте поднимается и зеленой ядовитой дрянью в этого бедолагу как плюнет! Страшное дело.

Вот и бывшая принцесса Фольдштейна сейчас, надо полагать, не добре этой змеи будет. Да оно и понятно — просидеть столько времени в одиночку в замке. Точнее, в компании со слугами, но это, по сути, ничего не меняет. Двоих из них за все время, что я прожил в Вороньем замке, и десяти слов не сказали, а Тюба, напротив, болтун жуткий. Причем последнее скорее печалит, чем веселит.

А вообще странно, что Рози поступила именно так. Не в ее привычках эдакий штурм, она всегда действует тоньше, хитрее. Или же это часть некоего плана, разобраться в котором не сможет никто, кроме самой

мистресс де Фюрии.

Гарольд, естественно, сдался, но некое подобие позиционной войны сохранялось на протяжении всего пути. Эта парочка сломала столько словесных копий, что в какой-то момент все остальные просто перестали обращать на них внимание.

Тем более, что и без того было на что посмотреть, по крайней мере нам троим точно. Ни я, ни Карл, ни Эбердин на юге Рагеллона до того не были, и потому большей частью с интересом глазели на все происходящее вокруг нас.

И, скажу вам так — мне здесь очень нравилось. После промозглой и грязной весны Запада, местное тепло и буйство красок поражали. У нас там холод собачий и до сих пор может снег закружиться в воздухе, а здесь уже все деревья в цвету! А уж запахи-то какие, запахи! Улей и мед! Да и вода за бортом из серо-свинцовой стала лазорево-прозрачной и теплой настолько, что мы с Карлом даже искупались в ней на одной из стоянок. Нет, я бы сам не стал этого делать, но Фальк орал про то, что мы, сыновья Лесного Края, такую воду считаем очень подходящей для купания. Пришлось соответствовать.

Чем дальше мы продвигались на юг, тем красивее становились и окрестные пейзажи. Зеленые холмы, голубое небо и белые города. Именно что белые, похоже именно этот цвет предпочитали местные владыки, нобили и вельможи. Все дворцы, которые можно было разглядеть с борта корабля, были белого цвета. И еще они были какие-то... Даже не знаю... Округлые, что ли? Здесь не в чести была прямота и строгость зданий Запада, здесь предпочитали другие архитектурные формы. Много открытого пространства, огромные террасы, которые были заметны даже издалека, и совершеннейшая беспечность — никаких стен вокруг дворцов, никаких заграждений. Иные и вовсе стояли прямо у берега, да еще и лестницы светлого мрамора прямо к морю протянули. Хоть высаживайся и бери этих непуганых южан на меч. И чего нордлиги сюда не наведываются?

Хотя, может, я чего-то недопонимаю. Может, все здесь продумано, и любому, кто захочет поживиться за чужой счет, мало не покажется. Это раньше я думал, что глазам можно верить, а теперь точно знаю, что часто все оказывается не тем, чем выглядит.

К примеру, высадится на берегу отряд лихих ребят, живущих с клинка, побежит по лестнице вверх, а из той шипы двухметровые как выскочат! И все, были бравые вояки, а теперь больше не будут. Или их вовсе магическим огнем спалит.

А почему бы и нет? К магам тут другое отношение, не такое, как у нас.

Здесь жгли нашего брата не так сильно, как на Западе, да и Орден Истины тут вроде особо не лютовал. Порядок наводил, это да, но без такой строгости, как у нас. Местные нобили люди самолюбивые, не любят, когда им кто-то указывает, что делать, потому здесь хватает тех, кто теперь является нашим собратом по цеху. Точнее — будет являться, если мы посохи получим. Ну да, за троном они не стоят и официальных должностей при дворе не занимают, закон есть закон, но это ничего не значит. Должность — это только должность, так, название, просто слова. Все решает степень влияния мага на события.

Хотя известно это все нам было только в теории, из рассказов Гарольда. А он в те времена, когда жил дома на магов внимания особо не обращал, у него другие забавы были. При этом в Силистрии их хватало, если ему верить. Они даже держали в столице магические лавки, что, например, в герцогствах или Айронте было делом совершенно немыслимым.

Кстати, Ворон нам на прощание дал совет отыскать в столице Силистрии его старого приятеля, некоего Унса Два Серебряка, мол, если что, то он поможет. Правда, при этом он как-то странно дергал глазом, особенно произнося его диковинное прозвище. А после, еще немного поразмыслив, он посоветовал нам обращаться к нему только в том случае, если очень прижмет. И под конец добил нас, выразив надежду что до такого не дойдет.

Думаю, не покинь мы его, он бы посоветовал и вовсе забыть про этого знакомца. У меня вообще сложилось впечатление, что он почти сразу пожалел о сказанном нам, что для Ворона несвойственно. Так что непременно надо отыскать этого самого Унса Два Серебряка. Сдается мне, что от него можно много всякого интересного про наставника узнать.

Так вот — чем ближе становилась Силистрия, тем больше времени мы проводили на палубе. А что? Светло, тепло и муhi не кусают. Когда еще нам доведется просто побездельничать, не думая ни о чем?

— Ничего такого он не имел в виду — примирительно пробасил Карл и пошевелил пальцами босых ног — Чего ты сразу?

— И зря — сообщила ему Рози, не открывая глаз — Потому что это правда. И вы, кстати, про это знаете.

— Кричи погромче — посоветовал ей Гарольд — Пусть граф Лотар тоже узнает, что представительница рода де Фюрри из Асторга спуталась с бароном из Лесного Края. Новость хорошая, интересная, пикантная, она из уст в уста передаваться будет быстро. Глядишь, и до твоего родного города доберется, благо он от нас не так и далеко.

— Ты думаешь, для него это тайна? — Рози наконец открыла глаза и насмешливо глянула на Монброна — Бедный наивный Гарольд. Он все давным-давно понял. Да и мои родные тоже все-все знают, не сомневайся даже.

Я потер ребра, занывшие при воспоминаниях про родню моей девушки. Да уж, они знают. Очень даже знают.

— Нет, что твой папенька в курсе я не сомневаюсь — без тени шутки ответил Гарольд девушке, все так же смотрящей на него — Но пока, если можно так сказать, неофициально. А если эту новость начнут муссировать в... Ааааа!

— Да-да-да — Рози показала Монброну розовый язычок, подмигнула мне и снова запрокинула голову назад.

— Плохая идея — взъерошил волосы Гарольд — Де Фюрьи, это очень плохая идея!

— Какая идея? — проворчал Фальк, поворачиваясь ко мне — Ты что-нибудь понимаешь?

— Кажется, начинаю — ребра заныли еще сильнее — Рози, развей мои подозрения.

— Какие именно? — лениво спросила де Фюрьи — Если о том, что у замарашки Грейси волосатые ноги — так это я не знаю, я ее без одежды не видела.

— Не называй ее «замарашкой» — нахмурился Гарольд.

— Почему нет? — удивилась Рози — Она теперь никто. Точнее — она замарашка и есть. Титула лишена, умываться забывает, одевается скверно. Эраст, ведь я же правильно говорю?

— При чем тут Аманда? — чуть повысил голос я — Не уводи разговор в сторону. Рози, ты что, надумала наши отношения предать огласке? Да еще вот таким образом?

— Я бы и не прочь сделать это по-другому — добавила печали в голос проклятая интриганка — Но ты же в Асторг не поедешь? И времени у нас на это нет, да и Монbron тебя не пустит.

— Не пущу — подтвердил Гарольд — Он же даже до города не доедет, его раньше убьют.

— Ну вот — удовлетворенно мурлыкнула Рози — Если ты не едешь в Асторг, то он прибудет к тебе. Как только новость о том, что я в Силистрии, причем не одна, а с не слишком-то родовитым любовником, доберется до ушей моей благочестивой мамочки, то она немедленно начнет действовать.

— Эраст, я запру тебя в замке — обреченно пробормотал Гарольд — В подвале. Там много еды, много вина и есть куда спрятаться.

— Карл, твоя реплика — негромко произнесла Эбердин, что-то изучающая в своем дневнике ученика.

— Ты меня там с ним запри — с готовностью отозвался Фальк — «За» обеими руками. Очень я отошел на этой войне. И потом — спасая его от семейства де Фюрри ты толкаешь его на другую смерть, от вина. Все знают — пить одному вредно. А вдвоем — это уже не пьянство, это уже дружеская попойка.

— Не сгущайте краски — посоветовала нам Рози — Никто сразу нашего Эраста убивать не станет. И в первую очередь как раз потому что он гость Монбронов Силистрийских.

— Тоже верно — признал Гарольд — Слушай, Рози, ты такая расчетливая, что мне иногда страшно становится с тобой рядом стоять. Не должна девушка быть такой, не к лицу это тебе.

— К лицу, не к лицу — Рози сначала скрчила забавную мордашку, а после ее голос внезапно похолодел — Монброн, когда ты уже повзрослеешь? Да и вы, мальчики, тоже? Поймите вы, мир уже не будет прежним, таким, в каком мы до того жили. Он нам теперь чужой, и мы для него чужие. И воевать с нами по правилам тоже никто не станет. А война — она уже вокруг, неужели вы не видите? Гарью отовсюду тянет так, что дышать невозможно. Неужели вас даже последние события ничему не научили? Эраст всего-то на секунду расслабился, дал волю чувствам, сорвался — и вот результат, мы на этом суденышке плывем в Силистрию. Вроде бы пустяк, одно лишнее слово — и тем не менее. Причем я не уверена, что все на этом закончилось. Мне кажется, основные проблемы и последствия только на подходе, все что до этого было так, мелочи. И с этим надо что-то делать. Вы не можете решить этот вопрос? Отлично, я это сделаю сама. Но и вы тогда ведите себя как мужчины, а не мальчишки. И не путайтесь у меня под ногами, хорошо?

Гарольд на это ничего ей не ответил, только помрачнел еще сильнее, а после тяжело вздохнул.

Что до меня — я с Рози был согласен, война и впрямь была вокруг нас. Вокруг меня так точно. Хоть формально советом магов претензии мистресс Эвангелины по убийству мной ее ученика, толстяка Прима, были признаны несущественными, легче мне от этого не становилось.

Агриппа, который навестил меня в последний вечер перед отплытием, мне про это сказал прямым текстом.

Меня тогда поразили две вещи. Первое — я был уверен, что ни его, ни мастера Гая в военном лагере уже нет, что они уехали. Второе, что меня окончательно обескуражило — Агриппа не стал делать из своего визита

особой тайны. Более того — он поймал на пристани Карла, который пер из сгоревшей деревни огромных размеров копченый свиной окорок, и попросил его позвать меня.

Хотя, с другой стороны — чего тут такого? Все знали, что он слуга мастера Гая, все знали, что мастер Гай вроде как друг нашего наставника. Мало ли что один маг хочет передать ученику другого через своего слугу? Особенно, учитывая шаткое положение этого ученика. Дружба — она понятие круглосуточное, особенно если себя ей не компрометировать.

— Это хорошо, что ты надумал убраться на время из этих земель — без предисловий заявил мне Агриппа — Мастер просил передать, чтобы ты теперь смотрел в оба. Эвангелина тебя может и не тронет, у нее память девичья, а вот ее ученики — это другое дело. Между прочим, они еще позавчера наняли трех неплохих бойцов из числа наемников. На самом деле неплохих. Особенно их старший... Очень приличная техника боя, слова дурного не скажу.

И он поковырял пальцем свой распоротый на боку кожаный жилет, который виднелся из-под плаща.

— Спасибо — поняв, что к чему, сказал ему я — Вот правда — спасибо.

— Я выполняю приказы мастера — проворчал Агриппа — Ты ему нужен живым, и дело только в этом. А так мне было бы все равно, прирежут одного молодого идиота, который не умеет держать языка за зубами и шпагу в ножнах, или нет.

— Это мне понятно — я тут же опустил глаза и виновато зашаркал ногой — Так получилось.

— Получилось — рыкнул Агриппа и влепил мне увесистый подзатыльник — Получилось у него. Эти слова к месту в разговоре с отцом, чью дочку ты обрюхатил или с городской стражей, которая тебя из кабака выводит после хорошей потасовки. А тут не тот случай. Прибить ученика другого мага! Да еще и Эвангелины, которая с мастером Гаем на ножах.

— Так она не знает, что я служу мастеру Гаю — понизив голос до еле различимого шепота и вытаращив глаза, сказал я — Я для нее ученик Ворона.

— Ты так уверен в том, что она ничего не знает? — ухватил меня за отросшую прядь волос, которая спадала на глаза, Агриппа — Ты в этом уверен? И еще — ты уверен в том, что ты сможешь удержать это все в тайне?

— Не считай меня за идиота — в данном случае почти совсем уж

искренне заверил его я — Сам же знаешь, что со мной будет после того, как я язык развязжу.

Ну, на самом деле ничего со мной не случилось бы, как мне думается. Чем дальше я изучал магию крови, тем больше во мне крепла уверенность в том, что смухлевал тогда в сарае мастер Гай. Не было там никакого ритуала. Нет, некая волшба была, усыпал он меня честь по чести, это без врак. Но вот все остальное... Взял он меня тогда на испуг и под этим соусом привязал к себе.

Хотя, если здраво рассудить, выбора тогда у меня особого не было. Откажись я, усомнись, да просто начни психовать — и тот же самый Агриппа перерезал бы мне глотку.

Да и сейчас по сути немногое изменилось. Мастер Гай все так же опасен как скальная гадюка, чей яд убивает за четверть минуты, а Агриппа... Это Агриппа.

— А если ее ученики тебя прихватят и пятки как следует подкоптят? — дернул он меня за волосы. Мне было очень больно — Или начнут по кусочкам резать? Или чего магическое учудят? Они способны на такое, я их видел. Можно подумать, что ты тогда язык не развязешь.

— Пусть сначала прихватят — зашипел я — Ай, отпусти!

— Отпусти — недовольно откликнулся Агриппа, но волосы мои выпустил — Думай, парень, думай, прежде чем кого-то на тот свет отправить. Точнее — думай, кого убиваешь. Ну, не по душе тебе был тот толстяк, мешал он тебе, так зачем же при свидетелях его протыкать? Есть масса других способов. В конце концов меня бы попросил, я бы это все провернул как надо, как следует.

Если честно, у меня в этот момент впервые в жизни возникло ощущение, что меня отчитывает отец. Точнее — в моем представлении это, скорее всего, именно так и должно было выглядеть.

Сказать в свое оправдание было нечего и потому я промолчал.

— Значит так — Агриппа высморкался — Мастер одобрил то, что ты на время исчезнешь, это лучший вариант на текущий момент. И чтобы пару месяцев тебя в герцогствах видно не было. А летом, глядишь, и ситуация выправится. Могут появиться такие аргументы, при которых и Эвангелина, и ее ученички побоятся даже смотреть в твою сторону.

Значит, шансы на то, что мастер Гай все-таки займет место архимага в конclave «Сила жизни» велики. Настолько, что он даже не боится сообщить об этом Агриппе.

Или он не доверяет мне настолько, что специально велел это сказать? Мол — я побегу к Ворону, а от того информация попадет к Эвангелине и

Виталии?

Хотя нет. Все проще. Это ммнея уже голову заморочили так, что я везде ищу второе дно. И третье. И пятое.

— И вот еще что — Агриппа цапнул меня за загривок и приблизил мое лицо к своему — В Силистрии тоже смотри в оба. Там сейчас времена неспокойные, насколько я знаю, наступили. Не такие, как здесь или на границе с эльфами, но все же. Не лезь на рожон, сначала думай, потом делай. И не оставляй свидетелей, если уж пустил кому-то кровь. Там — Юг, там обиду помнят веками и никогда ее никому не прощают. И еще это... С девками там поосторожнее. Кровь у них горячая, чуть что не по их нраву, так сразу или яд в вино сыпнут, или кинжал под ребра воткнут.

— Да какие девки? — захлопал глазами я — Мне бы от своих, местных отдохнуть. Я там планирую вино пить, в море купаться и на солнышке греться.

— Коли так все выйдет, буду за тебя рад — Агриппа отпустил меня — И не забывай, если что есть еще одно место, где ты можешь отсидеться.

Он достал из напоясной сумки пергамент, тот самый, который закреплял за мной права на наследование поместья в Лесном Краю и показал его мне, а после огорожил неожиданной новостью — Я нанял несколько слуг и отправил их в твои земли. Запомни их имена — Вальтер, Аделард и Горст. Все из бывших вояк, все знают, что именно ты хозяин этих земель, тебя я им описал.

— А зачем это все? — изумленно спросил у него я.

— Затем, что у тебя должно быть хоть какое-то место в Рагеллоне, где ты сможешь перевести дух и отсидеться — выкатив глаза, рыкнул Агриппа — Эти трое все там изучат, если надо, найдут еще слуг. Случись что, ты приедешь не на пустое место. Кстати — вот тебе карта. Ты же даже не знаешь, где твои земли находятся.

И Агриппа протянул мне свиток, перевязанный шнурком.

— Спасибо — в горле у меня отчего-то запершило — Слушай, но это ведь все денег стоило, может я...

«Буммм». От очередного позатыльника у меня снова зазвенело в ушах.

— Не для тебя стараюсь — просопел Агриппа — Для нашего хозяина.

Интересно, а наш хозяин вообще в курсе, что у меня в имении слуги появились и о том, что кое-кто обо мне вот так заботится? Но спрашивать об этом Агриппу я точно не стану, здоровье дороже.

Да и ни к чему это. Пусть все будет, как будет. Я не хочу разрушить то, что у меня впервые в жизни появилось.

— К слову — Агриппа запустил руку в сумку и перебросил мне

небольшой мешочек, в котором приятно звякнули монеты — Здесь немного, но ты и едешь на все готовое. Гостеприимство Монбронов Силистрийских общеизвестно. Если ты хоть раз был приглашен за их стол, ты можешь с этого момента занимать место за ним до самой своей смерти, и никто у тебя не спросит, кто ты таков.

— Как они до сих пор не разорились? — впечатлился я — Но мне это на руку. Хоть отъемся.

— Скорее Силистрия обнищает, чем они разорятся — Агриппа снова дернул меня за челку — И, слушай, подстригись что ли. А то они тебя за слугу сына примут!

На том мы и расстались с Агриппой. А вот сегодня Рози, по сути, его словами говорит. Нет, возможно, они и правы, но вот только зло берет. Все такие умные, все такие знающие, один я, выходит, дурак.

Да если и так, то выживать все равно придется мне, а не вам.

Впрочем, вру. Сейчас мои шансы стали чуть лучше, чем раньше. Теперь у меня есть друзья, и они на самом деле готовы встать на мою защиту. К мысли этой я все еще до конца привыкнуть не могу, но кое-как она у меня в голове закрепилась.

Другое дело, что их помощь, она разной может быть. Если Гарольд и Фальк просто встанут со мной плечом к плечу, то Рози... Вот она сама непредсказуемость. Мне казалось, что эта парочка от скуки с нами увязалась, ан и нет. У нее, оказывается, была кое-какая задумка и сейчас она ее воплощает в жизнь. Я ведь поднабрался за эти два года знаний о том, как устроен мир благородных, а потому догадываюсь, что она решила устроить. Монbron же, похоже, вообще сразу сообразил, что к чему.

На самом деле все просто.

Я буду гостем дома Монбронов, и де Фюрьи, несмотря на всю свою влиятельность, трогать меня не станут. Ну, по крайней мере официально. Законы чести, давние родственные связи, традиции и прочие условности меня защищают довольно надежно.

Маменька Рози, как и было сказано, примчится посмотреть на дочь и ее любовника. Не удивлюсь, к слову, если компанию ей составят братцы.

Хоть Рози и отрезанный ломоть, но честь семьи — это честь семьи, и даже если она теперь ученица мага, а в прошлом «ничья невеста», то это ничего не меняет. Репутация рода должна быть безупречна. В безалаберной Силистрии или в герцогствах может на ее проделки и посмотрели бы сквозь пальцы, но не в чопорном Асторге. Плюс, не забываем о смеси королевских кровей, текущих в ее жилах.

Короче — меня предъявят маменьке, та меня не одобрит, но выбора у

нее не будет, и я, скорее всего, стану официальным женихом хитроумной госпожи де Фюрьи. Мужем — вряд ли, до такого маменька Рози дело довести не даст, но женихом — точно.

И с того момента любой, кто посягнет на мою жизнь, получит кучу проблем, поскольку семейство моей будущей невесты никому не спускает своих обид. Даже если они нанесены такому бесполезному существу, как я. Ну, с их точки зрения бесполезному.

Насколько я помню, с ними считается даже Орден Истины. Что уж говорить о каких-то магах-недоучках.

Одно мне непонятно — накой все это Рози? В смысле — зачем она за меня так хлопочет, даже вот в это путешествие отправилась. Нет, я помню те планы нашей общей будущности, которые она мне прошлой весной излагала, но тогда я счел их если не шуткой, то иронией.

А если нет? Если она говорила всерьез?

И все-таки — почему я?

Ведь есть же на это какая-то причина?

Но какая? В этом обязательно надо разобраться. И я разберусь, благо чего-чего, а времени у меня в достатке. Нам только до Силистрии сколько добираться.

Глава 2

Самое забавное, что я ошибся. В том смысле, что в Силистрию мы попали раньше, чем ожидали.

Просто изначально как-то само собой подразумевалось, что мы погостим денька три у графа Лотара, познакомимся с его семьей, выпьем положенное количество вина и съедим положенное количество блюд. Для людей нашего круга положенное. Графа не смущало то, что все мы как бы уже и не представители в большей или меньшей степени знатных фамилий, не сказать — изгои. Тут, на Юге, отношение к этому было другое. Коли ты рожден благородным, то ты таким и останешься до самой смерти. Так здесь, у них принято.

Так вот — сначала погостим, а после сядем на лошадей и двинемся в сторону Силистрии.

Мы думали, что будет так. А оно возьми, да и обернись по-другому. Накануне прибытия в Алессию, родину графа, за ужином, он сообщил нам, что мы можем продолжить путь на его корабле дальше, прямиком до Форессы, столицы Силистрии. Мол — плывите ребятки и вспоминайте меня добрым словом.

Не знаю, что явилось причиной такого решения — заметная ли всем нервозность Гарольда, который рвался домой, или что-то еще, но нас всех это сообщение очень порадовало. Если честно, очень не хотелось снова трястись в седле. Да и потом — всем нам еще было очень памятно прошлогоднее путешествие. Понятно, что глупо проводить параллели между дикими местами, по которым мы шатались и густонаселенным Югом, но все же...

— Я думаю, что так будет лучше для всех — закончил свою речь граф Лотар, поднимая серебряный походный стаканчик с вином — Но настоятельно требую, чтобы на обратной дороге вы непременно посетили мое скромное жилище хотя бы на один день. Если этого не случится, я буду очень, очень опечален. Более того — я сочту это оскорблением своего рода.

— Непременно, дядя — радостно ответил Гарольд — К тому же я не прощу себе, если мои друзья не попробуют ваших знаменитых жареных перепелов в вишнево-медовом соусе.

Карл заерзal на стуле, судя по всему, он уже хотел попробовать это блюдо.

— Помнишь их вкус до сих пор? — Лотар потрепал Гарольда по

голове — Да, это наш фамильный рецепт. Кстати, моя старшая дочь, Бьянка, прекрасно их готовит. Заметьте — сама готовит. Она у меня такая, не чурается истинной женской работы.

Мы все уже знали про то, что Бьянка, старшая дочь графа Лотара, она большая умница, рукодельница и вообще идеальная хозяйка, которая не даст спуску слугам, сбережет дом и приумножит состояние семьи.

Нет, так-то граф Лотар отличный дядька, но вот этими рассказами о дочери он нас всех уже изрядно утомил. Особенно же доставалось Гарольду, которому он явно прочил её в жены. И его совершенно не смущал тот факт, что Монброн по своему новому статусу менее всего для этого подходит.

Хотя, возможно, он, по врожденной простоте душевной, просто не особо вдумывался в то, кем мы все являемся. Ну, ученики мага и ученики мага, мало ли какая блажь молодым людям в голову взбредет? Фамилия-то родовая Гарольда никуда не делась. И состояние его семьи тоже. И связи. И положение при дворе. Главное — пусть женится, а там видно будет.

Ради правды, меня еще смущал тот факт, что эта Бьянка, по сути, Монброну приходится троюродной сестрой, но Рози мне объяснила, что тут на Юге подобные браки совершаются сплошь и рядом. Более того — троюродные это еще ничего, тут и союзы между двоюродными братьями и сестрами норма. Бывает и еще похлеще, между родными, это когда состояние из семьи в виде приданого род выпускать не хочет, но это уже не приветствуется. Велика опасность того, что от этой связи на свет может появиться существо с внешностью человека и душой демона. Случалось тут такое уже. Лет двести назад подобное существо кучу народу вырезало, собрав под свою руку целую армию отребья, которого в любом городе полно. Нищие, бездомные, «солдаты удачи», просто бездельники, наконец. Этот выродок сколотил из них войско, захватил несколько крепостей и даже пару городов, где устроил настоящую бойню. Кровь в них, если верить рассказам, по улицам ручьями текла.

Еле-еле объединённое войско Юга при поддержке магов его прибить тогда смогло. Кстати, командовал этим войском тогда прапрадед Гарольда.

— Непременно заедем, дядя — Монброн опрокинул в рот стаканчик вина — И передай Бьянке, что я целую ее руки.

Граф Лотар расплылся в улыбке, и снова потрепал моего друга по голове. Отечески так потрепал. Я бы сказал — по-семейному. Практически по-родственному.

Интересно даже глянуть на то, что там за Бьянка такая.

Вот мне и очередной урок. На вид-то граф простоват, а на деле все он

отлично просчитывает. Наведайся мы к нему сейчас — и толку от этого было бы мало. Мой друг рвался бы домой, и в лучшем случае все закончилось бы скомканым визитом.

А вот на обратной дороге — другое дело. Все дела так или иначе разрешились, все в хорошем настроении, все расположены друг к другу, можно и перепелов в вишнево-медовом соусе покушать. Из рук красавицы Бьянки.

Ну, а если все закончится не в нашу пользу, так и вовсе потерять никаких. Никто просто до гостеприимного графа Лотара не доедет, потому что мы будем мертвы.

При любом раскладе он в выигрышном положении.

В результате утром один из двух кораблей графа, которые были получены им в качестве военной добычи, повернул к гаваням прекрасного белокаменного города, что раскинулся на зеленых холмах и был ярко озарен утренним солнышком, а второй, на котором были мы, продолжил плавание.

— Если бы я остался тем, кем был, мне бы точно пришлось на этой Бьянке жениться — заметил Монброн, махая рукой графу Лотару, стоящему на корме корабля и смотрящему на нас — Что застыли? Улыбаемся и машем! Человек нам столько добра сделал.

— А что, эта Бьянка страшна как смертный грех? — полюбопытствовал Карл, выполняя вышеизложенную просьбу и размахивающий руками так, что это было похоже не на «прощайте», а, скорее, на «спасите» — Или у нее изъян какой есть?

— Да откуда мне знать? — ответил ему Гарольд — Я ее видел в последний раз лет пять назад, ей тогда только-только десять исполнилось. Плотная такая девчонка была, из-за щек ушей не видно.

— Ну, если вспомнить про ее любовь к готовке, то, надо думать, не сильно она и изменилась с тех пор — резонно заметил я.

— Я в десять тоже толстой была — заступилась за многострадальную Бьянку Рози — Все платья по шву трещали. А сейчас?

И она обхватила свою талию ладонями. Нет, пальцы рук не соединились, но все равно смысл данного действия был предельно ясен.

Эбердин насупилась и начала что-то насвистывать. Ее талию мерять смысла не было. У нее не было талии. Нет, толстой она не была, просто строение фигуры было такое. Не было у нее талии. Совсем.

— Ну да ладно — верно расценила поведение подруги Рози — Это все не так и важно. Скажи, Монброн, тебе граф ничего не рассказывал о том, что происходит в Форессе? В смысле — в твоем семействе? Из того, что

мы еще не знаем?

Надо заметить, что секрета из цели нашей поездки Гарольд не делал. Мы с Карлом были в курсе его дел изначально, да и для Рози тайны особой в этом не было. Тем более, что именно она прошлой осенью привезла ему весть о том, что Монброн-старший захворал, а его родной брат, которого звали Тобиас, и который, соответственно, приходился Гарольду дядюшкой, тут же начал копать под родича при дворе и накладывать свою лапу на семейные капиталы.

Собственно, потому Гарольд так и рвался домой. Дела семьи — это святое, даже мне, почти всю жизнь бездомному и безродному, это было ясно.

— Увы, увы — покачал головой мой друг — То ли в самом деле ничего не знает, то ли предпочел отмолчаться. Но я не напирал на него. А зачем? Если все будет удачно, завтра ночью, в крайнем случае, послезавтра утром мы будем в столице и все узнаем сами, из первых рук.

— Может, ты и прав — признала Рози — Иногда вести, проходя через несколько рук изрядно преображаются. Строишь на их основании один план, а на деле оказывается, что требуется совсем другое.

— Ветер попутный — Карл, который в последнее время с удовольствием изображал из себя бывалого моряка, послюнявил палец и вытянул руку вверх — Быстро добежим до Силистрии.

Он так и не понял, похоже, почему мы дружно расхохотались.

Правы оказались они оба — и Карл, и Гарольд. И ветер был попутный, и в Форессу мы прибыли в ночь. Точнее — изрядно за полночь.

— Ну куда мы попремся? — ворчал я, затягивая пояс и зевая — Темень какая, глаз коли. Два часа еще до «волчьей стражи», если не больше. Давай тут до утра побудем, а потом уж, поутру и пойдем.

— Согласен — с хрустом потянулся Карл — Монброн, не дури. Город спит, и домашние твои тоже. Вон, даже портовые — и те дрыхнут.

Это было так. Нет, фонари у пирсов горели, маяк на высоченном утесе, находящемся лигах в шести от порта, ярко светился, и даже какой-то служитель, после того как мы отшвартовались в гавани, зевая, взошел на борт, дабы выяснить кого демоны принесли посреди ночи. Но в целом на территории порта была темень и тишина.

Я, если честно, был удивлен. У нас в Раймилле порт не спал никогда. Да и как это могло произойти? Ночь в портовом городе, не предназначена для сна. Рыбаки затемно выходили в море ловить макрель и сибаса, за которыми утром на рынок придут грудастые кухарки, контрабандисты у дальних причалов разгружали свои когги и фелюги, за ними присматривали

таможенники, имеющие свою десятину от привезенных товаров, гудели кабаки и таверны, в которых пил, веселился и дрался морской люд, черпая полной ложкой все радости жизни. Добавьте сюда еще стражников, воров и шлюх, которые тоже все время ошивались здесь же, на портовой территории.

Семь демонов Зарху, да у нас в порту ночью было многолюдней, чем днем.

А здесь — нет. Здесь тихо, как на кладбище.

Странно, я почему-то думал, что южные города они вообще никогда не спят. По крайней мере, по рассказам Гарольда все выходило именно так.

— Так оставайтесь здесь, в чем же дело? — Монброн затянул шнур перевязи и проверил, легко ли выходит из ножен шпага — Утром я пришлю за вами слугу, он сопроводит вас в мой дом. А я отправляюсь прямо сейчас.

— Все-таки ты ужасно упрямый — Рози накинула на плечи плащ — Но, с другой стороны, будь ты покладистым как твой брат Генрих, можно было бы говорить о вырождении Монбронов Силистрийских. Эраст, а ты знаешь, что одного из его предков казнили только за то, что он не пожелал согласиться с точкой зрения тогдашнего монарха?

— Это как? — заинтересовался я.

— Очень просто — хмуро ответил Гарольд вместо Рози — Леокадий Второй, прадед нынешнего короля, утверждал одно, а один из моих прапредков говорил другое, не желая с ним соглашаться. Непосредственно предмет спора сейчас уже никому неизвестен, но точно не подлежит сомнениям, тот факт, что мой предок взошел на эшафот, но с королем так и не согласился.

— Ты не обижайся, Монброн, но не сильно был умен твой предок — Эбердин накинула на плечо ремень сумки — Положить голову на плаху из одного упрямства, это блажь, а не подвиг.

— Чего тут обижаться? — даже не стал с ней спорить Гарольд — Блажь и есть. Точнее — бессмысленное упрямство. Родовая черта характера. Не удивлюсь, если когда-нибудь именно оно меня и погубит.

— И заодно тех, кто будет рядом с ним — тихонько шепнула мне на ухо Рози — Но я за тобой присмотрю.

— Только на то и надежда — хмуро ответил я и рявкнул на Фила, который упирался всеми ветками, не желая лезть в мешок — Да что мне тебя, скрутить, что ли?

Врать не буду — я сто раз пожалел, что решил взять его с собой. Очень много было от него неудобств в этом плавании. Во-первых, всю дорогу приходилось его прятать в трюмном закутке, в том самом, где для наших

спутниц создали нечто вроде отдельных покоев. Проще говоря — огородили угол, да и все. Сказать, что Рози была от этого не в восторге — ничего не сказать. Но деваться некуда — терпела, поскольку показывать мое беспокойное ручное растение суеверным морякам совершенно не хотелось. Кто знает, как бы они на него отреагировали? Может, посмеялись бы, а может за демона приняли и изничтожили от греха. И нас до кучи в море побросали.

А потом еще и Ордену Истины про случившееся рассказали.

Во-вторых, самому Филу очень не нравилось морское путешествие. Ему было маятно в темном трюме. Он любил свободу, простор и солнце, здесь же не имелось ни того, ни другого, ни третьего.

Да еще и Карл, то ли случайно, то ли нарочно несколько раз на него наступил, заслужив тем самым нелюбовь Фила и признательность Рози.

Потому сейчас он, разозленный и раздраженный до крайности, упрямо не желал лезть в холщовый мешок. Он сопротивлялся изо всех сил, махая отросшими ветвями, щелкая соцветием-ключом и упираясь корешками в доски пола.

— Фил, ну что ты как незабудка какая-то ломаешься? — не выдержал наконец Гарольд — Как ты еще собираешься по городу передвигаться?

Мой питомец замахал ветвями и зашелестел вновь выросшей за плавание листвой, как бы заверяя его, что он ого-го как может передвигаться. Побыстрее остальных.

— Оставить его здесь — посоветовала Рози — Пусть из него морячки зубочисток наделяют. Или суп сварят.

— Тыфу ты — Карл нахлобучил на голову шляпу, взял у меня мешок и навис над Филом — Значит так, зеленый, все очень просто. Вот это мешок, вот это моя нога. У тебя есть выбор — либо ты сам в него лезешь, либо я тебя своей ногой туда запихаю. Ну?

Фил повертел соцветием, недовольно потряс листвами и полез в мешок. Карла он боялся.

— Вот — удовлетворенно сообщил всем Фальк — А то разговоры, уговоры. Все просто в этой жизни. И вот еще что, Эраст. Мешок я понесу, а то он тебе покою не даст. А у меня смирненько сидеть будет, не шевелясь, потому как я щекотку не люблю. Ты слышал меня, зеленый?

Ответа не последовало, но мешок двигаться сразу же перестал.

Мы попрощались с капитаном, Монброн высыпал ему в ладонь десяток монет, надо полагать, последние, что у него были, и попросил еще раз передать нашу устную благодарность графу Лотару, а также заверения в том, что мы непременно наведаемся к нему в гости. На том мы и

расстались с кораблем, который две недели с лишним был нашим домом.

Город был не менее темен, чем портовая территория. Редкие масляные фонари освещали пустынные узенькие улочки, на которых не было ни то, что проходил, но даже и патрулей стражи.

— Невесело тут у вас — пробасил Карл, опуская ладонь на рукоять шпаги — Ты вроде говорил, что здесь есть бордели, кабаки и прочие увеселительные заведения. И где это все?

— В центре города — ответил Гарольд, быстро шагая по брусчатке мостовой — Там это все есть. А тут — «черный» город, кварталы мастеровых, ремесленников, портовых служащих. Им ночная жизнь ни к чему, у них другие интересы. Кстати, там, куда мы идем, тоже будет тихо и покойно. «Белый город» в этом от «черного» не отличается. Света, разве, что у нас куда больше.

— Дай угадаю — попросил я — А в «Белом» городе живут благородные и царедворцы?

— Не угадал — Монброн остановился, повертел головой и свернулся в совсем уж узенький переулок — Точнее — угадал отчасти. Царедворцы все живут близ дворца, там их место. А у нас, в «белом» городе, обитают представители старых родовитых фамилий, нобили, сделавшие состояния на торговых операциях и просто люди с деньгами. В Силистрии, в отличие от королевств Запада, уважают тех, кто смог подняться из низов и сколотить себе состояние. А ну брысь!

Эти слова он адресовал нескольким теням, возникшим в арке, что была у нас на пути. Оклика и бряканья шпагой для теней оказалось достаточно. Они метнулись в неверном свете фонаря и исчезли.

— Как ты здесь ориентируешься? — жалобно спросила у Монброна Рози — Я бы даже днем тут заплутала.

— Это мой город — Монброн шумно втянул воздух ноздрями — Это мой дом. Как я в нем могу заблудиться? Боги, как же я скучал по нему! Ну же, вдохните поглубже. Только здесь так пахнет ночь. Здесь и нигде больше.

— Да брось ты — Карл сплюнул в сторону — Сточные канавы везде пахнут одинаково.

Тут я был с ним согласен. Не знаю, как в «белом» городе, а здесь вонь стояла преизрядная, судя по всему, нечистоты сливали прямо на улицу.

— Да ну тебя — возмутился Гарольд — Вот приедем в Лесной Край, я про него тоже гадостей наговорю!

— Не наговоришь — уверенно заявил Карл — Не успеешь.

— В смысле? — опешил Монброн.

— Мы начнем пить гораздо раньше — пояснил Фальк — У первого же поместья, если быть более точным, у барона Риволя. У нас там городо нет, одни поместья, зато в каждом из них есть свой сорт пива или эля. И кабачок при поместье есть, где его попробовать можно. Наши пивоварни вообще местная достопримечательность, и путь по Лесному Краю так и называют: «Пьяная дорога». Пока мы до моего папаши доберемся, знаешь, как надеремся! Эраст, подтверди.

— Так и есть — привычно поддакнул Карлу я.

— Ну вот — здоровяк на чем-то поскользнулся, чуть не упал, выругался и продолжил — А ты, когда пьяный, всегда добрый.

— Я тоже с вами поехать хочу — внезапно подала голос Эбердин — Это может быть небезынтересно.

— О чём речь — повернул к ней голову Карл — Почему нет? А потом мы еще кабана затравим и зажарим. И на медведя сходим. И на лося.

— Хорошее дело — Эбердин повела носом и сморщилась — А воняет тут и правда гадостно.

— Это еще ничего — с холодком в голосе, как видно, все же обидевшись за свою родину, сказал нам Гарольд — Вы в катакомбах не были, что под городом. Вот где смрад и мрак. Туда даже не всякий стражник рискнет отправиться. Там все городское отребье проживает.

— Ты там, разумеется, побывал? — с уверенностью произнесла Рози.

— А как же — не без гордости ответил Монброн — Три раза. Правда, после третьего я сказал себе, что хватит искать настолько острых ощущений. Я тогда чуть не умер, мне изрядно распороли бок, а клинок, которым это сделали, был измазан в человеческом дерьме.

— Скверная рана — в один голос сказали я и Карл.

— Не то слово — Гарольд потер правый бок — Если бы не королевский маг, то не идти бы мне сейчас здесь с вами. Он тогда заразу из моей крови вытравил.

Про такое я слышал. Если дерьмо, человеческое или звериное попадает в кровь, то все, пиши пропало. Сгоришь за пару дней, причем в жутких муках.

Нет, не хочу я в катакомбы под городом. Тем более, что в Раймилле я в подобных бывал. И вправду гиблое место. Для чужаков, разумеется.

Тем временем переплетения уличек «черного» города закончились, мы оказались на довольно широкой улице, где было значительно светлее и даже обнаружилась кое-какая ночная жизнь, а именно несколько кабачков, которые, несомненно работали.

— Пивка бы — с тоской глянул на вывеску одного из них Карл — По

кружечке. И дальше побежим. Монброн, пять минут ничего не решат. И название у этого заведения хорошее — «Давай, выпей меня».

И вправду, кабачок именно так и назывался. Надо полагать, речь шла про огромную кружку, вырезанную из жести и красовавшуюся над крышей.

— Он шутит — жестко сказала Рози и ударила здоровяка кулаком в плечо — Так он поддерживает свою репутацию. Сам понимаешь, Фальк будет не Фальком, если пройдет мимо кабака, и не скажет, что туда надо заглянуть. Да, Карлуша?

— Да — с печалью глянул на жестяную кружку Карл — Шучу я.

Как по мне, то это и в самом деле был уже перебор. Если уж сорвались в ночь, то надо дойти до цели без остановок. Да и видно было, что Гарольд еле сдерживается от того, чтобы не перейти на бег.

Улица становилась все шире, и вскоре привела нас на главную городскую площадь, как видно ту самую, на которой и шло еженощное веселье, про которое рассказывал нам Монброн. Это, конечно, был не карнавал вроде того, что мы когда-то видели в Форнасионе, когда были в гостях у Луизы, но происходящее все же впечатляло. Много народу тут ошивалось, причем самого разного. Бродячие артисты, богато одетые аристократы, девицы всех мастей. Да и нашего брата вора хватало, я безошибочно определил как минимум пяток своих бывших коллег по ремеслу.

Многие из присутствующих, кстати, узнали Гарольда, поскольку то и дело из толпы его кто-то окликал, а пара девиц разве что только на шею ему не повесилась.

Он отдельывался улыбками и короткими фразами, ни на секунду не останавливаясь с кем-то поболтать. Хотя, как мне думается, это было бы не лишним. Узнавать новости лучше всего от вот таких людей. Они хоть, может, и добавят от себя разной ерунды, но зато в целом расскажут все так, как есть. Имискажать действительность резона особого нет. Точнее — нет у них в этом выгоды. Приукрасить произошедшее могут, но вот сознательно сбивать с толку не станут.

А словесную шелуху и придумки всегда отделить от рассказа можно.

Площадь была велика, но и она, наконец, закончилась, снова превратившись в дорогу. Точнее — в две дороги. Одна вела налево, к темным величественным громадам башен, мрачно смотревшимся на фоне ночного неба. Другая — направо.

— Королевский замок — показал на башни Гарольд.

— Нам туда пока не надо — зевнула Рози — Нам бы к тебе в гости попасть, да спать лечь.

— Так в чем дело? — Монброн двинулся по правой дороге — Мы почти пришли.

И в самом деле — вскоре шум ночного веселья стих, и мы снова оказались на тихих улочках спящего города. Правда, тут мостовые были пошире, фонарей было побольше, и дома были не чета приземистым строениям «черного» города. И еще здесь воздух был чистый.

Но вот что интересно — городской стражи и здесь не оказалось. В этом городе она вообще есть?

Хотя — что там стража. Я недоуменно смотрел на дома, которые от дороги были отделены только арками без ворот и низенькими, такими, что через них можно было перешагнуть, заборчиками.

Никогда до того не видал, чтобы богачи не отгораживались от остального мира стражей, замками и стенами.

— Слушай, а у вас тут, в Силистрии что, никто никого не боится? — спросил я у Монброна, ткнув пальцем в сторону очередной арки и очень богатого на вид дома, стоящего поодаль от нее, в тени раскидистых деревьев — Здесь только вывески для лихих людей не хватает, вроде «Заходи, и бери что хочешь».

— Сюда ни один лихой человек не сунется — на ходу пояснил Гарольд — А особенно в этот дом. Здесь живет Анго Фуэн.

— Стало намного понятнее — сказал мне Карл — Если это дом самого Анго Фуэна, то понятное дело, к нему никто не полезет.

— Зря иронизируешь — без тени шутки произнес наш друг — Фуэн один из «ночных королей» Форессы. В нашем городе нет ни одного нищего, который не платил бы ему со своего дохода. Если ты бросил грош побиушке, то можешь быть уверен, что третья от этого гроша осядет в карманах Фуэна. А вон в том доме, с золотыми колоннами, обитает Сезар Руан. На его руках крови больше, чем у иного палача, он глава гильдии наемных убийц.

— То есть всем известно, чем промышляют эти господа и все равно власти города дают им жить в нем спокойно? — я даже остановился от удивления — Однако!

— Мой отец всегда утверждал, что с бесстыдством Силистрии в Рагеллоне не может соперничать никто — сообщила мне Рози, подтолкнув в спину — Даже городок под названием Эйзенрих, в котором, по слухам, живут одни продажные девки.

Карл и Гарольд понимающие переглянулись и подмигнули друг другу. Кто-то, а они-то знали, что все рассказы про Эйзенрих это чистая правда. Помню я их помятый вид после ночного загула в этом самом городе.

А вот мне в этой связи рассказать нечего, не довелось как-то вкусить от тамошних грехов. Правда, и без приключений я не остался. Я в Эйзенрихе свел знакомство с мистресс Виталией, и после него еще недели две просыпался в холодном поту. Да и сейчас, бывает, мне под утро снится та ночь и ощущение собственного бессилия перед мрачной мощью этой женщины. И еще то, что я снова ослеп, как тогда, в покоях публичного дома. Пусть это длилось и недолго, но страх того, что подобное может повториться, со мной останется навсегда.

— Впечатлен — признал я, догоняя Гарольда — Но зато теперь понятно, почему здесь никто не боитсяочных работников. И правда — кто сюда сунется?

— Верно — подтвердил тот — Кто здесь попробует хоть что-то украсть, тот на этом свете не заживется. Очень удобно. Хотя, ради правды, обитатели «белого города» из числа старых фамилий всегда были против соседства с подобными личностями, даже несмотря на подобную пользу. Много было в свое время по этому поводу копий сломано, только без толку. Короля такое положение вещей устраивает, а с ним в Силистрии никто не спорит. Разве что только палач, у него есть такое право, подтвержденное соответствующей грамотой.

Как оказалось, и здесь все было не просто так. То, что мы видели в самом начале, это был квартал зажиточных граждан, а наш друг проживал еще дальше, на некоем подобии холма, возвышавшегося над «белым» городом. Там были уже не просто богатые дома, там разместились именно что замки старых фамилий королевства, «старого золота», как тут говорили — с башенками, с круглыми куполами, с узкими окнами-витражами, разве что только без крепостных рвов и подвесных мостов.

А вот стены вокруг них наличествовали. Ну, не такие как в герцогствах, которые в случае чего штурмовать надо с лестницами и требушетами, но все равно основательные, в два человеческих роста.

И родовое гнездо Монбронов Силистрийских окружала такая стена — крепкая и добротная. Впрочем, здесь все было сделано на совесть, в том числе и ворота — массивные, чугунные, с завитушками, увенчанные острыми пиками. А еще над ними красовался герб — огромный, с меня размером, словно кричащий о знатности фамилии, проживающей здесь.

Врать не буду — впечатляло это все. Особенно герб. Сдается мне, что на буквы, складывающиеся в девиз «Презрев смерть, дойти до цели», пошло настоящее золото, а не краска.

— Внушает — одобрил и Карл увиденное, а после тряхнул мешком, в котором, как видно, завозился уставший от тесноты Фил — Да уговорись

ты, почти пришли. Гарольд, чего стоишь? Давай, в колокольчик позвони или еще чего сделай. Как тут у вас заведено?

— У нас тут привратник всегда был — немного растерянно ответил ему Гарольд — Наша фамилия гостеприимна и хлебосольна, потому друзья семьи могли посещать наш дом в любое время дня и ночи. Днем ворота всегда были открыты, а ночью вон у той калитки всегда находился привратник, дядюшка Джок. Ну, или его сын. А сейчас их здесь нет и закрыто все. Сколько живу на свете, никогда такого не видел.

Карл еще раз тряхнул мешок, подошел к калитке, подергал ее, а после несколько раз ударил по ней кулаком.

— Открывай! — заорал он — Молодой хозяин приехал. Хорош спать!

— Нет, все-таки в вас, уроженцах Лесного Края, есть что-то такое, дикое, первозданное — сообщила мне Рози, кутаясь в плащ. Несмотря на то, что мы были на юге, под утро здесь становилось довольно прохладно — Вы очень быстро принимаете решение в ситуациях, которые нас ставят в тупик своей непривычностью.

Карл орал еще минуты три, пока, наконец, за калиткой не раздались шаги.

— Чего надо? — спросил оттуда чей-то сонный голос — Поди прочь, пьянчуга, пока я на тебя собак не спустил!

— Джок! — обрадовался Гарольд — Джок, почему все закрыто? Что происходит?

— Месьор Гарольд? — неуверенно произнес голос — Это вы? Вы живы?

Глава 3

— Как мило! — Рози всплеснула руками — Монброн, так ты, оказывается, мертв?

— Судя по всему — да — немного ошарашенно ответил ей Гарольд и крикнул — Джок, это я. Живой и здоровый. Открывай!

— Не обессудьте, месьор, но тут такое дело... — человек, находящийся за калиткой явно колебался, принимая решение — Скажу прямо — бывает всякое. Мой дед мне рассказывал, что по ночам, в час «волчьей стражи», да еще и весной...

— Проще говоря, Монброн, у твоего привратника нет уверенности в том, что ты не выходец из-за Границ — влезла в разговор Рози — Ведь так, Джок?

— Ваша правда, мистресс — подтвердили из-за калитки — Да и вы, воля ваша, возможно не очень-то девушки.

— Что? — не знаю отчего, но это высказывание привратника изрядно рассердило Рози и рассмешило Карла, который тут же расхохотался — Ах ты мерзавец!

— Самое забавное в этом всем то, что я даже не представляю, как доказать Джоку что я живой и настоящий — обратился к нам Гарольд.

— Все очень просто — отсмеявшись, Карл вытер слезы, выступившие у него на глазах — Давай я перемахну через забор и открою эту дверь. А после этого тебе будет уже все равно, что будет думать твой слуга. Но вообще-то это безобразие. Если бы кто-то из слуг моего папаши начал раздумывать о том, пускать меня в мой отчий дом или нет, то самое малое, чем бы он отдался, были бы сломанные ребра.

— У меня тут собаки — сообщил Джок, слышавший наш разговор — Полезете через забор, я их спущу. А еще кликну охрану месьора Тобиаса. Имейте в виду, что они все в прошлом воины королевской стражи и вооружены.

— Тобиаса? — Монброн помрачнел — А что люди дяди делают в моем доме?

— Охраняют своего месьора, что же еще? — изумился слуга.

— Но почему здесь? — повысил голос Монброн — У него есть свой дом!

Вот так так. Сдается мне, что этот дом теперь тоже его. Добился своего дядюшка Тобиас.

Еще это означает то, что отец Гарольда мертв, при нем живом, полагаю, подобное было бы невозможno. И старший брат тоже, надо думать, за Гранью.

И еще. Если я прав, то лучше бы нам всем оказаться подальше отсюда, а то ведь дядюшкино вранье может стать правдой. Вряд ли ему нужен живой Гарольд, не просто же так он его похоронил.

Вот только вряд ли эти мои соображения найдут практическое применение. Теперь мой друг вряд ли отсюда уедет, пока во всем не разберется. Или не умрет.

Впрочем, может я и не прав. Может, дядюшка здесь заночевал просто так, по-родственному.

— Джок, отчего ты молчишь? — Гарольд забарабанил в дверь — Отвечай, я приказываю! И открой мне дверь, если не хочешь, чтобы утром тебе кожу со спины плетьми не спустили! Клянусь кровью богов, я лично прослежу, чтобы мой приказ был выполнен, и не пожалею пригоршни золотых для молодцев с конюшни, которые будут трудиться над тобой! И морской соли, которой тебе будут эту спину посыпать я тоже не пожалею!

— Молодой хозяин вернулся! — с радостью в голосе сообщил нам Джок, и загромыхал засовом — Вот теперь я вас узнал!

Ух ты. Судя по всему, до Вороньего замка Гарольд смиренным характером не отличался. Нет, он и сейчас не подарок, разумеется, но раньше, похоже, невыполнение его приказов дорого обходилось тем, кто не принимал их во внимание.

Калитка распахнулась и из нее буквально выкатился невысокий толстячок, абсолютно лысый и с носом, похожим на сущеную грушу.

— Месьор Гарольд — заморгал глазами он, глядя на моего друга — Месьор Гарольд! Как нам вас не хватало! Зачем вы уехали?

— Объясни мне Джок, что здесь делают люди моего дядюшки? — цапнул Монброн толстяка за отвороты холщовой жилетки — И самое главное — что с отцом? Как он?

— Помер хозяин — пробормотал Джок, его щеки затряслись и из глаз покатились крупные, с горошину слезы — Месяц как помер. Очень вас перед смертью видеть хотел, все повторял: «Лучше бы я его женил». Письма вам писал, много, каждый день. И матушка ваша писала.

— Письма? — Гарольд отчего-то посмотрел на меня — Я ничего не получал.

— И не мог получить — почесал бок Карл — Мы на войне были, а они, небось, в замок были доставлены. Это если вообще они до него добрались. Ворон это все не приветствует, ты же знаешь.

— Ворон этот! — срывающимся голосом сказал Гарольд, отпустил Джока и прислонился спиной к дверному косяку — Я же просил его, я же ему говорил... Отец умер. Отец... А меня не было рядом с ним.

Он запрокинул голову, на его глазах блеснули слезы, и он издал горлом звук, похожий на шипение. Он как будто схватил голой рукой раскаленный кусок железа.

— Ворон никогда ничего просто так не делает — заметила Рози и положила ему руку на плечо — Если не отпустил, значит, были на то причины. Джок, отчего умер твой хозяин?

— От болезни — поверив головой, сказал привратник — Старая рана у него была, да.

Знаем мы такие «старые раны», от которых люди, прежде на здоровье не жалующиеся, умирают необычно быстро. Проходили мы их на занятиях, чему-чему, а изготовлению ядов и противоядий Ворон немало времени уделил.

— Я так и полагала — как видно, подумавшая о том же самом Рози потеребила Гарольда — Успокойся уже. Что случилось, то случилось. Если ты еще не понял, то тебе здесь будут не рады. Очень не рады. И сразу скажу — если ты продолжишь рыдать и корить всех в своей беде, то мы с Эбердин и Эрастом прямо сейчас убираемся отсюда.

— Почему? — удивился Карл.

— Потому что тебя можно и оставить — бросила на него взгляд Рози — Ума тебе боги не дали, зато везения и силы за пятерых отвесили, так что ты выпутаешься из этой истории. Больше скажу — случись что серьезное, не дай боги, то мы все погибнем, а именно ты непременно уцелеешь. Иногда я твоей везучести даже завидую.

— Нет — помотал головой Карл — Я не о том. Почему ты думаешь, что Эраст отправится с тобой, а не останется с Монброном?

— Потому что это де Фюрьи — ответил вместо нее своим обычным голосом Гарольд — Она всегда добивается своего. Ты права, Рози, как и всегда.

Он вытер ладонью глаза и глубоко вздохнул.

— Джок, ты должен рассказать мне все — требовательно произнес Гарольд — То, что было на самом деле, а не то, что ты должен говорить всем.

Лицо толстяка жалобно скривилось.

— Я ничего не знаю, молодой хозяин — пробормотал он — Правда не знаю. Я всего лишь привратник. Ворота туда-сюда открываю и закрываю.

— Значит так — Карл сгреб в горсть воротник рубахи Джока —

Слушай меня сюда внимательно. Вот, видишь мешок?

— Вижу — испуганно проблеял привратник — Вижу, мой господин.

— Хорошо — Карл угрожающе засопел и выдвинул вперед челость — А знаешь, кто там сидит?

— Пчелы? — неуверенно предположил Джок.

— Нет — Карл пару раз ткнул кулаком в мешок, а после распахнул его и поднес его к самому носу привратника — Это злобный и беспощадный зверь «Мозгоед». Он своими ветвями протыкает головы людям, а после питается их мыслями и чувствами. Ну, и всем остальным тоже.

Озверевший от тесноты Фил и так был зол, а последние два удара Карла, похоже, привели его в бешенство. К тому же я последние три дня не кормил его, к своему великому стыду, что вряд ли добавило ему доброты. То одно, то другое, вот и забыл. Хреновый я хозяин, надо признать.

Из горловины мешка раздалось свирепое щелканье, а после вверх взметнулся десяток ветвей, стегнув Джока по щекам.

— Аааа! — заорал было привратник, да так, что у меня уши заложило.

— Не ори, народ разбудишь — приказал ему Карл, а мигом сообразившая что к чему Эбердин зажала Джоку ладонью рот — Молодец Эб, нам шум ни к чему. Странно, что до сих пор здесь никто не появился. Паршивая, видать, у дядюшки Тобиаса охрана, поспать любит. Не проживет он долго с эдакими телохранителями, я так думаю.

Что-что, а определенная слаженность в действиях у нас имелась, сказывался опыт совместных занятий, путешествий и лишений, потому уже через минуту калитка была закрыта, а Карл волок поскуливающего Джока к аккуратному домику, стоящему неподалеку от ворот. Полагаю, это было обиталище нашего привратника.

— Вот теперь и поговорим — подытожил Карл, ввалившись в небольшую комнату, которую освещала свеча, стоявшая на захламленном столе — Эб, присмотри за входом. Рози, солнышко, возьми мешочек и если наш щекастый друг не захочет откровенничать со своим молодым хозяином, то выпускай «Мозгоеда». Только аккуратно выпускай, чтобы он на нас не бросился. Я не хочу, чтобы моя душа вечно скиталась по Серым Равнинам, не находя себе приюта.

Рози выставила ладони перед собой и испуганно сказала:

— Нет уж! Я его боюсь до коликов в животе. Давай я лучше с тобой пересплю, это и то лучше, чем прикоснуться к этой твари из Бездны Демонов!

Лицо Джока из белого стало серым, а глаза остекленели. Он не

шевелясь сидел на табурете и, похоже, был близок к тому, чтобы лишиться чувств.

— Не надо мешка — Гарольд взял второй табурет и сел напротив привратника — Сейчас нам все расскажут, без утайки и недомолвок. Верно?

— Расскажу — подтвердил Джок — Что знаю — расскажу. Но, молодой хозяин, сразу оговорюсь — я сам ничего не видел, мне в замок ходу, кроме как на кухню, нет. Я что другие слуги говорили слышал.

— Ты не тяни, начинай — поторопил его я.

Не знаю почему, но мне казалось, что времени у нас не так и много. Начинало светать, а это означало, что скоро первые слуги примутся за свои дела. Кухарки начнут растапливать плиты, горничные заснут туда-сюда. По крайней мере, в доме Агнесс де Прюльи, у родителей которой во время нашего прошлогоднего летнего путешествия мы прожили несколько дней, было заведено именно так.

А если так, то очень скоро наше присутствие перестанет быть тайной. И когда это случится, хотелось бы понимать, что именно нас может ждать в доме нашего друга. Хотя, если начистоту, уже сейчас было понятно, что хорошего ждать не приходится.

— Слуги говорят, что не сам ваш батюшка помер — выпалил Джок на одном дыхании — В том смысле, что помогли ему за Грань уйти.

— Я понял — придвигнулся к привратнику Монброн — Ближе к делу.

— Да куда уж ближе? — захлопал глазами Джок — Выходит, что убили нашего старого хозяина. Сьюзен так и сказала: «Удавил этот кучерявый хрен месьора, подушкой задушил». Это не та Сьюзен сказала, что при кухне служит, а та, что горничная. Ну, о которой шептались лет пять назад, что она от батюшки вашего, стало быть, понесла.

— Данные подробности можешь опустить — остановил его Гарольд — Я хорошо помню эту историю.

И он бросил короткий взгляд в сторону прыснувшей Рози. Да я и сам еле удержался от смешка. Как видно, отец нашего друга, да пребудет душа его в свете, при жизни был еще тем проказником.

— Странно — Рози, по виду которой было понятно, что ей неловко от несвоевременного веселья, решила как-то внимания от данного факта, а потому встремляла в разговор — Я была уверена, что в дело пошел яд.

— И про яд говорили — закивал Джок — Только наш хозяин крепкий был, что ему какая-то отправа!

— Тварь — Гарольд впечатал кулак в стол так, что тот жалобно скрипнул — А что Генрих? Что мой брат?

— Брат ваш, не в обиду вашей милости будет сказано, не в отца пошел — отвел глаза в сторону привратник — И не в деда. Что дядюшка ваш говорит, то он и делает. Даже когда старого хозяина в фамильную усыпальницу везли, и то он не первый за гробом шел, а второй, следом за новы... За родичем вашим. Хотя всякий знает, что первым за гробом старший сын идет, за ним остальные, а уж потом вдова и братья с сестрами.

— Генрих, Генрих — скучлы Гарольда побелели от злобы — Всегда он слабым был, всегда чего-то боялся.

— Воля ваша, а я его понимаю — пробормотал Джок — Жить-то всякий хочет. Вот Лиам, сокольничий вашего отца, заявил было, что месьор Тобиас убийца, и что?

— И что? — тут же спросила у него Рози.

— А то — Джока, как видно, немного отпустил страх, и он начал говорить поживее — Через день нашли его неподалеку от дома, с перерезанным горлом и вывернутыми карманами. Вроде как грабители его убили. А ведь всяк в доме знал, что он хоть и постарел, но силы своей не растерял, и кинжалом орудует ого-го как.

— Лиам был умелый воин — подтвердил Гарольд — Он отцу с юности служил и во всех битвах прикрывал ему спину. Больше скажу — это он учил меня драться на боевых топорах. И на кинжалах тоже.

— Саймон-лучник сгинул неизвестно куда, Рицци тоже, и еще несколько человек из тех, что были верны вашему отцу и не желали молчать — продолжил Джок — А куда? Ответа нет, хотя все и догадываются, каков он.

Куда, куда... Лежат где-нибудь прикопанные или с камнем на шее в пруду на дне. Или даже в море.

— А дядюшка, стало быть, теперь себя хозяином почувствовал здесь? — подыточил Гарольд.

— Так оно и есть — подтвердил привратник — Поговаривают даже, что скоро король ему бумагу даст на то, чтобы он на матушке вашей женился и полноправным владельцем всего состояния семьи Монбронов стал. Он же мужчина свободный.

— А тетушка Маргарет? — уточнил Гарольд.

— Так она уже года как полтора в усыпальницу переселилась — бойко ответил Джок — Простудилась, говорили, сильно. За неделю сгорела. Так что дядюшка ваш опять мужчина свободный.

— Ну да, все верно — Рози щелкнула пальцами — Траур по усопшему супругу в Силистрии длится год, но король вправе сократить его срок или вовсе отменить. Генрих перед королем отрекается от наследства, твои

сестры не в счет, им разве что приданое надо будет выделить, если кто на них жениться надумает, так что главная наследница твоя мать. Точнее — ее будущий муж, ибо состоянием всегда управляет мужчина, если таковой есть. А тебя вообще в расчет не берут, Монброн, потому что ты умер.

— Умер — неистово закивал Джок — Про то и письмо было, сразу после того, как старого хозяина в усыпальницу, стало быть, определили. Мол — погиб месьор Гарольд Монброн на войне, где-то в западных землях, пал при штурме какой-то крепости как герой.

— Это Кройцена что ли? — спросил у нас Карл — Вот дела!

— Какая поразительная осведомленность — заметил я — И про войну, и про штурм. И еще — как быстро вести сюда донеслись. Сколько с осады прошло? Месяца два? А здесь месяц как про это знают. Как по мне — это быстро. Причем письмо-то не морем шло. Понимаете, о чем я говорю?

— Скажи мне, ты еще что-то хочешь спросить у этого бедолаги? — поинтересовалась Рози у Монброна, переваривающего новости, и показала рукой на привратника.

— Да нет — отмахнулся тот — Что он мог, то уже рассказал. Об остальном я либо догадываюсь, либо про это надо узнавать у людей, которые ситуацию знают куда лучше. Например, у того же Генриха.

— Резонно — Рози наклонилась над Джоком — Послушай меня, дружок. Сейчас ты забудешь все, что было. И то, что ты нам что-то рассказывал, и то, почему ты это сделал. Поверь, это в твоих интересах, причем полностью. Сам подумай, что с тобой сделают люди дядюшки Тобиаса, если узнают, что ты развязал перед младшим сыном покойного месьора Монброна язык. Ну, а если они тебя за это не прирежут, что вряд ли, то тебе сильно не повезет. Тогда с тобой за болтливость рассчитаемся мы. Ты ведь знаешь, куда два года назад отправился твой молодой хозяин?

— На колдуна учиться — пролепетал Джок, уже понявший, в какую сторону гнет эта красивая благородная мистресс, и глядя на нее так, как птичка смотрит на подползающую к ней змею.

— Верно — одарила его улыбкой Рози — И он преуспел в этом деле. И мы все тоже учились с ним. Причем хорошо учились. И, если будет надо, устроим тебе такую длинную предсмертную агонию, что ты непосредственно кончины будешь ждать как спасения.

— Я все понял — заверил ее Джок — Да я вас вообще не видел!

— А вот тут погоди — Рози повернулась к Карлу — Фальк, вытащи-ка его наружу и вон, под дерево положи. Только ноги сначала ему свяжи, от греха. И руки. А еще рот заткни.

— Да, это правильно — одобрил я ее действия — Ни к чему ему

слышать наши разговоры, тем более что обсудить есть чего.

— За что люблю фон Рута, так это за то, что он мало что делает, но всегда говорит последнее веское слово — хмыкнула Эбердин.

— Это тоже талант — заступилась за меня Рози — Говорить можно много, но прислушиваются всегда к тому, кто подводит итоги.

Карл тем временем спутал Джоку ноги и руки позаимствованной у него же веревкой, поворотил на столе валявшийся там хлам, отыскал какую-то тряпичку, заткнул ему рот и, забросив себе на плечо, покинул домик.

Вернулся он через пару минут, пахнущий утренней росой.

— Скоро рассвет — сообщил он нам — Так что если чего решать — так быстро.

— Разумные слова — одобрительно кивнула Рози, подошла к нему и резко стукнула кулаком в лоб — Это тебе за «Мозгоеда».

— Чего? — возмущенно пробасил Карл — Чем плоха была идея? Вон старика как перекосило!

— Фальк, ты идиот! — потрясла руками в воздухе моя девушка — Невероятный идиот, небывалый! Какое счастье, что мы не можем иметь детей! Тебе нельзя размножаться, это может привести к гибели мира! Я не очень его люблю, мне многое в нем не нравится, но все-таки я не хотела бы, чтобы он сгинул!

— Как много слов говорит твоя женщина — пожаловался мне Карл — И я не все из них понимаю!

Я пожал плечами, давая понять, что остановить Рози все равно не представляется возможным. При этом я прекрасно понимал, что она имеет в виду и был с ней согласен. Дурака Карл свалил невероятного.

— Фальк, все очень просто, до такой степени, что это даже не смешно — с жалостью проговорила Рози — Если Джок сболтнет про увиденное кому-то из прислуги, то уже через час все вон в том здании будет знать о том, что мы держим при себе тварь из Бездны. Демона, проще говоря. А если это так, то мы черные маги или того хуже. Новость непременно дойдет до ушей дядюшки Тобиаса, и тому останется лишь совершить неспешную конную поездку в ближайшую миссию Ордена Истины. В Силистрии терпимо относятся к магам, но к тем, кто не практикует черную магию. А нас со всем усердием и прилежанием, разумеется, после допросов с пристрастием в экзекуторских, сожгут именно как прислужников Тьмы. И никакие доводы на служителей Ордена не подействуют. Им в радость лишний раз показать народу Силистрии, что они о нем пекутся, а королю на нас вообще плевать. С чего ему нас

защищать? Отец Монброна мертв, а близ него новый придворный, которому больше доверия, чем любому из нас.

— Вот же — Карл тряхнул мешок, в котором зашебуршился Фил — Я и не подумал.

— Вернулись к тому, с чего начали — Рози посмотрела на дверь — Монброн, тебе очень дорог этот привратник? Я его, конечно, напугала, но все равно опасность того, что он развязает язык, существует.

— Не то, чтобы... — Гарольд сморщил лицо — Но как-то это...

— Да и потом — куда труп девать? — заметил я — Не тут же закапывать, правда?

— Ладно, оставим это на потом — Рози подошла к столу и побарабанила по столешнице пальцами — Сейчас самое главное решить, что делать дальше.

— Что предлагаешь? — поднял голову Гарольд и взглянул на девушку — Судя по всему, из нас всех именно ты сегодня мыслишь разумнее других.

— Я? — пальцы Рози выдали дробь, похожую на стук копыт — Вам, мальчики, не понравится то, что я хочу предложить. Это не в вашей натуре. Но тем не менее. Лично я бы сейчас на нашем месте прирезала привратника, тихонько покинула дом через ту же калитку, в которую мы вошли, прикупила лошадей за любую цену, и к тому моменту, когда взойдет солнце, постаралась удалиться от Форессы мили на три минимум. А лучше — на пять. И гнала бы этих лошадей без жалости до самой границы с соседним королевством.

— Бежать из своего дома — Гарольд потер щеки ладонями — Звучит как бред.

— Это самое разумное из того, что может быть на текущий момент — жестко произнесла Рози — И не бежать, не бежать, не передергивай. Это политика, Монброн. Нет, это даже не политика. Это борьба за место под солнцем, а она другой не бывает. Ты здесь и сейчас один. Тебе нужна поддержка. И самое лучшее, если это будет поддержка венценосная. Фольдштейн, вот куда тебе следует направится. К Рою Шестому. Он влиятельный монарх и твой родственник по материнской линии. Возьми он тебя под свою защиту — и считай полдела сделано.

Я, Карл и Гарольд тут же обменялись взглядами. Повод для этого был веский.

— Эээээ — протянул Гарольд — Не факт, что он захочет это сделать. Видишь ли, прошлым летом получилось так, что я... Точнее мы. Да. Мы с ним немного повздорили.

— Как? — опешила Рози, не знавшая истории о том, как я послал короля Фольдштейна куда подальше — Каким образом вы умудрились это сделать?

— В Форнасионе — уклончиво ответил Монброн — Как раз в тот вечер, когда Рой Шестой лишил Аманду титула и наследства.

— Как видно, кто-то мне не все рассказал? — уточнила у меня де Фюрьи.

— В целом я с Рози согласен — бодро произнес я — Нет, кое в чем она ошиблась. Ты не один, дружище, с тобой мы. А все остальное — верно. Отдельно замечу, что с королем повздорил не ты, а я, на тебя он особо не гневался. Тем более что ты тогда чудеса боя на ристалище демонстрировал, да и родич ты ему. Надо в Фольдштайн ехать. Что до меня — отсижу где-нибудь на границе с этим королевством. Найду местечко поглуще, да там вас и подожду.

— Ерунда это все — бухнул вдруг Карл — Сколько мы в этот Фольдштайн добираться будем? Он у демонов на закорках находится, на границе с королевством эльфов. Туда месяц с гаком, обратно столько же, да там невесть сколько. Пес с ним, что нас потом Ворон за такую долгую отлучку с деръемом съест, не привыкать. Но вот Тобиас за это время на мамке Гарольда сто раз жениться успеет. Тем более, что она, я так понимаю, не сильно сопротивляется этому.

— Фальк, ты все-таки о моей матери говоришь — возмутился Монброн.

— Да верно все он сказал — Рози шмыгнула носом — Даже удивительно такие разумные вещи от него слышать. Тогда — Асторг. Пути туда две недели и, что немаловажно, там никому на границе отсиживаться не придется. И все вопросы будут решены очень, очень быстро.

— Гейнард — понимающе кивнул Гарольд — Ты о нем?

— Именно — подтвердила она — Это — вариант. Хороший вариант.

Карл недовольно поморщился, он не любил, когда разговор сходил на темы, которые ему непонятны.

Хотя, если честно, этого никто не любит. Кому приятно глазами хлопать и гадать, о чем речь идет?

— Гейнард — мой брат — пояснила Рози, верно расценив гримасы Фалька — Он частый гость в Форессе и вхож в королевский дворец. Дело в том, что здесь, в Силистрии, нет добычи серебра. Совсем. И в Алессии нет тоже. И в соседних королевствах с этим делом никак. Зато Асторг славится своими серебряными жилами, и именно он поставляет этот металл сюда, на Юг. Что особенно приятно, непосредственно в Силистрию идет серебро с

рудников, принадлежащих семейству де Фюрьи. Само собой, это обеспечивает дружеские отношения нашего дома и монаршей фамилии. В свою очередь, дом де Фюрьи будет рад оказать услугу представителю славного семейства Монбронов Силистрийских и восстановить справедливость, встав на защиту его чести и интересов.

Почему-то я просто-таки уверен в том, что она с самого начала знала о том, что в Фольдштейн никто не отправится.

А еще мне кажется, что если дело выгорит, то семейство Монбронов Силистрийских непременно чем-то за это будет расплачиваться. Не знаю, как именно, но это будет что-то весомое.

— Знаешь, Рози, ты права — неторопливо, я бы сказал задумчиво произнес Гарольд — Наверное, самое верное это обратиться за помощью к твоей семье. Тем более, что в этом случае можно быть уверенным в том, что результат воспоследует, и довольно быстро. А уж в том-то, что нас никто пальцем не тронет, можно вообще не сомневаться. Защита семейства де Фюрьи — это весомая гарантия безопасности.

— Но? — поторопила его Рози и показала на окошко, за которым уже не было ночной тьмы, там колыхалась предутренняя серость — Если можно — побыстрее.

— Но — нет — покачал головой Гарольд — Извини — нет. Дело не в том, что я гордый или смелый. И уж точно не в том, что я знаю цену этой услуги. Наши корабли, верно? Торговые маршруты, связи в портах и на таможнях Рагеллона?

— И табак — без тени смущения подтвердила Рози — Ваш табак славится везде, и моя семья хотела бы получить монопольное право на его закупку.

— Если останусь живым, то она получит эту монополию — заверил ее Гарольд — Так я продолжу. Дело не во всем этом. Я откажусь от твоего плана по более простой причине.

— Ну-ну — топнула ножкой Рози — Мне до смерти интересно, в чем тут дело?

— Просто я идиот — обезоруживающе улыбнулся Гарольд — Ну не могу я так защищать свою честь. Через кого-то, чьими-то руками. Не могу. Не научили меня этому. Отец не научил. Он сам был прямой как шпага, и от меня того же требовал. Если я сейчас отсюда уеду, если отда姆 право мести чужим людям, то перестану быть собой. Был Монbron — и нет Монброна.

— Если ты тут останешься, то все равно этим и закончится — усмехнулась Рози — Правда, немного в другом аспекте, но смысл тот же.

— Пусть — кивнул Гарольд — Пусть. Но никак по-другому не получится. Потому и говорю тебе, что я вот такой вот дурак.

— Не-не-не — помахала рукой Рози и показала на меня — Дурак вот он, а ты, как сам верно заметил, идиот.

— Уезжайте — встав с табурета, попросил нас Гарольд — Здесь все будет очень плохо, и я не хочу, чтобы вы подвергали свои жизни риску. Я очень прошу вас — поступите, как сказала де Фюрьи. Выходите вон в ту калитку, купите лошадей и постараитесь побыстрее покинуть земли Силистрии.

— Смысл спешить? — удивилась Эбердин — Без тебя мы никому не нужны, кто за нами гнаться станет? И вот что, Монброн. Как по мне, ты не идиот. Ну, или я не лучше тебя, выходит. Я бы тоже не уехала. Да и сейчас никуда не собираюсь, это так, для сведения.

— Что до меня, то тут все совсем просто — я распахнул окно и с удовольствием вдохнул утренний прохладный воздух — Здесь было верно замечено, что я дурак, а потому и поступлю соответствующим образом.

Самое забавное, что душой я не кривил совершенно. Сейчас я сказал то, что думал. Нет, это не благородство невесть откуда взявшееся во мне взыграло, что-то из ничего не появляется. Просто почти все мои друзья — они находятся здесь и сейчас. И мое место рядом с ними, потому что они это все, что у меня есть.

— Уезжать куда-то без завтрака — это дурной тон — назидательно произнес Фальк — Утром нас вряд ли станут убивать, а, значит, точно покормят. Что до ядов — можете не бояться. Маг из меня пока выходит неважнецкий. Никакой, если совсем уж напрямоту. Но несколько заклинаний я освоил в совершенстве, одно из них как раз по этой части. Оно полностью нейтрализует яды.

— С кем я связалась? — совсем опечалилась Рози — Как дети, честное слово. И, главное, вы на меня дурно влияете. Я, вместо того чтобы сейчас быстренько удрать домой, с вами почему-то остаюсь. Как, зачем — самой непонятно.

— Да все тебе понятно — подошел я к ней и обнял за плечи — Просто меня, дурака, одного оставлять не хочешь.

— Да пропади ты пропадом — Рози шутливо щелкнула меня по носу — Карл, тащи сюда этого толстяка. Давай с ним еще немного пообщаемся о всяком разном.

Глава 4

Карл втащил Джока в домик и снова усадил на табурет. Того ощутимо потряхивало, то ли от холода, то ли от страха.

— Скажи мне, любезный Джок, вот какую вещь — Рози присела на краешек стола — Тебе...

— Я очень хочу жить — истово проговорил Джок — Очень, светлая госпожа.

— «Светлая госпожа» — Рози явно понравилось, что ее так назвали — А ты хитрюшка, Джок, знаешь, как угодить женщине. Я вообще про другое хотела спросить, но ладно уж. Значит, хочешь жить?

— Еще как, светлая госпожа — в тоне Джока что-то неуловимо изменилось — Я сделаю все, как вы скажете.

Нет, этому человеку верить нельзя. Он будет молчать ровно до той поры, пока на него кто-нибудь другой не нажмет посильнее. Специально предавать не побежит, но не более того.

— Хорошо — Рози потрепала привратника по потной красной щеке — Значит, слушай меня очень внимательно. Ты нас не видел. Нас тут вообще не было, ясно? Ночь прошла спокойно и тихо.

— Самый разумный вариант — негромко произнес Гарольд — Согласен.

— Так оно и было — обрадованно подтвердил Джок, тоже смекнув, что мы надумали сделать, и несомненно узрев в этом свою выгоду — Ночь как ночь, никто в ворота не стучал, а я вообще спал и ничего не видел.

— Сделай то, о чем тебя попросили, и я не забуду твоей преданности — негромко сказал Гарольд — Ты знаешь, что Монброни щедро награждают тех, кто хранит им верность, и безжалостно карают тех, кто предает их доверие.

— Если мы собираемся отсюда сматываться, то самое время — глянул в окно я — Солнце встает.

— И не дай тебе боги — Карл поднес к носу Джока свой кулак — Я красиво говорить не умею, но зато кости ломаю очень ловко.

Он разрезал веревки на ногах и руках привратника, а после закинул мешок с Филом на плечо.

— Кости — это не страшно — пробормотал привратник — Вот та тварь, что у вас за спиной — это да.

— Да нет там никого — рассмеялась Рози — Это была просто

иллюзия. Неужели ты думаешь, что мы будем таскать с собой какую-то тварь из Бездны, да еще и вот так, без магических оков?

— Само собой — поддержал ее я — Да и потом — сказки это все. Нет никаких тварей из Бездны.

— А кто меня по лицу хлобыстнул? — недоверчиво спросил Джок, растирая запястья — Щека до сих пор ноет.

— Иллюзия — мягко произнесла Рози — Все это — иллюзия. Мы убедили тебя в том, что это было по-настоящему.

— А я ведь поверил! — покрутил головой привратник — За чистую монету принял. Ладно, молодой господин, друг ваш прав, идти вам пора, коли вы оставаться не надумали. Скоро кухарки проснутся, а они глазастые до ужаса.

Уже за воротами, отойдя подальше от родового гнезда Гарольда и устроившись в небольшой беседке, которая стояла в уютном скверике, Карл недовольно сказал нам:

— Зря вы сказали ему, что нет никакого «Мозгоеда». Страх действенная штука, помогает держать язык за зубами.

— Возможно — кивнула Рози, привалившаяся к моему плечу — А, может, и нет. Страх изматывает и в какой-то момент он может подумать о том, что легче нас сдать дядюшке Гарольда или Ордену Истины, чем каждый день ждать, когда за ним эта тварь пожалует. Так сказать — устраниТЬ причину страха. Этот Джок вообще гнилой человек, сразу видно.

— А я раньше этого не замечал — заметил Гарольд — Ну, есть он — и есть. Он для меня вообще был частью ворот, механизмом, который их открывает и закрывает. Странно, что я имя-то его вспомнил.

— Как бы он вообще к дядюшке сразу не побежал — мрачно высказалась Эбердин — Мы за порог, он к нему.

— Не исключено и такое — признала Рози — Но только втихую никого прирезать не получится, потому что о возвращении младшего Монброна через пару часов узнают все, кому это интересно. И Ордену Истины он нас тоже вот так запросто не сдаст. Повода для этого мы ему не дадим.

— А Фил? — тряхнул зашевелившимся мешком Карл — С ним как быть? Он ведь живое подтверждение нашей вины.

— Фил останется с тобой и Эбердин — сообщил ему Гарольд — Де Фюрри, ты же ведь тоже самое хотела предложить, я угадал?

— Именно — лучезарно улыбнулась Рози — Приятно, что наши мысли сходятся, значит есть в этом рациональное зерно.

Поименованная парочка слушала этих двух стратегов с легким

непониманием на лице, я же, кажется, начал догадываться, что они задумали.

— Поясни — потребовал Карл.

— Все просто — Рози зевнула, прикрыв рот ладошкой — Ох, спать охота. Так вот — ты и Эбердин с нами в замок Монброна не пойдете. Вы снимете номер в какой-нибудь гостинице, не самой паршивой, но при этом не слишком дорогой, и будете наблюдать за развитием событий. Проще говоря — отныне вы наш скрытый резерв.

— Так себе идея — заявил Фальк — Не дело это. Поодиночке нас перебить легче. Эраст, скажи им.

— План неплох — к великому разочарованию моего земляка, не поддержал его я — Но в нем есть слабые места. Например — как они смогут наблюдать за происходящим из гостиницы? Случись что с нами, так они про это и не узнают.

— Не с нами, а с вами — поправила меня Рози — Я допускаю мысль о том, что могут прикончить Монброна, и даже тебя, поскольку, прости уж, здесь, в Силистрии, о Лесном Крае не всякий слышал, но не меня. Если даже дядюшка Монброна круглый идиот, то он все равно не станет убивать в своем доме представителя рода де Фюрьи. Наша фамилия слишком хорошо известна в Рагеллоне. Ночью, в переулке вогнать нож под ребро — возможно. Но я ему такого шанса не дам.

— Ты не ответила на мой вопрос — восхитившись тщеславием Рози, заметил я — Как они будут наблюдать за происходящим?

— Подумаем — Рози очень не любила, когда ее планы не принимались безоговорочно, потому в голосе у нее появились раздражительные нотки — Меня сейчас гораздо больше интересует другой вопрос. Монbron, ты вообще чего хочешь? Какова наша конечная цель?

— Кстати — тоже интересный вопрос — поддержал де Фюрьи я — Правильный, я бы сказал. Ворон еще на первом году обучения нам сколько раз говорил, что важно знать конечную цель пути еще до того, как ты сделаешь первый шаг.

— Загнали в угол — Монброн потер виски — Понимаю, что прозвучит дико, но я и сам этого не знаю. Сначала я хотел сразу убить дядюшку, при первой же возможности. Вроде бы это самое простое решение, но вот только последствия будут не самые радужные. У него тоже есть родня, за ним стоит фамилия его покойной жены, и, если докажут мою причастность к убийству, то она набросится на мой род. На поддержку короля в этом случае рассчитывать не приходится, Генрих не сможет выиграть эту войну, а я не могу все время находиться здесь. Опять же — у нас не любят убийц,

даже если они принадлежат к знатным фамилиям. Может, меня и не казнят, но изгнание мне будет гарантировано.

— Ну, организовать подобное не самая большая проблема — сообщил ему я — Изучим его распорядок дня, найдем нужных людей, подберем подходящее место...

— Эраст, я спишу твои слова на усталость — коротко глянул на меня Гарольд — Если уж и убивать его, так это должен сделать я сам, своими руками. Это месть, это возмездие, это вопрос чести. А то, что предлагаешь ты... Чем я тогда от него отличаться буду? Он ведь делал то же самое, если ты забыл.

— Лирика это все — проворчал я — Война всегда хороша для того, кто ее выиграл, и всегда плоха для того, кто потерпел поражение. Она списывает все грехи с победителя и переносит их на того, кто стал проигравшим.

— Я рад, что ты заучиваешь наизусть изречения нашего наставника — в голосе Монброна проскочил сарказм — Но тут другое. Да, ты прав, нет дядюшки, нет проблем. Но поступи я так, как он, и быть мне другим человеком, не тем, что я сейчас. Не хочу я этого, Эраст. Не хочу, понимаешь? И потом поединок — вот единственный способ покончить с ним. Честный, открытый, где-нибудь на Судной площади, при куче зрителей и свидетелей. Но вот он-то как раз и невозможен. Мы родичи, а потому бросать друг другу вызов на бой права не имеем, таков один из законов Силистрии. Лет двести назад его приняли, дабы знатные фамилии себя не извели под корень. Так что теперь получить право на него я могу только от короля, и только предъявив веские доказательства вины дядюшки.

— Хорошо — примирительно сказал я — Тогда что нам делать? Доказывать его причастность к убийству твоего отца, я так понимаю? Но — как?

— Не знаю — устало сказал Гарольд — Чуть ли не впервые в жизни — не знаю. Всегда мне было понятно, что делать. Есть законы чести, с ними все ясно, они четко трактуют что хорошо и что плохо. Есть законы войны, там вообще все просто — вон свои, вон чужие. Даже с тем, чему нас учит Ворон, и то какая-то понятность есть. Некромантia запрещена, но если наставник говорит, что ее надо нам знать, то он прав, потому что он наставник. А здесь... Все, что я пока придумал, это войти под отчие своды и попробовать во всем разобраться на месте. Поговорить с матерью, с Генрихом, даже с сестрами, хотя это, скажу заранее, дело пустое. Понять, на чьей стороне личная гвардия дома Монbronov. Джок сказал, что трое

ветеранов, наиболее преданных отцу мертвые, но остались и другие. Не может быть, чтобы они все так быстро изменили своему слову.

— Они уверены, что ты мертв — вставил свое слово Карл — Когда выяснится, что это не так, то их точка зрения на происходящее может измениться.

— Именно — кивнул Гарольд — На это и расчет. Ну, и самое главное. Надо понять, насколько ослабли позиции моего дома при королевском дворе.

— И насколько усилились позиции твоего родича — добавила Рози — Это очень важно.

— А самое главное в этом, что дядюшка твой не такой прекраснодушный и честный, как ты — жестко произнес я — Он будет вставлять тебе палки в колеса во всем, в чем только можно. И, можешь быть уверен, о поединке даже и думать не станет, а сразу начнет подыскивать людей для того, чтобы тебя при первом же удобном случае отправить к Престолу Богов.

— Знаю — невесело подтвердил Гарольд — Потому и просил вас уехать, но вы же упрямые, не хотите. В результате будут пробовать убить меня, а зацепить могут вас.

— Ну, это мы еще посмотрим — беспечно, как и всегда, отмахнулся Карл — Я, правда, все равно не понял, как мы будем узнавать о том, что у вас происходит, но в целом картина мне ясна. Вы копаете под дядюшку в родовом замке Монброна, мы с Эбердин сидим в гостинице.

— Не просто сидим — сурово заявила Эбердин — Мы собираем слухи. На самом деле простой люд много чего знает, чего видит.

— И время от времени встречаемся, чтобы обменяться информацией — добавил Гарольд.

— А если вас все-таки убьют, то я подстерегу твоего дядюшку и прикончу его — добавил Карл — Мне проще, я не силистриец, не его родич и не отягощен излишними принципами, уж извини.

Как по мне, это все-таки самый правильный путь. И самый быстрый. Выждать деньков пять в замке, потому изобразить отъезд, а после этого вернуться темной ночкой и прирезать этого паскудника в постели. Или на улице подстеречь и из арбалета его пристрелить. Да мало ли хороших вариантов? Жаль, Монброн на них не согласится.

— Если я буду мертв, то точно не стану тебе мешать — рассмеялся Гарольд — Ф-фу, как-то легче стало. Знаете, по-моему, самое страшное в жизни это неизвестность. Когда непонятно, что делать или непонятно, куда ехать. Вот ты стоишь на одном месте, как та сороконожка из детской

сказки, и думаешь, с какой ноги тебе шагнуть. А сейчас появился план, пусть даже кривой и косой. Не знаю, как вам, а мне стало значительно спокойнее.

— Это все оттого, что раньше ты думал только о себе — сочувственно глянула на него Эбердин — Только за себя решения принимать просто, а еще и за других — тяжело.

— Твоя неправда — заступился за Гарольда я — Прошлым летом он нас в Гробницы вел и главным был.

— Он знал, куда идти и какова цель, это другое. Поход есть поход, и даже если в нем кто-то гибнет, то такова воля богов — не согласилась со мной подруга Рози — А тут другое. Тут честь клана на кону. Ну, рода, повышему. Ошибись он — и все. А, может, не только честь, но и жизнь. Знаешь, слава предков и будущее потомков — это такая штука, раз обделаешься, потом за сто лет не отмоешься. Все сложно, короче.

— Эк ты закрутила — сдвинул шляпу на затылок Карл — Как по мне, все гораздо проще.

— Мне надо будет отправить письмо домой — деловито заявила Рози — Мы с Монброном так и не ударили по рукам, но, думаю, это еще впереди, поддержка все равно понадобится. Тем более, что все детали сделки ты все равно будешь обговаривать не со мной, а с моим братом Гейнардом. Я всего лишь глупая женщина, к тому же с массой недостатков, вроде моей принадлежности к магическому сословию.

— Глупая женщина! — рассмеялся Монброн — Дай мне боги в этой жизни больше таких глупых женщин как ты не встречать, мне тебя одной достаточно. Ладно, теперь к деталям. Время уходит, скоро на улицах прибавится народу. Не надо, чтобы нас видели вместе.

Через полчаса мы расстались с друзьями. Они остались в беседке, из которой через часок отправятся в гостиницу «Крыльшко и ножка». Ее им порекомендовал Монброн, сказав, что там, со слов его приятелей, очень неплохая кухня и покладистая хозяйка. Мы же поспешили к торговым рядам, которые находились не очень далеко от «белого» города. Надо было прикупить лошадей, для второго прибытия в Форессу. Оно, по нашим планам, должно было иметь вид достаточно представительный, и тут без лошадок никак не обойтись.

Впрочем, подозреваю, что сама мысль пешего прихода в родной дом, в смысле — на глазах у всех, Гарольду была изначально неприятна, не сказать — неприемлема. Одно дело ночью, когда темно, другое — днем, при свидетелях. И его можно понять. Ладно, что сапоги в пыли, плащ без золотого шитья и у шляпы немного поля обвисли, дорога, знаете ли, она

разные сюрпризы в себе таит. Но пешком, на своих двоих, наследнику знатного рода?

Да и Рози придерживалась того же мнения.

Что до меня — я смотрю на это проще. Но именно мне и пришлось платить за лошадей, поскольку у моих приятелей денег почти не осталось. И спасибо еще, что они не самых дорогих скакунов выбрали.

Но, надо признать, что оно того стоило. Шли пешком — никто на нас особо внимания не обращал, особенно если учесть тот факт, что на лица мы накинули капюшоны плащей. А вот забравшись на коня, Гарольд сразу этот самый плащ скинул, тут же на солнце блеснуло золото на его перевязи и камни на ножнах шпаги. Еще он как-то так лихо подбоченился, приосанился и стал совсем таким, каким я его помнил еще по началу учебы. Да, похоже, и не я один, поскольку сразу же, как только мы въехали в кварталы «белого» города, со всех сторон посыпались разнообразные оклики, вроде:

— Монброн? Я рад тебя видеть! А говорили, что ты погиб где-то на Юге!

— Гарольд, мои соболезнования! Твой отец был славный человек.

— Месьор Монброн, с возвращением! Вот радость-то!

Гарольд с кем-то просто раскланивался, кому-то улыбался, а чьи-то слова воспринимал как должное, отдельываясь еле заметным кивком. Надо полагать, все зависело от положения говорящего в местном обществе. А еще несколько раз он даже спрыгивал с коня на мостовую, чтобы обняться с некоторыми немолодыми вельможами, которые, судя по их одеждам, были очень, очень высокопоставленными людьми.

И еще непременно сообщал всем тем, кто заслуживал его внимания, о том, что, бросив все дела и войну на Западе, он поспешил под своды отчего дома, дабы осушить слезы матери, поддержать брата Генриха и позаботиться о будущем дома Монбронов. Да еще и не забывал добавлять, что с ним друзья — барон фон Рут из Лесного Края и мистресс де Фюрьи из Асторга. Да-да, из тех самых де Фюрьи, что в родстве с венценосными фамилиями, да еще и не с одной. Нет, с удачной партией следует поздравлять не его, но он надеется на то, что при церемонии бракосочетания он будет стоять по правую руку жениха, что первого сына назовут в его честь и, на то, что по достижении десяти лет, данного отрока отправят в его дом на воспитание, как это издавна принято в родовитых фамилиях, состоящих в тесных дружеских отношениях. Имени жениха Рози он не называл, но намек был достаточно толстый.

Следовало признать, что эта часть плана нам удалась великолепно. По

крайней мере даже Рози признала, что о бесследных исчезновениях или случайных отравлениях говорить не имеет смысла, на подобное теперь решиться только безумец. А особенно, если учесть тот факт, что, похоже, не все дядюшку Тобиаса жаловали. Сам Гарольд потом нам тихонько сказал, что те люди, с которыми он обнимался, советовали ему держать ухо востро и обещали, в случае чего, свою поддержку.

— От обещания до дела очень большое расстояние — скептически заметила Рози, смыслящая в подобных вопросах, и я с ней согласился.

Такие вещи одинаковы и близ трона, и в трущобах. Обещать — не значит сделать.

— Знаю — ответил ей Монброн — И не слишком на них надеюсь. Правда, кое-какую пользу от этих господ получить можно. Тот, что был постарше, ну, с залысинами, это месьор Отиль, постельничий его величества. Если мне понадобится испросить аудиенции у короля, он сможет устроить ее достаточно быстро. И даже обеспечить определенную приватность нашей беседы, в разумных пределах, разумеется. Но в целом мы сейчас будем чем-то вроде комедиантов. Все будут смотреть на то, как развиваются события, но никто не станет всерьез вмешиваться в наши дрязги до того, пока не появится какая-то ясность.

— Нашли себе потеху — проворчал я — Кому война, кому мать родна.

— А что ты хотел? — пожал плечами Гарольд — Это жизнь. Люди любят зрелища, потому бродячие актеры редко ложатся спать голодными. Но еще больше они любят смотреть на реальные страсти своих ближних, главное, чтобы эти страсти разворачивались не в их доме. Помню, года четыре назад у нас тут была история, так за ней вся Форесса следила. Есть в нашем городе два семейства, очень уважаемых и богатых. Все бы ничего, но очень эти семейства между собой не ладили. И вышло так, что...

Увы, но дорассказать эту историю Гарольд нам не успел, поскольку ему снова пришлось спрыгивать на мостовую и обниматься с каким-то долговязым стариком, вылезшим из дорогущего паланкина, который тащили на своих плечах четверо мускулистых смуглых рабов. На груди его висела массивная золотая цепь, инкрустированная мелкими алмазами, а голова была увенчана тонким золотым обручем. Как видно — непростой это был старикан, сильно непростой. Он долго хлопал Монброна по спине морщинистыми руками, пальцы которых были унизаны перстнями и что-то бубнил, а после с интересом таращился на нас, прежде чем залез обратно в свой паланкин.

И ведь что любопытно — кто он такой, Гарольд нам говорить не стал, снова вернувшись к рассказу о событиях четырехгодовой давности.

Вот так, с остановками и разговорами, мы снова почти добрались до родового гнезда нашего друга, и в этот раз оно произвело на меня гораздо большее впечатление, пусть даже пока и издалека. Несколько часов назад, в темноте, я не мог по достоинству оценить это произведение архитектуры, но теперь...

Замок. Как есть — замок. Не преувеличивал Гарольд, называя свой дом этим словом. Наш дом на Вороньей горе, если честно, проигрывал этому величавому зданию почти по всем статьям, как, впрочем, и почти все остальные дома, что я видел в Форессе. За исключением, пожалуй, только нескольких зданий, находящихся дальше. Но это уже были не замки, это как-то по-другому, скорее всего, называется.

Я так думаю, тут улица строится по родовитости. Чем твой род знатнее, тем ближе к ее окончанию ты живешь. Кстати — беседка, в которой мы разместились пару часов назад, стояла в самом ее конце и, похоже, была частью паркового ансамбля, прилегающего к самому последнему зданию, к которому и слово «замок»-то не подходит. Это как-то по-другому называется.

Так вот — дом Гарольда был одновременно похож на все местные дома, и не похож на них. Боковые пристройки были сделаны в здешней манере, с круглыми куполами, хоть и высокие, но какие-то приплюснутые. А вот центральная часть больше смахивала на привычную для нас архитектуру — высокое и прямое строение с узкими окнами-бойницами, заканчивающееся остроконечным шпилем.

— Центральную часть замка построили во времена моего пращура и родоначальника Ордо «Вепря» Монброна, еще задолго до Века Смуты — пояснил Гарольд, словно услышав мои мысли — Он, если верить семейным преданиям, пришел в Силистрию с Запада. Хотя тогда и Силистрии еще не было толком, и Форессы тоже. Он со своим отрядом примкнул к первому королю этих земель, участвовал во всех его походах, пару раз спас его от смерти, и получил титул «Первого лорда». Тогда и наш замок был заложен, одновременно с королевским дворцом. А пристройки уже потом делали. В результате получилось сумбурно, но мило.

— Слушай, а кем был твой пращур до того, как стать «Первым Лордом»? — полюбопытствовал я — Больно прозвище неблагородное.

— Остряк — фыркнул Монброн — Подозреваю, что капитаном наемников, если ты об этом. Семейные хроники на этот счет молчат, записей никаких от тех времен не сохранилось.

— Уверена, что все они были сожжены детьми того же Ордо «Вепря», которые были уже урожденными Монбронами и не имели прозвищ —

вставила реплику Рози — И правильно сделали. А в целом — копни любое старое семейство, и в начале семейных хроник встретишь или наемника, или авантюриста. Я уж молчу про часть нынешних королевских фамилий, занявших троны во времена Века Смуты. Мне рассказывали, что тогда действовало простое правило — «кто поспел, тот и съел». Так что наша Грейси не так и много потеряла. Я слышала, что Рой Первый занял престол Фольдштейна очень даже просто. Он с отрядом наемников и при поддержке части местного дворянства просто прикончил тогдашнего монарха прямо во дворце, а после взял корону, напялил ее себе на нечесаную голову и залез на трон. И все.

— Да, я тоже об этом слышал — поверив головой по сторонам, признал Гарольд — Но ты все-таки про это так не кричи. Предок нашего нынешнего короля, по слухам, от Роя Первого, не особо и отличался. В части методов занятия трона, имеется в виду.

Ну и в чем разница между благородными и неблагородными? Только в том, что четыреста лет назад их предки были пошустрее, чем наши.

— А ворота-то открыты — прозвенел голосок Рози, став каким-то кукольным — Прелесть какая. Знаешь, Монброн, мне кажется, что твоему дядюшке уже доложили о том, что ты пожаловал в город.

Глянув на Рози, я поразился перемене, которая произошла в ее облике. Не знаю, как ей это удалось, то ли благодаря сменившейся осанке, то ли чему-то еще, но сейчас она выглядела как избалованная девчонка, которыми были почти все наши соученицы из знатных фамилий в тот момент, когда они впервые переступали порог Вороньего замка. Из нее просто сочилась спесь и презрение ко всем, кто ниже ее по положению. Это трудно описать, но так оно было на самом деле.

— Ми斯特ресс де Фюрьи — Гарольд тоже уловил смену настроения в нашей спутнице и приложил ладонь к сердцу — Прошу вас проследовать в мое неподобающее вашей милости жилище. Эраст, не отставай. И еще — прикрывай мою спину. Это так, на всякий случай.

Рози оказалась права — нас ждали.

В середине огромного двора, который в темноте и спешке мы тоже толком не разглядели, стоял высокий и грузный мужчина, раздетый дорого и, даже на мой не слишком притязательный взгляд, слишком пестро. Похоже, что здесь определяющим словом было именно «дорого». Золотое шитье, бархат, пуговицы со вставленными в них драгоценными камнями, все это блестело, переливалось и резало глаз. Если продать его одежды, то на эти деньги в Раймилле я бы смог безбедно жить лет пять, а то и семь, причем питаясь трижды в день и ночуя под крышей своего небольшого

домика.

За его спиной стояло десятка два воинов в парадных доспехах, по углам двора, рядом с небольшими флигельками, жались слуги, не сводя с нас, въезжающих в ворота, своих любопытных взглядов.

А вот матушки Гарольда я не увидел, как и его сестер. Да и братца его тоже.

— Хвала небесам! — проревел мужчина и вскинул вверх свои здоровенные руки — Это он, мой племянник Гарольд, вести оказались правдивы! Я-то думал, что это какой-то прохвост, который присвоил имя моего павшего на войне родича, но нет, это он! Я узнал его!

— Это я — подтвердил мой друг, не спеша слезать с коня — Здравствуй, дядюшка Тобиас, рад видеть тебя в добром здравии.

Все бы ничего, но Гарольд, увидев родственника, похоже, снова стал заводиться и потому тон его не сильно совпадал со сказанным. Он больше подходил для фразы «Чтоб ты сдох».

— Миленько тут у тебя — голос Рози стал совсем уж писклявым, а интонации донельзя надменными — Не скажу, что удивлена увиденным, некая провинциальность наличествует, но миленько.

Дядюшка Тобиас внимательно посмотрел на нашу спутницу, причем взгляд его не слишком совпадал с обликом. Он был слишком внимательным, слишком оценивающим для человека, разодетого как пугало. Именно тогда я в первый раз подумал о том, что это очень, очень опасный противник. Он, как и Рози, хочет выглядеть не тем, кто есть на самом деле.

— Сойди с коня, племянник — проревел дядюшка — Дай я тебя обниму! И представь своих спутников, я хочу знать имена друзей моего любимого родича!

Теперь главное, чтобы Монброн во время объятий все не испортил и не вогнал бы этому здоровяку кинжал в бок, переполнившись радостью от встречи. Я изучил своего друга и видел, что он сейчас раздражен до невозможности.

— Прости, дядюшка, с этого и следовало начать — Гарольд соскочил с коня и бросил поводья подбежавшему мальчишке-слуге — Устал с дороги, забываю об элементарных правилах приличия.

Ни один, ни другой не торопились сближаться. Дядюшка ждал, когда Гарольд сам подойдет к нему, а мой друг, похоже, делать этого не собирался. Оно и понятно — первое столкновение клинков, если можно так сказать. На принцип пошел, дает понять, что все будет не так просто.

Зря. Это тот случай, когда можно пожертвовать мелочью, вроде

нескольких шагов. Ничего страшного в этом нет. Хотя — это для меня, я мыслю по-другому, не так как он.

Дядюшка оказался гибче. А может, как это ни печально, даже умнее. Он неожиданно резво преодолел разделяющее их расстояние и прижал Гарольда к своему объемистому брюху.

— Племянник — трубно возвестил он, тиская моего друга — Как же я рад! Как я рад! Вот если бы твой отец дожил, если бы он мог тебя обнять!

— Я бы тоже этого очень хотел — холодно ответил ему Гарольд — Увы, этого не случилось.

— У вас дурно воспитаны слуги — подала голос Рози, как всегда, на редкость своевременно — Мне что, так никто и не подставит спину, чтобы я могла сойти с лошади? Я бы всыпала вашему мажордому два... Нет, три десятка плетей за скверное выполнение своих обязанностей. Не меньше!

— Какая суровая! — восхитился дядюшка Тобиас, разжимая объятия и отпуская Гарольда. Он щелкнул пальцами, один из слуг метнулся к Рози и согнул спину — Сынок, кто это?

Лицо Гарольда закаменело, он был готов к чему угодно, но только не к этому «сынок».

Нет, этот дядюшка кто угодно, но только не дурак. Он бьет пока словами, не кинжалами, но зато точно в цель.

— Это Рози де Фюрьи — выдохнув, сказал Монброн — Представительница основной ветви семейства де Фюрьи из Асторга.

— Какая честь для моего дома! — Тобиас изобразил что-то вроде поклона — Визит столь важной дамы!

И еще один укол. Ловок, ловок.

Я видел, что еще чуть-чуть и мой друг сорвется, потому спрыгнув с коня, подошел к нему и тихонько ткнул в спину, как бы говоря: «Не сходи с ума».

— Эраст фон Рут — не ожидаясь реплики Гарольда, представился я — Барон из Лесного Края.

Как и следовало ожидать, моя персона впечатлила дядюшку меньше, он бросил мне только что-то вроде:

— Рад, рад. Добро пожаловать.

— Эраст мой жених — добавила Рози, подходя к нам — Мы решили связать наши судьбы. Любовь — великая госпожа, потому скоро мой избранник породнится с одной из самых знатных фамилий Рагеллона. Хотя, вам, наверное, это не слишком интересно? С другой стороны — я женщина, мне хочется поделиться своим счастьем со всем миром.

И она взяла меня под руку.

— Это все очень, очень любопытно — заверил нас Тобиас, окинув меня уже более заинтересованным взглядом — Поверьте. Но время для бесед у нас еще будет, а пока — завтрак. Я, знаете ли, уже немолодой человек и у меня есть свои привычки, сложившиеся годами. Одна из них — плотный завтрак. Потому прошу вас проявить снисхождение к старому чудаку и составить мне компанию за столом.

— Я бы хотел сначала повидать мать, сестер и брата — твердо произнес Гарольд.

— Так они уже там — замахал руками Тобиас — В обеденной зале! Только нас и ждут!

— Завтрак? — Рози надула губы — Я не умылась с дороги, какой завтрак?

— Условности — заверил ее Тобиас — Впрочем — мыльня и служанки в вашем распоряжении, я все понимаю. Но вы, парни, надеюсь, не рветесь сначала умываться? Настоящий воин ест тогда, когда на то есть возможность, а все остальное потом!

— Завтрак — это прекрасно — сообщил ему Гарольд — Пойдем, Эраст.

Глава 5

Если снаружи замок поразил меня своей величественностью, то внутри ощущения сменились на другие. Мне стало как-то тягостно. Не знаю, что тому было причиной — усталость ли, подсознательное ощущение того, что вот-вот нас начнут резать на лоскуты (что бы там Рози ни говорила), или просто полумрак и запах пыли, которые окутали меня и Гарольда сразу после того, как мы перешагнули порог. Давил этот замок мне на нервы, давил.

Хотя по сути, здесь все было очень и очень небезынтересно. На стенах висели огромные звериные головы, я даже предположить не мог, что на свете имеются лоси и медведи таких размеров. А еще коридор, по которому мы шли, являл собой целую галерею. Тут были расставлены вдоль стен статуи... Или как это называется? В общем — фигуры воинов в доспехах, шлемах и с оружием в руках, изготовленных с немалым умением и прилежанием. Они как живые стояли, честное слово! У каждой из них был собственный постамент, снабженный какой-то надписью, как видно, объясняющей любопытствующим, к какой эпохе относится тот или иной экспонат.

— Предков твоих доспехи, поди? — спросил я у Гарольда, который довольно шустро вышагивал по этому коридору, так, что я еле за ним успевал.

Рози с нами уже не было, ее несколько девушек-служанок повели в мыльню, причем моя суженая серьезнейшим тоном прямо на ходу сообщала этим бедолагам, что если те проявят должную сноровку, то она их наградит, а если нет — то запорет на конюшне, причем собственноручно. Что именно она имела в виду под словом «сноровку» я понятия не имел. И, может, к лучшему.

— Нет — отозвался Гарольд — Это лучшие из противников, которые выпадали на долю Монбронов Силистрийских.

— В смысле? — даже остановился я — То есть это доспехи тех, кого твои предки убили?

— Не только доспехи — поправил меня Гарольд, и подошел к ближайшей фигуре — Вот, например, Вилли Железные Челюсти, кузен короля, который лет триста назад правил нашей страной. Был он разбойник, насильник и растлитель, по которому петля плакала. Но вешать его было нельзя, все же он королевской крови. Тогда, по велению монарха,

который сам не хотел обагрять руки родственной кровью, мой предок Этьен Монброн взял штурмом замок этого негодяя, перебил там всех, кого можно, и сошелся с ним в решающем поединке. Как ты понимаешь, победа осталась за ним. А Вилли привезли в замок, отдали чучельникам, а после установили сюда, к остальным трофеям моего рода.

Гарольд раскрыл створки шлема, и я увидел в образовавшемся отверстии давным-давно мумифицировавшееся лицо того, кто когда-то разбойничал, насиловал и растлевал. Причем зубы у этого бывшего человека и впрямь были железные. Да еще и острые, как у волка.

— Это они тут все с начинкой? — с неподдельным уважением спросил я — Однако!

Проход был длинный, а чучел вдоль стен по обеим сторонам стояло никак не меньше трех с лишним десятков.

— Здесь только лучшие из лучших — пояснил Монброн — Хороший враг, как и хороший друг встречается нечасто. Ладно, пошли, пошли. Мне надо повидать родных до того, как за стол сядет дядюшка.

Тобиас с нами не пошел. Он сослался на какие-то дела, и обещал присоединиться к застолью «вот-вот прямо с минуты на минуту». То, что он собирался раздать какие-то указания, напрямую касающиеся нас, было несомненно, но какие именно узнать не представлялось возможным. Формальности были соблюдены, и нам не оставалось ничего другого, как отправиться за стол.

Я не удержался от соблазна приподнять забрало шлема чучела, стоящего следующим за Вилли Железные Челюсти («Гнейнгорд Клятвопреступник», убит летом 222 г.п. В.С.), увидел сморщенное как старое яблоко лицо с двумя глубокими впадинами вместо глаз, непроизвольно икнул и вернул забрало на место. Не знаю, как именно окончил свои дни Гнейнгорд Клятвопреступник, но, сдается мне, настрадался он перед этим изрядно.

Пройдя еще через пару коридоров (стены в одном были украшены щитами с разнообразной гербовой символикой, а в другом вымпелами на древках) и, поднявшись по лестнице, мы наконец оказались в помещении, которое я безошибочно опознал как обеденную залу. Ну, или трапезную. В любом случае, это было место, где едят. Во-первых, здесь дурманящее пахло жареным мясом со специями и иной снедью, во-вторых здесь стояли столы, в-третьих, за этими столами сидели люди. Точнее — пяток разновозрастных девиц, стройный юноша с бледным лицом, а также очень красивая и очень грустная немолодая женщина в черном бархатном платье.

Желудок, учуяв ароматы пищи, взвыл так, что мне даже стало неловко.

— Матушка! — непривычно мягко произнес Гарольд и устремился к женщине, которая, только заслышиав его голос, тут же вскочила на ноги и поднесла правую ладонь ко рту. То ли, чтобы не вскрикнуть, то ли от удивления.

Монброн опустился перед ней на колени, и как-то очень по-детски ее обнял.

Я всегда говорил, что в нем больше человеческого, чем все думают. Просто он это все умело прячет. Вот, и маму он любит.

— Гарольд! — взвизнула одна из девиц, со светлыми, почти белыми волосами, сложенными в очень сложную прическу — А нам сказали, что ты мертв. Опять ты нас надул, паршивец!

— А я говорила, что он не мог погибнуть вот так запросто, на какой-то там войне — сообщила всем другая девушка, с остреньким носом — Слишком это для него просто.

Остальные барышни тоже что-то начали говорить, но разобрать что-либо в этом гвалте было сложно.

Гарольд тем временем встал с колен и обменялся с матерью несколькими фразами, но что именно он ей говорил и, что она отвечала, я не разобрал. Может, оно и правильно, не все мне знать надо.

Бледный юноша встал из-за стола и подошел к Гарольду. Надо полагать, это и был его брат Генрих, тот, который не уверен в себе, и на которого трудно положиться в тот момент, когда все вокруг рушится.

— Фон Рут — повернулся ко мне Монброн, не обращая особого внимания на брата — Что ты там встал? Вот, дорогие мои, это Эраст фон Рут, мой друг. Это человек, которому я доверяю как себе, так что и вы относитесь к нему соответственно.

— Симпатичный — одновременно и с одинаковой интонацией сказали сразу две девицы.

— Добро пожаловать — произнес Генрих.

Матушка Монброна ничего не сказала, но благожелательно потрепала меня по голове, когда я целовал ее руку.

Девицы тем временем продолжали галдеть, совершенно не обращая внимания на то, что я отлично слышу их разговоры.

Сдается мне, не преувеличивал ничего Гарольд в своих рассказах о них. Возможно, даже наоборот. Преуменьшал.

— Интересно, он не девственник ли? Хорошо бы! Говорят, они такие забавные, вот бы попробовать!

— Любопытно, откуда он? Если с Запада — еще ничего. Но на Восток я замуж не пойду.

— Можно подумать, он именно на тебе женится!

— Не красавец, нет. Зато глазки умненькие.

У меня возникло ощущение, что я лошадь на рынке, и ко мне сейчас прицениваются. Серьезно. И еще я понял, что надо эту опасность в корне давить, от греха, и дело не только в пяти похоронах, которые запросто может устроить Рози, увидев всего лишь часть той вакханалии, которая имела место быть здесь и сейчас. Просто ни к чему это все мне в принципе.

А прекратить это все можно только одним способом. Надо стать для них неинтересным.

— Ох, и хороши у тебя сестры! У нас в Лесном Краю таких нету! — громко проорал я — А, чтоб тебе!

И после этих слов я сморкнулся прямо на пол, понимая, что тем самым навсегда порчу свою репутацию в глазах всех поколений Монбронов, сколько бы их еще ни было на свете. А также надеясь на то, что после этого Гарольд не бросит мне вызов на поединок, когда мы закончим разбираться с его делами. Все-таки сестры, родовое гнездо, опять же.

— Фууууууу! — сообщили мне сразу четыре из пяти девушек брезгливо и посмотрели на меня презрительно.

И только одна из них, остроносенькая, делать этого не стала. Более того — она даже никак не выказала своего неодобрения.

— Садись за стол, старина — скрыв улыбку, предложил мне Гарольд и хлопнул меня по плечу — В ногах правды нет.

— Покушать бы — одобрительно сообщил ему я, старательно копируя манеры и речь Фалька, и плюхаясь на лавку неподалеку от Генриха — Свининки там, овощей тушеных, хлебушка, подливы.

Если у брата Гарольда и было в планах что-то вроде рукопожатия, то после моей выходки он ничего такого делать не стал, ограничившись кивком и повторив уже произнесенную им фразу:

— Добро пожаловать!

Впрочем, пообщаться нам и не удалось бы, поскольку почти сразу справа от меня уселся Гарольд и тоном, от которого даже у меня пробежал мороз по коже, поинтересовался у брата:

— Ну, Генрих, теперь расскажи мне, как так оно все вышло. И поспеши, пока не пришел дядюшка.

— Все — что? — вяло спросил Генрих — Как мне кажется, ничего особенного или из ряда вон происходящего не случилось.

— Вот такой у меня брат, представитель старшей ветви древнего рода Монбронов — весело, почти залихватски сказал мне Гарольд — В замке как хозяин распоряжается сородич из младшей ветви, его сестер вот-вот

спровадят в дом терпимости, матери нужна поддержка в этот трудный час, но она ее не получает. Отец убит! А мой братец считает, что все идет нормально.

— Отец умер сам — наконец-то в голосе Генриха появились живые нотки — Это доказанный факт, который ни у кого, кроме тебя не вызывает сомнения. Мама в полном порядке, что же до наших с тобой сестер... Ты сам все про них знаешь. И помнишь. Дом терпимости? Не смеши меня. От наших с тобой сестер содержатели иных подобных домов как от чумы будут шарахаться.

— Экий мерзавец ты, Генрих — лениво сообщила та девица, что была с роскошными волосами — При госте нас позоришь. Он хоть и из немыслимой глупши, но все-же...

Впрочем, на ее слова кроме меня внимания никто не обратил.

— И самое главное — Генрих встал и уперся кулаками в стол — Я хочу напомнить тебе о том, что, поступив в обучение к колдуну, ты лишился всех прав. Прав на все! Ты не наследник родовой чести, родового добра, славы предков и всего прочего. Ты уже два года как никто, Гарольд. Никто. И, значит, ты не вправе ничего требовать у меня. Ради правды, и до того ты этого делать не вправе был, просто в силу того, что старший брат я, но тогда тебе многое прощалось за твою лихость, удал и живую кровь Монбронов. За все то, чего не было у меня. Но теперь... Кто ты такой? Радуйся, что тебя вообще пустили сюда, в этот дом. Тебя, и твоего приятеля-невежу.

— Мой славный Генрих, я удивлен — абсолютно без наигрыша произнес Гарольд — Ты ли это? Вечно тихий, вечно молчащий, и вдруг! Правда, я не понимаю, почему ты так набросился на меня, мы ведь не враги.

— Ты уверен в этом? — Генрих криво улыбнулся — Просто ты раньше этого не замечал. Да и когда тебе? Ты всегда то на балу, то в кровати очередной придворной дамы, то на поединке с мужем этой дамы, а то и вовсе на войне. От отца только и было слышно: «Мой Гарольд опять умудрился нашалить». И главное — он бы счастлив твоим шалостям! Даже то, что ты обрюхатил мою невесту, мою Люсиль, он и то назвал «проделкой». Проделкой!

— Я? — ошарашенно произнес Гарольд — Люсиль? Ты в своем уме?

— Мне все известно! — прошипел Генрих и помахал пальцем у носа Монброна — Все! Я видел ублюдка, рожденного ей. Это вылитый ты! Люсиль, правда, до последнего момента твердила, что ты здесь ни при чем, что все было наоборот, что ты ее спас, но я-то знаю, что эта лживая дрянь

просто выгораживала тебя! Даже когда она умирала, она твердила о том, что это мой ребенок, а не твой.

— Как интересно — Гарольд обвел взглядом потолок залы — Это все? Или у тебя еще есть что сказать?

По лицу его матери текли слезы, сестры испуганно глазели на происходящее и даже не перешептывались. Судя по всему, они таким Генрихом тоже никогда не видели.

— Есть — кривя губы, сообщил ему старший брат, щеки которого от эмоций и криков изрядно порозовели — Знаешь, ты меня очень, очень расстроил. Я ведь был уверен в том, что ты непременно примчишься сюда, узнав про смерть отца и прочие бесчинства. И очень надеялся на то, что ты поступишь так, как всегда, то есть ворвешься в замок, прикончишь дядюшку, точнее, попытаешься это сделать, и вообще наделаешь разных глупостей, вроде кровопролития и возмущения порядка. Ты же Гарольд Монброн, любимец дам, надежда рода, у тебя есть все права на это. И после этого я испытаю давно ожидаемую огромную радость, глядя на то, как тебя четвертуют на Судной площади, потому что никаких прав у тебя нет и быть не может. Разве что на небольшое ежемесячное вспомоществование, что-то вроде сотни золотых. Ах, да. И еще небольшого поместья на южной границе Силистрии.

— Это правда — прошептала мать Гарольда, не поднимая глаз — Такова последняя воля покойного. Все права унаследовал Генрих.

— Который тут же отдал их младшей ветви Монбронов — с невыразимым ехидством произнес братец Гарольда, шутовски разводя руки в стороны — В обмен на пару услуг и еще кое-что.

— Ну, с одной услугой не сложилось — миролюбиво сообщил брату Гарольд — Я не стал безобразничать, я предпочел другой путь, мирный. Что же еще тебе обещал наш дядюшка?

— В том числе то, что сделаю все, для того, чтобы ты умер, мой дорогой племянник — раздался бас дядюшки Тобиаса — И не просто умер, а на глазах у всего города, опозоренный и ошельмованный. Это было обязательное требование Генриха.

Новый хозяин родового гнезда Монбронов вошел в залу, прошествовал к массивному дубовому креслу, стоящему во главе стола и плюхнулся в него.

— Это-то понятно — Гарольд взял ломоть хлеба из плетеной корзины и с аппетитом отхватил зубами сразу половину его — А что еще?

— Еще? — дядюшка гулко рассмеялся — Еще он получит руку моей дочери. Единственной, прошу заметить. Правда, это только пока, надеюсь,

что чрево твоей матушки еще способно к деторождению.

— Мы даже уже обручены с Лизелоттой, дорогой братец — добавил Генрих — Да-да. И в брачном договоре, который мы подпишем, четко указана сумма приданого, которая меня вполне устраивает.

— Ну и еще кое-что он получил, по мелочам — закончил дядюшка благодушно — Но в целом твой брат, любезный племянничек, очень и очень неглупый малый. Кстати, если бы даже ты не отправился учиться на колдуна, то для тебя и твоего отца все равно дело кончилось бы почти тем же самым, что и теперь. Ну, единственное что ты умер бы в корчах и слюнях, от жуткой боли в животе. Я человек не злой, мой брат не мучался. А вот Генрих — он другой.

Мать Гарольда издала горловой звук, дядюшка сурово на нее зыркнул и женщина испуганно замолкла.

— Да, Генрих другой — согласился с ним Гарольд — Совсем другой. Эраст, ты прости меня.

— Не понимаю, о чем ты — потянулся я за куском хлеба, уже отлично понимая, что разносолов нам не видать — Разве что за скучность стола извиняешься. Так это не твоя вина, а твоего родича, пригласившего нас на завтрак. Прижимист он оказался.

— А что переводить на вас еду? — даже как-то удивленно ответил дядюшка Тобиас — В «Башне-на-Площади» вас покормят. Я слышал, что наш славный король на ее узниках не экономит, он считает, что особо опасные преступники, те, что приговорены к смерти, должны в полной мере ощутить его доброту и сердечность.

Не очень приятное название — «Башня-на-Площади». Да и упоминание про смертные приговоры мне не очень понравилось.

— Значит, все уже готово — подытожил Монброн — Надо же, я сам сунул голову в петлю.

— Вернее, сделал шаг к эшафоту — поправил его Тобиас — Одно из требований Генриха — публичная казнь. Четвертование или колесование, тут уж как судьи решат. Его оба варианта устраивают. Плюс, естественно, ощельмование и лишение дворянской чести.

— Это как? — изумился я — Как девку чести лишают — это понятно. Но тут-то как? Или я чего-то про Силистрию не знаю?

— Будет написан королевский указ, что я отныне лишен права носить родовую фамилию, лишен права проживать в столице и еще много чего лишен — объяснил мне Гарольд — Крайне унизительная процедура, поверь мне.

— Ну, положим, убить здесь нас может и получится. Если прямо

сейчас и здесь — скептически произнес я — Хотя... Не факт. Да и толку вам от того? Вы все одно нашей смерти не увидите. Ты не обижайся, Гарольд, но братец твой слизняк, мы его прикончим сразу, без особых хлопот. Я его сам и прирежу, чтобы тебя совесть не мучала. С дядюшкой хлопот побольше будет, сильно он толст, но тут главное брюхо вспороть, а там он сам богам душу отдаст. А дальше... Да по трупам до входа пройдем, не в первый раз.

Про магию я упоминать не стал, ни к чему это. Хотя, если дело и впрямь дойдет до драки, я ее в ход пущу непременно. Того же дядюшку ей попотчую.

Дядюшка Тобиас усмехнулся, взял колокольчик, который стоял перед ним и несколько раз качнул его влево-вправо.

Скрипнули двери, и в зале сразу стало многолюдно. Причем все вновь прибывшие держали в руках арбалеты, болты которых были направлены на нас.

— Кстати — неплохая альтернатива, братец — заметил Генрих — Мне это невыгодно, но тем не менее. Это легче и проще, чем свидание с палачом на Судной площади.

— Легче — признал Гарольд — И проще. Но я за последние два года очень отвык от очевидных вещей. Жизнь, знаешь ли, как-то все так хитро выворачивала, что простые пути стали казаться не слишком верными. Да вот и сейчас — казалось бы, мне надо вынуть шпагу, попробовать убить тебя и получить десяток арбалетных болтов. Все так просто. Но в чем смысл? Ты уцелеешь, поскольку я не успею этого сделать, у меня же шансов остаться в живых не будет вовсе. Если же я не стану пробовать тебя убивать, то и эти господа не посмеют стрелять. Нет повода.

Гарольд тянул время, это я прекрасно понимал. Ему ли не знать, что в нашем мире принято убивать без повода. Вот только чего ради он его тянул? Ждал Рози? Но, как по мне, лучше бы ей здесь и не появляться. Мы умрем — это ладно, но ее смерти я не хотел. Может, это и есть любовь? Ну, когда не хочешь смерти близкого тебе человека настолько, что будешь рад умереть раньше него?

— Племянник, заканчивай этот балаган — хлопнул ладонью по столу Тобиас — Кладите оба оружие на стол и заканчивайте пустые разговоры. И сразу — все эти «пройдем по трупам» в моем доме не пройдут. Во дворе вас ждет народу больше чем здесь. Втрое больше.

— Наши дрязги — это наши дрязги — ровно произнес Гарольд — Фон Рут тут ни при чем, как и де Фюрьи. Со мной... Будет, что будет. Но с какой стороны они в этой истории?

— Мистресс де Фюри и вправду ни при чем — даже как-то радостно заявил дядюшка Тобиас — Она будет гостьей в моем доме, я ее с дочкой познакомлю, а если ее родня пожалует, то и их встречу и привечу. Хоть эта Рози и из вашего колдовского выводка, но все одно она де Фюри. Фамилия, подкрепленная серебряными рудниками и обласканная королем. Так что за нее не волнуйся, она сейчас поплещется в мыльне, потом позавтракает, а потом... Найдем как ее развлечь. Так, что про вас она и не вспомнит. А вот приятель твой — он никто, нищеброд из лесов. Кабы он еще не видел и не слышал ничего, но это не так. Да еще и брюхо мне хотел распороть, гаденыш такой. У!

И дядюшка, наконец сняв маску добряка, оскалил зубы и замахнулся на меня своей лапищей.

— Вот, Гарольд — удовлетворенно заявил другу я — Теперь у нас равные права на то, чтобы убить его. Тебе надо отомстить за честь семьи, а мне за свою собственную.

— Идиоты — показав на нас, произнес дядюшка — Все, надоели они мне. Хватайте их.

Часть воинов дядюшки побросала свои арбалеты и кинулась к нам.

Вот тут я и растерялся. То ли доставать шпагу и дагу, то ли нет. Достанешь — получишь болт в грудь или голову. Не достанешь — считай, сдался, а я этого не люблю.

Пока голова соображала, пальцы правой руки, повинувшись рефлексу, который вбивал в нас Ворон, уже привычно сплелись, формула была на языке, и я было почти пустил заклинание в ход, как поймал взгляд Генриха. Ожидавший. Полный надежды.

Этот поганец хотел, чтобы мы выкинули что-то подобное. Более того — на это и был расчет. Ему не колесование наше было нужно, не четвертование.

Ему сожжение хотелось посмотреть.

— Гарольд, только кулак или сталь — заорал я, ткнув пальцами в глаза первому набежавшему здоровяку, этот трюк у меня отлично получался еще в Раймилле — Без ничего!

— Понял — ответил мне Гарольд и врезал кулаком одному из стражников — Как по мне, надо вовсе без крови обойтись, а то на нас ее и повесят.

Без крови — это было все равно, что сдаться. Собственно, нас и скрутили через минуту.

Может, это и неправильно, может, стоило все же попробовать прорубить себе путь? Да и потом — не один же коридор в этом замке? Есть

какие-то тайные ходы и все такое.

Но это должен был решать Гарольд, а он за шпагу не взялся. Значит, не счел нужным. Значит, есть у него какие-то резоны так поступать.

— И снова ты ошибся — попенял Генриху дядюшка — «Они колданут, они колданут». Вот, не колданули. Даже за сталь не взялись, негодяи такие. Слушай, может в дальних краях Гарольд и впрямь ума-разума набрался?

— Тогда его точно убить надо — буркнул Генрих, который, несомненно, был крайне разочарован нашим поведением — Я в те времена, когда он был дураком еле выносил, а уж в качестве умника он станет вовсе нестерпимым.

— Не набрался — с сожалением произнес мой друг — Теперь я это наверняка знаю. Не послушал умного совета, сделал все по-своему, как привык, и вот результат.

— Снявши голову, по волосам не плачут — назидательно произнес дядюшка — А вообще — да. Сидел бы там, на Западе, не совался бы сюда, тогда и жив остался.

— Ну да — сплюнул Гарольд — А вы бы все новых и новых наемных убийц подсыпали.

— Не без этого — признал дядюшка, подходя к нему и доставая из ножен его дагу — Но и ты меня пойми. Ты мне живой не нужен. Положение при дворе у меня шаткое пока, не всем фамилиям пришлось по душе то, что произошло. А если еще и вспомнить про родню твоей матушки... Ну как ты к Рою Шестому побежишь? Он тебя всегда любил. Опять же — вон, ты с де Фюрси сошелся близко, твой лучший друг жених одной из их рода. А я ведь про это даже и не знал. Нет, никак тебе жить нельзя. И приятелю твоему тоже. Генрих, иди сюда.

Брат Гарольда болезненно скривился.

— Может, без этого обойдемся? — спросил он у дядюшки.

— Как? — пожал мощными плечами он — Надо, сынок, надо. Терпи.

Генрих так и не тронул с места, тогда Тобиас в несколько шагов приблизился к племяннику, и вогнал лезвие даги ему в бок. Неглубоко, так, чтобы кишки не повредить, но кровь брызнула из раны моментально, закапав пол трапезной. На колете Генриха расплылось темное пятно, он побледнел еще больше, хоть, казалось, дальше уже и некуда.

— Ну, и для полноты картины, займусь собой — Тобиас было хотел пустить в ход оружие Гарольда, но потом подумал и подойдя ко мне, достал из ножен уже мою дагу — Лучше так. Не будем обманывать королевский суд во всем, пусть будет хоть что-то по правде.

Себя он жалеть не стал, вспорол камзол на груди, да так, что белая

рубаха под ним мигом стала красной. И еще полоснул как следует руку. Врать не стану — впечатлил меня. Не всякий так себя резать сможет. Другого-то запросто, но вот себя...

— Зови — стряхнув капли крови с руки на пол, скомандовал одному из воинов Тобиас — Можно.

Дверь скрипнула и в залу вошел достаточно скромно одетый человек, в котором я сразу же, каким-то шестым чувством, угадал судейского. Не знаю отчего, но эту публику от любой другой я отличу сразу. Они в любом королевстве одинаковы и наши, раймилльские от местных не отличаются ничем. Может, они вовсе отдельная ветвь человеческая? Некое племя, которое рождается для судейских нужд?

— Вот они, злодеи — рыдающим голосом произнес дядюшка — Я их принял в доме, как родных, как самых близких мне людей, а они... Пытались убить меня, пытались убить Генриха!

Бледный Генрих так и стоял, в глазах его плескались боль и страх, он, похоже, впервые в жизни так близко столкнулся с этой стороной жизни и теперь пытался осознать, что ему делать дальше. В смысле — умирать, или еще пожить?

— Бедный мальчик — прорычал дядюшка и толкнул племянника в грудь, тот рухнул в свое кресло и громко заорал от боли — Вот, видите каково ему! Не то страшно, что в бок ударили, что лезвие чудом не вспороло ему печень. То страшно, что это сделал его брат! Братоубийца!!!! Что может быть страшнее!

— По королевскому Уложению братоубийство карается четвертованием — невозмутимо пробубнил судейский — Свидетели есть?

— Полный зал — обвел рукой трапезную Тобиас — Вот, все они видели то, как я этих двоих встретил, а также как они меня и этого бедного мальчика убить хотели.

— Прекрасно — судейский зевнул, не раскрывая рта — Завтра сами приходите и пяток этих молодцев прихватите. Снимем показания, подготовим королю записку по этому поводу, и, если все будет удачно, через месяцок он это дело рассмотрит.

— Как же так? — расстроился дядюшка — Король судебные дела рассматривает по вторникам, я знаю. Почему месяц?

— Там все непросто — чиновник озадаченно нахмурил брови — Есть некая очередь. Дело-то ваше личное, не государственной важности, у него и ход другой.

— Государственной — заверил его дядюшка — Государственной. Вы ко мне нынче на обед загляните, мы это обсудим.

— Почему нет? — покладисто согласился чиновник — Обед — это хорошо. Но только без вина. Печень, знаете ли, пошаливает.

У дядюшки и впрямь все было на мази. Четверо крепышей в такой же серой судейской одежде, шустро надели на нас кандалы, освободили от остатков оружия, которое их начальник прихватил с собой, а после шустро повели на выход.

— Что, вы тоже против нас будете свидетельствовать? — не удержавшись, спросил я у сестер Гарольда, которые так все это время и просидели молча — Тоже любопытно глянуть, как нам руки-ноги рубить будут?

Ответа не последовало.

— Да какая вам разница? — без тени недовольства, и даже как-то учтиво сказал мне судейский — В Силистрии показания женщин судом не рассматриваются. Кто будет им верить, по крайней мере, находясь в здравом уме?

За воротами нас поджидала черная карета с задернутыми шторками окнами и без каких-либо гербов на дверях. Нас шустро запихнули в нее, и она мигом тронулась с места.

Глава 6

Что меня немного удивило — к нам никто не присоединился. В смысле — в карете кроме меня и Гарольда никого больше не было. У нас в Раймилле тоже такие черные экипажи имелись, правда, немного по-другому выглядящие, но назначение у них было аналогичное — перевозка опасных преступников. И тех, что на корону злоумышляли, и тех, что попроще — убийц там, или насильников. Как правило, везли их после оглашения приговора от тюрьмы до Веселой площади, где злодеи и заканчивали свои дни в петле или от топора палача.

А здесь — ничего подобного. Нет, с каждой из сторон кареты на приступках у дверей имелось по дюжему молодцу в сером, и на козлах двое устроились, но это все не то. Вот у нас, помню, по четыре судейских прямо в карету набивалось. Сам видел не раз такое на Веселой площади — сначала слуги закона из экипажа вылезают, а уж потом преступник, цепями звена, выбирается.

Я-то на казни любил дома ходить. Нет, сам процесс мне не нравился, чего в нем хорошего? И потом — сейчас вон тот бедолага на эшафоте, а завтра, не приведи боги, ты сам. Подумать страшно. Но вот по чужим карманам шарить в то время, когда злодея жизни лишают, просто прекрасно. Все кричат, все ждут чужой смерти, а потому за своим добром следят не так внимательно, как обычно. Я как-то раз у одного благородного кошель таким образом стянул, так в нем аж два золотых оказалось, и еще серебра добрая пригоршня!

Хотя, если честно, меня бы на Веселой площади казнить не стали, не стоит себе льстить. Мелковат я был для нее, не те грехи. Меня бы вообще казнить не стали. Скорее всего, продали на угольные копи, где всегда люди нужны. А что тут удивительного? Там работники мрут как мухи. А так все свое получают — король пару серебряков за мою шкуру, владельцы угольных копей нового работника, а я заслуженное наказание и непременную смерть лет через семь-восемь. Как свои легкие, от угольной пыли черные, выблюю, так и сдохну. Как и все остальные.

А, может, руки бы по локоть отрубили, такое у нас тоже в чести было. И живи как знаешь.

Но то дома. А тут меня казнят как благородного — на площади, при стечении народа. Правда, непонятно за что, но это уже не столь важно.

Если, конечно, я до такой крайности дело доведу.

— Гарольд — вкрадчиво сказал я — Слушай, я как-то не очень понимаю — отчего нас никто особо не охраняет?

— В смысле? — уточнил мрачный Монброн.

— Ну, вот смотри — я кивком указал на дверь кареты со своей стороны — Если со всей дури по ней ногой вдарить, то путь на волю будет свободен. Сломать ее я не сломаю, но вон того громилу, что за ней стоит, сброшу на дорогу мигом. Потом сам спрыгну — и лови меня.

— Так-то оно так — подтвердил Гарольд — Да вот только что потом-то делать? Если ты бежишь от стражи, то ты, по сути, бежишь от королевского суда. Для простолюдина эти слова ничего не значат, а вот для нас с тобой наша честь есть суть наша жизнь. К тому же подобное бегство несомненно докажет несуществующую вину. Раз бежал, значит преступник. А еще ты немедленно будешь объявлен вне закона, и с этого момента тебя может убить любой житель Силистрии. Более того — куча народа будет искать тебя для того, чтобы прикончить, а после получить награду за твою голову. Королевскую награду, именную.

— Даже так?

— А как же — невесело рассмеялся Гарольд — Ты не пожелал королевского правосудия, а это означает одно — недоверие к нашему славному королю. Значит, не веришь ты в его справедливость и непогрешимость. Это оскорблениe, которое смывается только твоей кровью.

— Подытожим — потер я переносицу, звякнув кандалами — Если не бежать, то нас казнят. Если бежать — то убьют в ближайшее время. Знаешь, вариант с «бежать» все равно оставляет большой простор для фантазий. Может, и не поймают нас. Дадим о себе знать ребятам, найдем кузнеца, снимем цепи и быстро-быстро покинем город. А потом пускай ловят, не жалко.

— Беги — на полном серьезе заявил Гарольд — Используй этот шанс. А я не могу. Не могу, понимаешь? Все и так паршиво, а это окончательно лишит меня шанса и на месть, и на все остальное.

— Понимаю — покивал я, в очередной раз поражаясь тому, как он продолжает цепляться за некие основы своего былого бытия, которые кроме него никому, похоже и не нужны — К тому же никто не даст гарантии в том, что твой дядюшка только этого и не ждет.

Эта мысль мне пришла в голову еще тогда, когда нас усадили в карету. Мол — бегите, парни. И всем будет хорошо. Вам за Гранью, мне тут.

— Запросто — Гарольд усмехнулся — Видал, какое он представление устроил?

— Да кабы он один — я закинул ноги на скамью напротив — Ты только не обижайся, дружище, но братец у тебя еще та скотина.

— Знаешь, я не хочу его оправдывать — помолчав, сказал мне Гарольд — Да и не стану, потому что нет в этом смысла. Но доля моей вины в этом есть.

— Тра-ля-ля — скорчил рожицу я — Слушай, давай обойдемся без вот этих вот размышлений и жалостливых признаний. Мы знакомы уже два года и никогда ты себе подобных сомнений не позволял. Ты всегда верил в друзей, сталь и удачу, и никогда не сворачивал с намеченного пути, так не начинай превращаться невесть во что. Я и без того тебя в последнее время не узнаю, так много стало в тебе этой... Как ее... А! Сентиментальности. Хорошее слово, я его от Ворона узнал.

— Ну-ну — подбодрил меня Монброн — Что еще?

— Еще? — закусил удила я — Слушай, что еще. Дядюшка Тобиас, по сути, объявил твоей семье войну, и Генрих переметнулся в его стан. По сути, предал родную кровь и выбрал другую сторону, не ту, на которой ты. Про сестер и мать говорить не стану ничего, они женщины, да и не моего ума это дело. А что до братца твоего — гнида он, вот и все. А какой разговор с гнидами на войне, ты знаешь. И если я не прав, то можешь прямо сейчас плонуть мне в лицо.

— Не буду плевать — с каким-то облегчением расхохотался Монброн — Потому что ты прав. Во всем. Знаешь, я себя в последнее время ощущаю как человек, который попал в густой туман, причем в знакомых ему местах. Вроде очертания везде привычные, но все какое-то чужое. Вот я бреду в этом тумане, натыкаюсь на углы там, где их не было, спотыкаюсь, дороги отыскать не могу. А я же еще и вас за собой веду. Одно дело самому голову на плаху положить, совсем другое еще и ваши с собой за компанию туда же пристроить. Что ты улыбаешься? Мне прошлого лета до конца дней хватит. Флоренс, между прочим, до сих пор снится. Придет под утро во сне, стоит, улыбается и молчит. Ни Ромул, ни Флик не приходят, а она — часто.

— Это означает только одно — назидательно произнес я — Ворон мало тебя нагружает работой. Лично я сплю как убитый и без снов.

— Ну, Аманда сказала, что я так взрослею — возразил мне Гарольд — Не поверишь, но перед отъездом из замка я с ней поделился своими мыслями. Случайно так получилось, сам не ожидал.

— Верю, что случайно. Нарочно с ней давно никто не разговаривает — не удержался я — Она всех от себя разогнала.

— Ну да, характер у нее испортился невероятно — признал мой друг — Она и раньше была не подарок, а теперь... Кстати, я так и не понял,

отчего это произошло. Не захотела она мне говорить.

— Да брось ты — даже удивился я его непонятливости — В папаше дело. Сначала она об этом не сильно задумывалась, а потом осознала что к чему. Все-таки из принцесс в нищенки свалилась.

— Ты слишком много общашься с де Фюрии — укоризненно произнес Гарольд — Как по мне, дело не в этом. Ну, или не только в этом. Мне кажется, ты тут тоже замешан.

— Стоп-стоп-стоп — махнул руками я, брякнув при этом кандалами — Давай меня сюда не приплетать. Поверь, я до последнего пытался сберечь то, что между нами было. Хотя, если честно, ничего особенного между нами и не было. Так...

— Для тебя «так», для нее это что-то другое.

— Прекратили этот разговор — потребовал я — Мы сейчас осуждаем тебя, а не меня. А что до Аманды... Слушай, вот вернемся в замок, тогда о ней и поговорим. Если вернемся.

— А что я? — Гарольд устроился на лавке поудобнее — Ты назвал меня «тряпкой», я с тобой согласился. Жалко поздно. Надо было вас послушать, убить дядюшку, обстряпав это дело почище, и отправиться обратно в Центральные Королевства.

— Ну, не то, чтобы «тряпкой» — мне стало немного неловко — И потом — ты действовал в каком-то смысле верно.

Так оно и было, на самом деле. В голове моего друга не могло уложитьсь то, что кто-то посягнет на величие его фамилии, что кто-то из его семьи сможет предать родную кровь. Монброны Силистрийские всегда были первыми во всем, и Гарольд впитал это с молоком матери. Его дом в самом деле был его крепостью, в падение которой он никогда бы не поверил. Он и не верил до той поры, пока не увидел все своими глазами.

— Верно, неверно... Какая теперь разница — Монброн отогнул занавеску на окне, скрывавшую нас от зевак — Почти приехали. Скажи, ты когда-нибудь думал о том, что твоя жизнь закончится на плахе или в петле?

— А ты туда собрался? — изумился я — Серьезно? На самом деле?

— Да вот еще — он пихнул мою ногу своей, и я облегченно вздохнул, увидев прежнего Гарольда, который никого и ничего не боится — Это я так спрашиваю, из любопытства.

— Да нет — ответил я — Никогда. Что мне там делать? Я же не уличный воришка.

Карета, скрипнув, остановилась, двери ее распахнулись.

— Выходим по одному — услышал я — По сторонам не глязеть, рта не открывать, знаков никому не подавать.

— Еще раз позволишь себе говорить с нами в таком тоне — и я тебя убью — подал голос Монброн — Не забывай, титулов нас пока никто не лишил и привилегий тоже. Лично мне, например, полагаются позолоченные кандалы, это закреплено в правах моего рода.

— Все такое говорят поначалу — сообщил нам судейский, с которым общался дядюшка Тобиас, заглядывая в карету. Он, оказывается, тоже составил нам компанию — Все требуют почтения и привилегий. А потом плачут, как дети и убеждают наших доблестных тюремщиков, что они совершенно другое имели в виду.

Его слова поддержал дружный хохот, как видно, это была традиционная местная шутка.

Я первым вылез из кареты и тут же зажмурился. После полумрака яркое солнце нестерпимо ударило в глаза.

— Не вороти рожу от солнышка — посоветовал мне кто-то — Теперь тебе его до самой казни не видать.

Смысл этих слов я понял довольно скоро, когда нас с Гарольдом привели в камеру.

Надо заметить, что «Башня-на-Площади» была именно тем, что значилось в ее названии. Редко увидишь такое совпадение названия и места, которое оно именует. Вот возьмем нашу раймилльскую «Веселую площадь». Если верить наименованию, так там народ должен веселиться. Канатаходцев смотреть, жонглеров, пиво пить, и так далее. Но — нет. Там казни проводят, какое уж тут веселье. Ну, разве если только кого-то из казначейских колесуют или судейских, тут да, тут народ очень веселится.

Здесь же одно совпадало с другим. Башня была высокая, с толстенными стенами, узкими лестницами внутри и крошечными камерами. И без окон. Я, по крайней мере, их не заметил. Внутри были только факелы, потрескивающие на стенах.

Я слышал много легенд о том, как матерые воры умудрялись бежать из разных мест — и из тюрем, и из рудников. Большой частью это были, разумеется, сказки. Но даже в них не упоминались подобные места.

Нет, один вариант мне сразу пришел в голову, но вот только и его мы использовать не смогли бы. Ни я, ни Гарольд не изучали магию разрушения. Есть такие заклинания, про них Ворон упоминал на занятиях. Да и при штурме Шлейцера кое-что из этого раздела практической магии я своими собственными глазами видел.

Но где мы, и где магистры, что ее в ход пускали?

— Радуйтесь — сообщил нам мордатый верзила-тюремщик, остановившись у одной из дверей и брякнув связкой ключей — Вдвоем

будете сидеть. Красота, простор!

— Да уж — Гарольд оглядел помещение, в котором практически все пространство было занято двумя топчанами, придвинутыми к стенам — Прямо бальная зала.

— В соседней камере, точно такой же, шестеро сидят — ответил на это ключник — Дрыхнут по очереди. Один спит, пятеро стоят. По-другому никак. Руки вперед вытянули и без фокусов давайте. Мне только свистнуть — стража прибежит.

Он расстегнул кандалы, перекинул их через плечо, и оставил нас, замкнув за собой толстую дверь, из-за которой к нам не проникал ни один звук.

Окна, хоть какого-нибудь, здесь тоже не было, в камере царил полумрак. Единственным источником света было небольшое отверстие рядом с потолком. А еще тут было крайне душно. Яркое солнце Силистрии нагрело камни стены, а воздуху в камеру через все то же отверстие поступало ну очень немного.

А на дворе только весна. Что же здесь летом творится?

— Жарковато — Гарольд расстегнул камзол — Уффф!

— Не без того — я было последовал его примеру, а после и вовсе снял верхнюю одежду, да еще и сапоги снянул — Но это ничего, ночью будет веселее. Ночью мы мерзнуть будем, я так думаю.

Высказав это предположение, я растянулся на топчане, подложив под голову свернутую одежду.

— Давай рассcенивать это как некий полезный опыт — предложил Гарольд, стягивая камзол и делая то же самое, что я — Согласись, когда у нас еще выпал бы шанс попасть в настоящую тюрьму? Вот ты такое предложить мог?

— Я? Никогда. С чего бы?

Произнося это, я даже не знал, плачать мне или смеяться. Кому-кому, а мне тюрьма, по идее, была домом родным, поскольку в своей бывшей ипостаси я все равно туда раньше или позже загремел бы.

— Есть и другие положительные стороны в нашем нынешнем положении — жизнерадостно продолжил Гарольд.

— А ну-ка? — я даже лег на бок и уставился на него — Какие именно? Нет, мне правда интересно.

— Первое — Монброн сжал пальцы в кулак, а после отогнул один из них — Нам пока не надо гадать, что делать дальше. Мы находимся в некой конечной точке, откуда сами выбраться не можем, а потому и голову над своей будущностью ломать нечего.

— Сомнительный плюс — скептически скривился я — Хотя... Да, отсюда не сбежишь, факт есть факт.

— Как вариант, мы, конечно, можем убить тюремщика — заметил Гарольд — Ты знаешь магию крови, я тоже кое-что могу, да и ремни у нас не отобрали, удавку можно смастерить, но что потом? Я считал — мы миновали восемь этажей и сейчас почти на самом верху башни. Нам не добраться до выхода живыми, даже если мы добудем оружие. Что до магии — ее и на один пролет не хватит.

— Можно выпустить друзей по несчастью — возразил я — Вон, только в соседней камере шесть человек сидят.

Сказав это, я повертел головой. Бывалый люд рассказывал, что в камерах бывают такие специальные отверстия, которые являются слуховыми трубами. Мол, сидельцы общаются, а люди из тюремной охраны, а то и городской стражи их слушают. Ничего такого я не заметил, но червячок беспокойства у меня внутри остался.

— Вариант — призадумался Гарольд — Ладно, это мы еще обсудим. Итак — второе положительное обстоятельство — мы можем наконец-то выпасть в более-менее приличных условиях. Мне лично этот гамак на корабле до смерти надоел.

— Вот тут — да — признал я — Хоть и жарко, зато задница в воздухе не болтается. Что еще?

— Кое-кому придется пошевелить мозгами над тем, как нас выручить — Гарольд широко улыбнулся, отгибая третий палец — Знаешь, приятно иногда побить чьей-то головной болью.

— Ой, ладно — фыркнул я — Есть у меня подозрения, что ты и до того кучу проблем окружающим создавал.

— Ну, и последнее — мой друг отогнул еще один палец — Если все-таки дело дойдет до топора и плахи, я буду очень, очень красиво смотреться на эшафоте. Сам посуди — в белой рубахе...

— В серой — заметил я — Как и у меня. Откуда им у нас взяться, белым? Мы в тюрьме, тут прачек нет. А если совсем честно, мои и до того не сильно белые уже были. То война, то корабль...

— Ну да, переодеться я не успел — Гарольд с отвращением глянул на рукава своей рубахи — Ладно, в почти белой рубахе, молодой, стройный, красивый. Еще волосы распуши! Все девицы помрут от восторга!

— Что да, то да — даже не стал спорить я — Особенно если волосы распустить. И знаешь, чтобы ветерок эдак их слегка развивал. Очень красиво будет смотреться. В аккурат до того момента, как палач тебе первую руку не отрубит. Или ногу? У вас с чего четвертование начинают?

У нас с рук.

— Скотина ты, милейший фон Рут — заявил Гарольд — Такую картину испортил. Теперь ни малейшего желания нет на эшафот идти. Придется как-то выбираться отсюда.

— Крайний срок — понедельник, то есть через четыре дня — заметил я — Во вторник состоится суд, где нас приговорят к смерти.

— Думаешь?

— Уверен — я снова лег на спину — Вот кабы тебя отвезли к королю, то, может, и нет. Тебя же король в лицо знает?

— Знает — подтвердил Гарольд.

— Вот потому тебе туда и не попасть — продолжил я — Просто составят документ, по которому некий дворянин, возможно, даже безымянный, чуть не прибил родных и подсунут его на подпись королю, а тот его подмахнет. Или даже без этого обойдутся. Знаешь, в судебных канцеляриях и не такие странности бывают. Заверит приговор какой-нибудь бумагомарака, да и все.

Я сам в местах, вроде королевской канцелярии не бывал, но вот беззубый Руфус, который частенько ночевал со мной в одной раймилльской ночлежке, много про подобные штуки рассказывал. Он сам лишился всего, чего имел, вот таким же образом, через поддельные бумаги, за большие деньги, заверенные подлинными печатями и подписями. У нас ведь все решают связи и знакомства, у Руфуса их оказалось меньше, несмотря на его положение. Потому в какой-то момент его племянник стал жить-поживать в бывшем руфусовом огромном доме и кататься на карете с золочеными спицами. Сам же Руфус спал в ночлежках и дрался с нищими за кусок хлеба до той поры, пока ему горло не перерезали.

Что уж говорить про нас? Дядюшка Тобиас отсыплет золота, кто-то где-то подпишет бумагу и поставит печать, а потом мы будем стоять на виду у всего города на Судной площади.

— Шутки шутками, но я не желаю подыхать от рук палача — уже без иронии произнес Гарольд — Лучше тогда уж наш первый план, с тюремщиком. По крайней мере умрем от честной стали и в бою, все не стыдно у Престола будет в глаза Владыкам посмотреть. Да, жизнь была бестолковая, зато смерть красивая.

Мог бы я сказать, что не красивая она, а глупая, поскольку влезли мы в эту всю канитель напрасно. Мог, но не стал. Потому что тоже в этом всем виноват. Не убей я еще во время войны ученика мистресс Эвангелин, и сейчас бы не здесь на топчане лежал, а спокойно зубрил заклинания в Вороньем замке. Все хороши, проще говоря.

— Ты со мной? — привстал, протянул мне руку Гарольд.

— Как всегда — пожал я ее — До конца.

— Красиво сказал — одобрил он — Прямо как в романах, которые мои бестолковые сестрицы так любят читать! Ох, духота какая!

— Слушай, а вот мне интересно — спросил я, вытерев со лба пот, моментально выступивший от телодвижений — Твой брат упоминал некую Люсиль. Если не секрет — в чем там дело?

На самом деле данное имя я услышал сегодня не впервые. Еще прошлым летом оно мелькнуло в ночном разговоре моего друга и Аманды, который я случайно подслушал. Правда, случайно. Не нарочно.

— Люсиль — Гарольд помолчал — Там все неприятно вышло. Сильно неприятно.

— Не хочешь — не рассказывай — предложил я — Все понятно, семейные дела это такая штука...

— Семейные — Монброн рассмеялся — Знаешь, я все чаще начинаю понимать тех, кто называет своей семьей нашу дружную компанию. Ей-ей, наши узы прочнее, чем любые кровные. Да что там, сам посуди — мой брат меня предал, мой дядюшка хочет моей смерти, мои сестры и мать промолчали, а ты готов идти за мной на эшафот. Вот и задумаешься, где она, семья на самом деле.

— Тогда рассказывай про Люсиль — потребовал я — По-нашему, по-родственному.

— Не язык у тебя, а помело — заметил Гарольд — Ладно уж. Хотя там особо и рассказывать нечего. Есть у нас в Форессе уважаемое семейство по фамилии Лавиньи. «Старая» кровь, изрядное состояние, естественно, в родстве с другими благородными семействами, и с нами в том числе. Кстати — по дядюшкой линии. Ну, и, как водится, я знал всех своих погодков из этой фамилии, поскольку при одном «малом дворе» были приняты, по одним балам ходили, на одни охоты ездили. У нас так принято.

— «Малом дворе»? — уточнил я.

— Ну да — Гарольд повертел пальцами в воздухе — Двор наследника престола. Наши отцы состоят при правящем короле, мы, их благородные потомки, при будущем монархе. Традиция. По идеи, от нашего дома там должен был Генрих присутствовать, как старший, но он к этому был не приспособлен совершенно. На лошади сидит криво, шпагой как вертелом машет и крови боится. Опозорил бы он нас, вот отец меня туда и отправил. Мол, все одно никому дела до этого нет. А я что? Только рад был. Там весело было.

— Слушай, если ты наследника престола знаешь, так это хорошо —

оживился я — Может...

— Он умер три года назад — прервал мои соображения Гарольд — Как объявили, от геморроидальных колик. Но я так думаю, что его сгубила та хворь, что в бокале с вином легко растворяется, и вкуса не имеет. Его место занял средний сын короля, а его я почти не знаю. У него своя свита, ближним покойного принца в ней места нет.

— Плохо — вздохнул я — Ну, и что с Люсиль-то?

— Я крепко сдружился с Лео Лавинем, мы с ним погодки — продолжил Монброн — Стал часто бывать в этом доме, и там обнаружил, что совсем еще недавно сопливая малышка Люсиль, его сестра, превратилась в такую красотку, что только ахнуть можно.

— Ну, и тогда ты... — предположил я.

— Да не было у нас ничего — даже привстал на локтях Гарольд — Не было. Могло бы быть, не стану врать, но не успел я. Отец Люсиль решил отдать ее за Генриха, этот тюфяк, оказывается, в нее влюбился. Уж не знаю, где он ее заприметил, он и из замка-то выходит раз в год по обещанию. Нет, я не лучший из людей, но спать с невестой брата — это перебор. По крайней мере, до свадьбы.

Не связывается что-то. Тогда, ночью, Гарольд говорил о том, что Аманде надо быть попроще и не совершать ошибок этой самой Люсиль.

— Она не хотела идти за него — тем временем продолжал свой рассказ Гарольд — Но и отцу перечить тоже не могла. Самое забавное, что она могла бы стать моей женой, если бы не изображала, что я ей безразличен. Прохлопали мы свое возможное счастье. Хотя, может и к лучшему, я ее все равно не любил. Хотел — это да, но чувства... Я, знаешь ли, никогда никого толком и не любил. В смысле — женщину. Ну, так, как об этом менестрели поют. Потому, наверное, всегда и предпочитал иметь дело с замужними женщинами, им разные хорошие слова говорить не нужно.

— Та же ерунда — поторопил его я — Мы с тобой два нравственных урода. Что дальше было?

— А дальше все было плохо — помрачнел Гарольд — Я про ее чувства узнал от нее же самой. Мы незадолго до свадьбы встретились в саду ее имения. Она меня письмом вызвала. И надо же было такому случиться, что туда занесло и Генриха, пообщаться с будущим тестем. Он нас увидел, а Люсиль еще меня за руки взяла... Ну, в общем, он напридумывал себе всякой чепухи.

— А ребенок? — уточнил я — Он от Генриха?

— Ребенок... — помолчав, ответил он — Там прямо перед свадьбой

скверная штука вышла. К Лео приехали какие-то приятели из Алессии, и они все здорово перепились. Очень здорово. Настолько, что трое из них вломились к Люсиль, и ее... Ну, ты понял.

— Да как такое возможно? — изумился я — Полный дом слуг! Что, никто ничего не слышал? И сам Лео куда глядел?

— Если действовать с умом, никто ничего не услышит — поморщился Гарольд — Лео же дрых, без задних ног. Другой разговор, на что они рассчитывали потом? За подобное весь род вырезают без жалости.

— Дальше можешь не продолжать — произнес я — И так ясно, что в этот момент в дом Лавиней занесло тебя и ты всех троих прибил.

— Никого я не прибил. Двоих хорошо подранил — это да — поправил меня Монброн — их потом Лео обоих на поединках заколол. А третьему я сразу, прямо там, член отрезал и сухожилия на ногах подсек, чтобы он, как гадина, только ползать до остатка своих дней мог. Он как раз был тем, кто успел на Люсиль слазить. И, возможно, отцом этого самого ребенка. Кое-как удалось все это скрыть, никто не хочет выносить сор из дома, но...

— Невеста оказалась не слишком непорочной — кивнул я.

— Именно. А Генриха заверяли в обратном. В результате крайним оказался я. Ну, и бедняжка Люсиль. Она умерла через несколько дней после родов, мне написали про это. И ребенок тоже, следом за ней.

— Прости за банальность, но вот тебе и ответ на вопрос: «почему?» — не задумываясь о том, насколько резко это прозвучит, сказал Монброну я — Ты всегда был для своего брата бельмом на глазу, а тут еще и это. Ведь всегда все доставалось Гарольду — любовь отца, самые красивые девушки, удача, слава. Но это все ладно. Но тут ты еще и невинность его невесты забрал, то, что вроде бы его по праву. И вот тогда он сделал свой выбор.

Между прочим — темнит мой друг. Ну, и ли недоговаривает. Помню, что как-то он мне рассказывал о причинах, по которым его отец определил в ученики к Ворону, так там он тоже мельком о этой Люсиль упоминал. И все выходило немного по-другому.

Хотя... Может, он тогда темнил, а это все чистая правда? Да, собственно, и какая теперь разница?

— Спасибо за то, что ты объяснил мне то, что я сам уже понял — очень серьезно поблагодарил меня мой друг — И как я без твоей мудрости раньше жил? Но понять и осознать — это, знаешь ли, разные вещи. А главное — как мне с ним, дурачком, дальше управляться? По «Уложению о чести дворянской» за предательство семьи наказание одно — смерть. Вот только смогу ли я это сделать? Кабы был жив Люка... Хотя — будь он жив, все бы по-другому сложилось.

Про Люка я до того слышал, это был его второй брат, он погиб на поединке как раз в то время, когда мы начищали туалеты в Вороньем замке. Гарольд раньше с ним не очень ладил, но узнав о его смерти, сильно расстроился.

— Ты не сможешь, я смогу — деловито сказал я — Главное — отсюда выбраться. Шутки шутками, а умирать неохота.

— Поживем — увидим — выдержав паузу, произнес Гарольд — Ладно, давай попробуем спать. Все равно делать больше нечего. До вторника времени полно, глядишь, и не придется нам с боем ко входу пробиваться. Хвала богам, у нас еще есть друзья, и они остались на свободе.

Глава 7

Полно-не полно, а дни в узилище пробежали довольно быстро. Нет, каждый из них по отдельности был длинен невероятно, поскольку был наполнен духотой и скучой. Последняя особенно донимала. Ворон приучил нас к тому, что каждая прожитая минута должна быть использована со смыслом, а здесь для нас основным развлечением являлись ловля мух и созерцание удивленного лица охранника, с которым он забирал у нас пустые деревянные тарелки, на которых приносили тюремную пищу. Просто всякий раз он был уверен в том, что мы не будем ее есть, и всякий раз мы его разочаровывали. Он даже заподозрил, что мы из вредности выкидываем ее в то отверстие, через которое к нам в камеру попадал хоть какой-то солнечный свет, но мы снова его обескуражили, с удовольствием отобедав на его глазах, расширившихся от удивления невероятно.

Насколько я понял, мы были первыми благородными, которые с аппетитом употребляли то, что готовили на тюремной кухне, остальные родовитые узники предпочитали давать ему деньги, на которые он покупал им разносолы и имел с этого немалую прибавку к жалованию.

Откуда бедолаге было знать, что после Вороньего замка местная еда нам казалась более чем сносной. Да она, по сути, и была таковой. Не соврал тогда судейский. Разве что остра чрезмерно, но, насколько я понял, такова особенность здешней кухни вообще.

Вот и во вторник утром нам дали на завтрак по куску вареной говядины, ломтию хлеба и по приличной порции гороховой каши.

— Хорошо, что до сегодняшнего дня такую кашу не давали — заметил я, вытирая дно тарелки коркой хлеба.

— Почему? — удивился Гарольд — Как по мне, так она очень ничего.

— А спать потом как? — резонно заметил я — Днем, согласно заведенной нами традиции? Она как раз к тому времени переварится, и как мы начнем на пару с тобой... Ну, ты понял. И ведь самая духота в это время. Добро бы еще ночью...

— Согласен — Монброн облизал ложку — Но все равно я бы еще одну тарелочку съел. Вкусно было.

— Вкусно — согласился с ним я — Да и какая теперь разница. Все равно днем нас здесь уже не будет.

Мы уже знали о том, что к королю нас не повезут, и дело наше будет рассмотрено как раз утром вторника одним из верховных судей. И о том,

что на оправдательный приговор, как и на быструю смерть, вроде повешения или отрубания головы, нам рассчитывать не стоит, тоже знали. Четвертование, не меньше. Об этом нам в воскресенье вечером сообщил все тот же судейский. Сделал он это по просьбе дядюшки Тобиаса, о чем упомянул отдельно, при этом никакого злорадства в его голосе не было, человек просто выполнял ту работу, за которую ему было заплачено. Даже оскорблять его после этого не захотелось. А за что?

После этого мы довольно быстро приняли решение таки воплотить в жизнь свой план с удушением охранника-кормильца, а впоследствии и ключника, с последующей героической гибелью в районе пятого-шестого этажа Башни-на-Площади. Ну да, по сути глупость несусветная, но лучше ничего мы придумать не смогли. Всяко лучше, чем попасть руки палача. Одно дело смерть быстрая, от стали клинка, и совсем другое, когда тебя по кускам разрубают, как мясник говяжью тушу. И мерзко, и больно. Брррр!

Скорее всего, так бы мы и поступили нынешним утром, кабы не записка. Ее нам в то же самое воскресенье принес охранник, что разносит еду. Ну, как принес? Уронил на пол, выходя из камеры, так, чтобы ключник не заметил.

Если честно — мы верили в наших друзей, но дни шли, а вестей от них не было. Потому, сразу смекнув, что к чему, мы дождались лязга засовов, а после подобрали скомканный бумажный комочек.

— Рози — уверенно заявил я, уловив тонкий, почти неуловимый аромат знакомых до одурения духов — Так я и знал.

— Кто же еще? — резонно заметил Гарольд — У Карла и Эбердин денег на подкуп этого красавца просто нет. Да и договориться с ним дело тоже непростое, ни тот, ни другая такими талантами не обладают.

Записка была короткая, но вполне ясная.

«Дела плохи, но небезнадежны. Не наломайте дров».

Сказано было и много, и мало одновременно. Понятно, что конкретики ждать не приходилось, охранник не дурак, а потому, опасаясь попасться, никаких откровений на бумаге с планами и именами сюда бы не потащил. Да и Рози бы не стала его посвящать в свои планы.

И все-таки. Что значит: «не наломайте дров»? Толкований этих слов может быть масса.

В результате мы пришли к тому мнению, что все-таки речь идет о попытке побега. Нашей попытке, ту, что мы замыслили. Умница Рози верно нас просчитала и предупредила о том, чтобы мы не стремились умереть

раньше времени.

— В конце концов, можно и на эшафоте напоследок пошуметь, если у ребят ничего не получится — сообщил мне Гарольд, плюхаясь на свой топчан — Оно даже и быстрее. Там королевская стража с арбалетами, сделают из нас ежей в секунды. Кстати, такое пару раз даже и случалось. Мне рассказывали.

Не скажу, что мы очень-то успокоились, но хоть какая-то ясность появилась, а это уже немало. Правда, некий внутренний «колотун» по мере приближения вторника у меня лично усиливался, чего скрывать. С другой стороны — как без него обойтись? Не каждый день меня приговаривают к смерти.

Что до Гарольда — не знаю. Внешне он был спокоен и собран, знай себе ловил мух, да насвистывал какие-то песенки. Монброн как Монброн, обычный. Точнее — привычный. Как и раньше, он ничего не боялся, и ничего его не печалило, кроме одного.

— Как же скверно — раз пять сказал он мне после завтрака, всякий раз проводя рукой по подбородку — Там будут люди, возможно, знакомые дамы, а я небрит. Ладно бы мы тут просидели с месяц, появилась бы более-менее приемлемая бородка. А тут просто щетина. Очень меня это раздражает!

Я ему на это ничего не отвечал, просто потому что не знал, что сказать. Меня лично этот аспект волновал менее всего.

Ближе к полудню снова лязгнули замки и мы встали с топчанов, заранее зная, что наше время в Башне-на-Площади вышло. Вторым завтраком тут не кормили, так что сомневаться не приходилось, с какой целью к нам пожаловали гости.

Так оно и было. Охранники вывели нас в коридор, снова заковали руки, посмеялись над просьбой Монброна привести ему цирюльника, и повели вниз, туда, где у входа в башню, наверняка, стояла знакомая черная карета.

На этот раз никаких вольностей не было. Нас с Гарольдом посадили друг напротив друга, а каждого с двух сторон подперли крепкие ребята в сером.

— Сдается мне, фон Рут, что мы проходим по категории «особо опасные государственные преступники» — весело подмигнул мне мой друг — Видишь, как нас стерегут.

— Выходит, правы мы были тогда — ответил ему я — Нам специально давали возможность для побега. Хитер твой дядя.

Один из «серых» внимательно посмотрел на меня, как видно

среагировав на слово « побег », но спрашивать ничего не стал, вместо этого стукнул кулаком в стенку кареты. Щелкнул хлыст и наш экипаж, качнувшись, покатился по мостовой Форессы, прямиком туда, где, возможно, закончится моя жизнь.

Странное дело — вроде бы вот он, конец пути, думаться должно о вечном, о том, что я скажу у Престола Владык, как буду им объяснять, почему часть жизни прожил под чужим именем, как заполучил обманным путем печать мага, а мне вместо этого в голову лезли мысли о том, что Ворон будет изрядно ругаться на нас с Гарольдом на предмет того, как глупо мы расстались с жизнью. Мне так и виделось его недовольное лицо и слышалось нечто вроде:

— Два идиота! Столько времени на них потратил, а толку-то? И, самое главное, так бесполезно умереть. Нет, чтобы здесь, чтобы тела их потом в дело пустить, остальных на них учить!

А еще отчего-то вспоминалась Аманда, и печалило то, что мы с ней расстались пусть и не врагами, но не друзьями. Все-таки не чужие друг другу люди. Могло бы что-то получиться, могло. Но не получилось.

Ну, и надежда теплилась. Вдруг вот сейчас или через минуту карета остановится, двери распахнутся, и я увижу лицо Карла, который рявкнет:

— А ну отпустили их, быстро!

Наивно и глупо? Наверное. Но это лучше, чем ждать гула толпы, которая непременно уже собралась на Судной Площади. Сегодня вторник, как ей там не быть. Мне Гарольд с самого начала сказал, что казни там проводят именно в этот день, потому и сомнений в том, куда нас везут, не было.

В этот самый момент до нас донеслось лошадиное ржание, и карета остановилась.

— Вот тебе и раз — вырвалось у меня.

— Поль! — крикнул стражник, который заинтересовался моими словами при отъезде, хватаясь за рукоять кинжала.

Шпаг, как видно, этим служителям закона не полагалось по статусу, но безоружными я бы их не назвал. У каждого было по кинжалу, да и другие сюрпризы для нежданых визитеров наверняка у них были припасены.

Дверь распахнулась, но вместо щекастого Карла я увидел совершенно безликого господина. Если говорить точнее — на визитере была маска белого цвета, полностью скрывавшая лицо, за плечами у него имелся черный плащ. Впрочем, у него вся одежда была черная. И только шпага в руке поблескивала сталью.

— Вот ведь! — охнул Гарольд, выпучив глаза.

Удар — и стражник, сидевший рядом со мной, дернувшись, захрипел, хватая руками лезвие шпаги, пробившее его тело.

Вторым умер тот законник, что располагался рядом с Монброном, его убил человек в маске, распахнувший дверцу кареты с другой стороны.

— Убей своего! — проревел стражник и ткнул кинжалом мне в грудь.

Точнее — попытался это сделать, я инстинктивно вздернул руки вверх и лезвие, звякнув о звеня кандалной цепи, только чуть-чуть укололо меня, порвав, правда, камзол и рубаху на плече.

Второй удар он нанести не успел, человек в маске воткнул острие своей шпаги ему в горло, и стражник, забулькав, выронил кинжал из рук. Его тело конвульсивно дергалось, а взгляд, которым он буравил меня, был очень страшен. Я такого за всю жизнь не видал ни разу. Как видно, был он изрядным служакой, и, уходя из жизни, более всего расстраивался из-за того, что не довел до конца дело, ему доверенное начальством.

Последний стражник, тот, что сидел рядом с Монброном, к тому времени был уже мертв.

— Выходим — глухим голосом скомандовал наш спаситель.

— Уже — радостно отозвался я, неловко шаря по карманам умирающего стражника — Одну секунду.

Как же неудобно обыскивать кого-то в кандалах. Ужас просто. А деваться некуда, ключ от оков нужен. С такими украшениями далеко не уйдешь, знакомых же кузнецов у меня в этом городе нет. Подозреваю, что и у Гарольда тоже, по крайней мере из тех, кто не задает вопросы и держит рот на замке.

— Живо — меня схватили за шиворот и буквально выволокли из кареты, я только и успел, что ухватить за рукоять тот кинжал, которым меня хотели убить.

А ключа я так и не нашел.

— Повежливей — потребовал Гарольд, с которым поступили так же — Вас наняли нас спасти, между прочим!

Что примечательно — людей в масках было не двое, как я подумал сначала, их было четверо. Еще двое стояли чуть поодаль, слева и справа от нас, как видно, наблюдая за тем, чтобы их напарникам никто не мешал делать дело.

А вообще спланировано все было очень и очень неплохо — узкий переулок, высокие заборы, деревья за ними, скрывающие происходящие для обитателей домов по обе стороны дороги — и никаких свидетелей. Время за полдень, в это время силистрийцы из тех, кто может себе это позволить, как правило, предаются паре часов послеобеденного сна.

Беднота — нет, но здесь, судя по домам, живут достаточно зажиточные люди. Не богатеи — но и не голодранцы.

— Гарольд Монброн — в прорезях маски блеснули глаза того, кто спас меня — Это ведь ты?

Острие шпаги указало на моего друга.

— Да — ответил он, насторожившись.

Нет, человек в маске этого не понял, но я хорошо знал этот тон. Когда Гарольд ощущал опасность, то начинал говорить чуть более отрывисто, чем обычно.

— Тебе привет от дяди — быстро сообщил наш спаситель — Он не слишком доверяет королевскому правосудию, а потому отдал его на откуп нам. Мы надежнее.

Если бы на месте Гарольда был я, то тут бы мне конец и настал. Человек в маске нанес удар стремительно, как песчаная змея. Видел я эту пакость в пустыне, когда мы к Гробницам Пяти Магов ехали, нам проводники их показывали. Лежит она, лежит — и тут как прыгнет! И все, там яд такой, что ни одно заклинание не поможет. По крайней мере из тех, что знаю я.

Но Монброн увернулся от этого удара, шпага вонзилась в дверцу кареты, туда, где мгновением раньше была шея моего друга.

А что было дальше, я не увидел, поскольку, похоже, добрый дядюшка оплатил не только смерть своего племянника, но и тех, кто будет рядом с ним.

Не знаю как, но мне удалось отвести первый удар убийцы. Я пустил в ход все те же кандалы, которые, по счастью не мог снять. Вот уж воистину — не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Правда, выполняя этот трюк, я выронил кинжал.

Что до второго — он не успел его нанести, поскольку я выставил ладонь вперед и негромко произнес:

— Таррада окрам!

Три красные молнии ударили в грудь человека в черном плаще и опрокинули его на землю. «Ножи крови», хорошая штука.

А вот теперь мне, в случае поимки, четвертование за радость будет. Потому как сожжение — оно куда мучительней.

Но выбора не было. В такой момент все средства хороши.

— Олессенте! — раздалось за спиной, а после что-то хлюпнуло.

Этим «чем-то» оказался наш недавний спаситель, который теперь представлял собой бесформенную кровавую массу. «Кувалда». Единственное боевое заклинание, которое усвоил мой друг. Другие ему

упорно не давались.

— Колдуны! — послышалось с дороги — Марио, они колдуны!

Орал тот безликий, что стоял неподалеку от меня. Похоже, этот факт его поразил так, что он забыл обо всем.

— Семь бед — один ответ — пробормотал я, и снова вскинул руку — Таррада окрам.

А вот последний, четвертый, увы, оказался куда как ловок. Поняв, что мы, как и они, не намерены оставлять свидетелей, убийца черной молнией скользнул к ближайшему забору, невероятно умело перемахнул через него и был таков.

— Ну, ты чего? — возмущенно спросил я у Гарольда, привалившегося к двери кареты — Не мог и его на фарш смолоть? Одним больше, одним меньше, все равно уже дело сделано.

— Да вот — мой друг показал мне свою правую ладонь, отняв ее от бока — Слушай, он был очень хорош. Сцепись мы с ним в поединке, не знаю, кто вышел победителем. Если бы не «Кувалда»...

С ладони на дорогу капала кровь, камзол на правом боку Гарольда стремительно темнел.

— Ээээх — топнул я ногой со злобы — Да что же у нас все...

Монброн пошатнулся, он слабел на глазах.

— Еще и «откат»? — спросил я, получил утвердительный кивок и глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться — Ладно.

Что делать дальше, мне было не очень понятно, но известно, с чего надо начать.

— Гляди по сторонам — сказал я Монброну, и полез в карету.

К моему великому удивлению стражник все еще не умер. Он зажимал рану на горле, тихонько сипел и хлопал глазами. Похоже, он видел все, что произошло, точнее то, что сделал Гарольд. И это было плохо. Для него в первую очередь.

— Ну и живуч ты, братец — поразился я — Как один родственник моего хорошего знакомого. Тот тоже все никак помереть не мог.

Я достал кинжал того стражника, который при столкновении погиб первым, и без особых раздумий воткнул его в правую сторону груди жизнелюбивого слуги закона. А ну как он с такой силой воли и духа дотянет до тех, кто окажет ему помощь? Нам свидетели ни к чему. Достаточно того прыгуна в маске.

После я продолжил то, от чего меня оторвали убийцы — продолжил шарить по карманам мертвцев. Правда, на этот раз я и деньгами не побрезговал. Пес его знает, что нас ждет, а монета — она всегда монета. На

нее можно купить еду, лекарства, чье-то молчание, наконец.

Тем более, что еще не известно, насколько сильно зацепили Монброна. Как смогу — исцелю, но одно дело убрать боль, и совсем другое — излечить серьезную рану. Тут нужен или врач, или хороший маг, изучавший соответствующий раздел магии. А это снова что? Деньги.

Хотя — какие у этих служак деньги? Так, слезы. Восемь серебряных монет, на которых красовалось мордатое лицо какого-то монарха из местных, да горстка меди — вот и весь улов. Ну, и ключ нашелся, наконец.

Я вылез из кареты, порадовался, что в переулке так никто и не появился, снял кандалы сначала с себя, потом с Монброна.

Выглядел он скверно, как видно, изрядно ему бок проткнули. Хотя, возможно, дело в «откате». Я сам себя со стороны в аналогичных ситуациях не видел, может, и не лучше выглядел.

Время поджимало, но я все равно попытался хоть глянуть, что у него там. Рана есть рана, пустишь это дело на самотек, потом проблем не оберешься. А у нас их и так хоть отбавляй.

— Не хватай меня, я не девица — оттолкнул меня Монbron — Я туда уже платок запихал, так что не переживай, кровью не истеку.

— Как скажешь — нес стал спорить я — Тогда пошли отсюда куда подальше. А если скажешь, куда именно, то это будет совсем уж замечательно. Ты тут местный, не я. И лучше всего, если это будет тихое и безлюдное место.

Монbron скептически глянул на меня, как бы говоря, что это город, откуда тут безлюдным местам взяться, а после мотнул подбородком вправо — мол, туда нам.

После он отпустил дверцу кареты, попытался сделать шаг и упал бы, не подставь я ему плечо.

— Шпагу дай — потребовал он, повиснув на мне — Если что, хоть не с пустыми руками буду.

Вот кто о чем, а этот все о своем. Он и в тюрьме меня замордовал своими причитаниями об отобранном у него оружии. Мол — это память предков, этим клинком какой-то там особо лихой Монbron орудовал. Я, между прочим, тоже подарка друга лишился, и ничего, молча пережил эту потерю.

— На, держи — я нагнулся и выдрал оружие из руки предводителя убийц — Твоя законная добыча. Что с бою взято, то свято.

Подумав, я и себе шпагу подобрал. Пусть уж будет. Опять же — если что, тащу раненого друга с поединка. Звучит бредово, но хоть какое-то объяснение для любопытного прохожего. В конце концов — не убивать

весь всех встречных-поперечных?

Стоп. А зачем тащить? Ехать же можно.

Я снова прислонил бледного как смерть Гарольда к дверце.

— Постой еще немного. И прикинь, где нам лучше спрятаться хотя бы на ближайшее время.

Сначала я хотел столкнуть труп возничего на дорогу, но после, подумав несколько секунд, все-таки затащил его в карету, туда же отправил и кандалы. Лучше пусть думают, что пропали все разом — и мы, и служители закона. Эх, если бы удалось прикончить этих бандюков в масках по-простому, старой добрым сталью, то как бы все славно складывалось. Более того — можно было бы в случае поимки выторговать себе еще недельку-другую жизни, как свидетелям нападения на тюремный экипаж. Я бы такую историю сочинил. А теперь... Если только их всех с собой прихватить, но на это уже времени совсем нет. Так что пусть остаются тут.

Да еще этот последний, который сбежал, чтобы его демоны сожрали!

Напоследок я снял плащи с убийц, один накинул сам, второй протянул Гарольду.

— Давай-давай — заметив, как он поморщился, приказал я — Накинь его на себя. Нечего людей пугать. И быстренько отсюда убираемся. Ты, кстати, придумал куда?

— Придумал — ответил Монброн, с видимым отвращением набрасывая плащ на плечи — Это квартал Виноделов, я тут бывал. Повезло, что тут напали, а не чуть дальше, у Веселой улицы, там вечно народу полно. Бери удила, я буду тебе говорить куда править. Только на козлы помоги взобраться.

Через минуту я цокнул языком, взмахнул кнутом и наш экипаж снова тронулся с места.

— Держи прямо, через пару поворотов прими влево — пробормотал Монброн, заваливаясь на меня — Нам надо выбраться к морю, к рыбачьему поселку. Там рядом есть такое место... место...

— Какое место? — прорычал я — Не вздумай скиснуть, я дороги не знаю. Не дай боги прямиком на Веселую площадь нас доставлю!

— Я еще с тобой — обрадовал меня Монброн — Правда, не обещаю, что надолго. А площадь не Веселая, а Судная, если ты о том месте, где нас казнить должны были.

Он приложил ладонь к боку, прошептал заклинание малого исцеления и зашипел от боли.

— Не помогает — как-то по-детски обиженно сообщил он мне — Вот досада. Кровь остановил, но все кишкы как раздирает. Крепко этот гад меня

достал!

— А ты его за это убил — приободрил я друга — Нам вон там поворачивать?

— Да — подтвердил Гарольд и вдруг привстал — Гони. Гони быстрее!

Я оторвал взгляд от дороги, глянул вперед и понял причину его беспокойства — совсем недалеко от нас обнаружились такие же люди в плащах и масках, которых мы недавно убили. С той, правда, разницей, что маски у этих были не белые, а светло-голубые.

И эти господа, несомненно, поджидали именно нас, это было ясно как день. Иначе зачем бы они так быстро бежали в нашу сторону, а один из них еще и арбалет на меня наставил?

— Пошли! — крикнул я лошадям, дернул удила и щелкнул хлыстом — Давай-давай!

Бамсс! В стену кареты вошел арбалетный болт, совсем чуть-чуть промахнулся стрелок. А не убыстри лошади шаг, так и попал бы в меня, точно говорю.

Мы свернули в узкий переулок, разминувшись с людьми в масках всего ничего, а после помчались по нему. Ну, как помчались? Смирные судейские лошадки выдали всю ту скорость, что могли. Впрочем, и ее хватило, чтобы наш экипаж смог уйти от погони. Хвала богам, человек еще не научился бегать быстрее, чем пара лошадей, пусть даже и не первой молодости.

Другое худо — скакка и тряска совсем уже размотали моего друга, он время от времени что-то бормотал, но я, если честно даже не понимал его слов. То ли он ругался, то ли ко мне обращался, то ли молился. Хотя последнее — вряд ли. Никогда не слышал, чтобы Монброн что-то просил у богов, и не уверен, что он когда-нибудь это будет делать. Это не в его правилах, он, как правило, полагается только на себя. Ну, и на нас немного.

Немного поплутав по переулкам и чуть не зашибив пару человек, которые потом отчаянно ругались вслед нашему экипажу, я выбрался на довольно на какую-то улицу, довольно широкую, но к нашей удаче, почти безлюдную.

— Эй — потряс я Монброна за плечо — Ты еще со мной? Я тебя очень прошу — скажи, куда мне дальше ехать?

— Прямо — к моему великому облегчению все-таки ответил Гарольд, причем более-менее бодро — По этой улице, потом прими еще левее, к холму. Как море увидишь, так и прими. За ним будет длинный спуск, потом рыбачий поселок, а за поселком, верстах в трех, летние дома.

— Какие дома? — не понял я, дернув поводья, чтобы взбодрить

лошадок, которые снова перешли на неспешный и размеренный шаг.

— Летние дома — повторил Монброн и вытер со лба пот — «Откат» отпускает вроде, легче стало немного. Но бок болит — спасу нет.

— Плохо — поморщился я — Ладно, что за дома такие?

— Почти у всех старых семейств есть летние дома прямо у моря — объяснил мне Гарольд — Любим мы в Силистрии море, и летом предпочитаем жить прямо около него. Ну, не все, в основном молодое поколение и старики. Тишина, запах соли, обнаженная девушка в выходящая из бурлящей морской волны в лучах восхода... Мне это всегда нравилось. Опять же — свежая рыба, свежие устрицы, мидии. Из рыбачьего поселка нам каждое утро это доставляли. Самое то, чтобы отсидеться.

— Прямо молодец — одобрил я его предложение — Не скажу, что этот твой летний дом станет первым местом, куда придут стражники, которые нас будут искать, но не последним, это точно.

— Не считай меня совсем уж идиотом — попросил меня Монброн, с коротким стоном выпрямился и уперся спиной в стенку кареты — Естественно я в наше фамильное гнездо не полезу. Отсидимся в доме у Малены.

— Подруга твоя?

— Была — неохотно ответил Гарольд — Мы год почти встречались. Славная девушка. Здесь направо.

— Так у нее и родители есть — заметил я, поворачивая — Бабушки, дедушки. Вот они удивятся, увидев нас.

— Никто там не живет — заверил меня Монброн — Малена вышла замуж и уехала в Алессию, ее родители туда не наведываются, что до родителей родителей, так они давно умерли. Пустой у нее дом всегда стоит. Поверь, я знаю.

— Поверю — пожал плечами я — Другого выбора у меня нет. А ты давай, начинай думать, где бы нам эту карету бросить так, чтобы ее сразу не нашли. И чтобы она потом на наш след не навела. Слушай, а у вас при розыске беглых преступников собак не используют, часом? Если да, то беда.

— Знаешь, Эраст, ты на редкость хорошо разбираешься в том, как заметать следы преступления — достаточно серьезно сообщил мне Гарольд — Откуда такой опыт?

— Мой дом — Лесной Край — напомнил я ему — Мы там все охотники, и знаем, как дичь путает след. Поневоле научишься.

— Резонно — признал Монброн — Нет, я про такое не слышал. Что до

кареты — есть на выезде из города одна рощица, там мало кто бывает. Да и вообще в этой части не очень много народа живет на нашу удачу.

Может оно и так, но свидетелей королевская стража все равно получит предостаточно. Более того — несколько человек проводили наш экипаж очень и очень любопытствующими взглядами. Оно и понятно — что тут делать судейской карете, в этой части города? Так что наследили мы преизрядно.

Причем чем дальше, тем больше мне не нравилась идея Гарольда отсидеться в этих его летних домах. Судейские не дураки, быстро сообразят, куда мы направились. Как только придут в эту часть города, найдут карету, так и поймут, что это самый очевидный вариант. А они придут и найдут, или я ничего в этом не понимаю.

Все это я обмозговывал до той самой рощицы, про которую говорил мне Гарольд. Кстати — очень симпатичной и, главное, густой рощицы. Такой, в глубине которой ни нас, ни карету видно не было.

— Да успокойся ты — сказал мне Монброн, когда я изложил ему свои опасения, привязав лошадей к дереву — Ну да, придут, найдут. Но только они подумают не на летние дома, а на пирс. Вон там, справа, верстах в двух отсюда пирс, там стоят прогулочные лодки зажиточных горожан. Там и наш «Сокол» пришвартован. Как стемнеет, мы туда первым делом наведаемся и пусть он плывет себе по воле волн. Уверен, что все решат, что мы именно таким образом решили сбежать из Силистрии. И даже если его потом прибьет где-то к берегу, то стража решит, что мы утонули. Надо будет еще там на палубу мою рубаху бросить, как доказательство, что мы в лодке были. Главное, чтобы нас до темноты не нашли здесь, тогда все получится. И чтобы до этого времени никто туда, на пирс, не заявился.

— О как — я даже икнул — Монброн, как по мне это надо делать не отвлекающим маневром. Давай темноты ждать не будем, а? Прямо сейчас рванем к твоей лодке и ходу отсюда.

— Куда? — поинтересовался Гарольд, расстегивая камзол.

— Я же говорю — к лодке — присел я на корточки рядом с ним — Она парусная?

— А как же — с достоинством ответил он, задирая рубаху — Одномачтовая, вместительная, построенная из лучших сортов древесины, и даже с маленькой каютой, в которой стоит довольно удобная кровать, а также имеется винный погребец. Как ты хотел? Монброны абы на чем в море не выходят. Слушай, все-таки он крепко меня задел. Как бы не загноилось.

— Так давай мы на этой вашей фамильной красоте и покинем славную

страну Силистрию — проникновенно предложил я — Она прекрасна, но очень недружелюбна для нас в настоящий момент. Оглушим сторожа, если тот добром нас не пустит, поставим парус — и в Алессию, к твоему родичу. Вряд ли до него донеслись слухи о происходящем. Да и в этом случае не думаю, что он от тебя отвернется. Мне он показался очень хорошим человеком.

— Да, он такой — подтвердил Гарольд, тыкая пальцем в бок.

— Ну вот — обрадовался я — Потом пошлем человека в Форессу, он найдет ребят и скажет им, чтобы те присоединились к нам. Дождемся их, сядем на коней, и галопом помчимся в Центральные Королевства, подальше отсюда. Там как-то спокойнее, честное слово.

— Разумно, аргументированно, верно — признал Гарольд — Вот только один фактор ты не учел.

— Какой? — обеспокоился я.

— Кто дядюшку моего убьет вместо меня?

Глава 8

— Знаешь, иногда я тебя боюсь. Нет, серьезно. Все понимаю — месть, законы чести, обида, наконец. Это да, это все так. Но здесь вопрос стоит по-другому. У нас на хвосте королевская стража, нам некуда идти, мы уже приговорены к смерти. Уже полный комплект. Да еще и тех троих в масках магией пришибли, то есть на нас, не приведи боги, вот-вот насядет Орден Истины. А ты все о дядюшке твоем! Да пес с ним, Монброн, пусть покопит небо на год подольше, дел-то. Год пройдет быстро, тут все успокоится, уляжется, вот тогда мы сюда и вернемся. Возьмем с собой де Лакруа, Карла, да еще Эль Гракха, сдается мне, что он в этих вопросах неплохо разбирается, и устроим твоему родственнику роскошную гибель, выглядящую как несчастный случай. И Генриху тоже, если захочешь. Но сейчас отсюда надо убираться.

— Ты прав, Эраст — мягко произнес Гарольд — Во всем прав. Но делать это надо здесь и сейчас. Нельзя это откладывать на потом, слишком много «если». А если я за этот год сам погибну? А если дядюшка умрет сам, или его кто-то другой убьет? А если он разрушит все, что моя семья создавала веками до того, как я вернусь? Я последний из старшей мужской ветви Монбронов, это мой долг перед памятью предков.

— Ты в любом случае последний из старшей мужской ветви Монбронов — достаточно жестко произнес я — Не считая Генриха, которого, впрочем, и не стоит считать, так как он не жилец. Других не будет. Если ты забыл, то мы не можем завести потомство.

— Но я еще жив — Гарольд, охнув, попробовал встать, но схватился рукой за бок и снова оперся спиной о ствол дерева — И до той поры, пока не отправлюсь к Престолу Владык, буду поступать так, как мне велят законы чести.

— О разных вещах мы с тобой говорим, дружище — я присел рядом с ним — Не хочешь ты меня слышать.

— Эраст, я все понимаю — Монброн положил мне руку на плечо — Более того, мне очень неприятен тот факт, что я вообще втравил тебя в эту историю. И я очень признателен тебе.

— Если не секрет — за что?

— Ты ни разу не упрекнул меня за все те глупости, которые я совершил, хотя имеешь на это полное право.

— Не беспокойся — фыркнул я — У меня, похоже, появилась

прекрасная возможность попрекать тебя всю оставшуюся жизнь теми неприятностями, которые по твоей милости ждут нас в ближайшем будущем. А они нас ждут, если мы отсюда не уберемся.

— Если хочешь, то уходи на прогулочной лодке один — предложил Монброн — Почему нет? Управление там такое легкое, что даже мои сестрицы смогли бы с ним управиться. Дождешься меня в Алессии. Я тут все решу, и тоже туда подамся. Правда, у нас денег нет совсем, но ты...

Что примечательно — это была не поза, мол: «Не хочешь — так беги». Он был совершенно искренен в этом своем предложении.

Правда, непонятно, почему «меня», а не «нас». Он что, наших собратьев уже списал со счетов?

— Да, ты один тут много навоюешь — не удержался от ехидства я — Мне вот пока непонятно, как мы сегодня ночью такие концы одолеть сможем, с твоей дыркой в боку. Сначала две версты до пирса, потом пять обратно, до убежища. Так что, конечно, самое оно тебя бросить и свалить в Алессию.

— Все-таки жалко, что мы не можем иметь детей — задумчиво произнес Монброн — Шутки-шутками, но я бы плонул на неудовольствие де Фюрьи, и заставил тебя жениться на одной из своих сестер, лучше всего на Луаре, у нее мозгов побольше, чем у остальных.

— Ну, жениться на ней я могу в любом случае — заметил я — Оно другому не помеха.

— Помеха — покачал головой Монброн — Де Фюрьи тебя все равно отправит, не сразу, так после, но ты бы оставил после себя ребенка. И если бы у меня не было своих детей, то я бы его воспитал как своего сына и сделал наследником.

Я приложил руку к его лбу. Он был теплым, но не горячим. Стало быть — не жар. Тогда откуда этот феерический бред?

— Ладно, оставим вопросы продолжения рода и невозможных браков — предложил ему я — Тем более, что на такие темы я опасаюсь говорить даже тогда, когда Рози нет рядом. Скажи мне лучше, друг сердечный, вот что. Кто были эти головорезы в масках?

— Наемники, кто же еще? — даже как-то удивился Гарольд — Они за деньги убивают, или какие другие неблаговидные делишки обстряпывают.

— Это-то ясно. Другое непонятно. У тех, что мы прикончили маски были белые, а у тех, от которых сбежали — синие.

— Так они из разных кланов — мой друг рассмеялся — Я же тебе когда говорил, что у нас в Силистрии некоторые сомнительные промыслы существуют вполне... Ну, почти вполне открыто. Нет, формально они вне

закона, разумеется, но при этом их существованию ни король, ни его окружение не мешают, если, разумеется, ночные работники палку не перегибают. Жить-то все хотят. Лет двести назад Рауль Третий хотел уничтожить и «Гильдию Убийц», и «Дом Теней», но после того, как в одну ночь умерли его любимая гончая, лошадь, слуга и министр, он сразу передумал это делать.

— Оно и понятно — признал я — Сегодня лошадь и слуга, а завтра кто? Я бы на его месте так же поступил.

— Гильдия одна, глава у нее один, а кланы в ней разные — продолжил Монброн — У каждого свой цвет масок, свои правила, да и сумма гонораров за услуги тоже. На нас, кстати, дядюшка явно поскупился, совсем дешевых убийц нанял, у них только главный хороший был. А трое других, на нашу удачу идиотами оказались. А один так и вовсе трусом. Вообще-то сбегать не в правилах этих ребят.

— Так и дядюшка твой не лучше. Удовольствие решил получить, сказать тебе перед смертью, что это его рук дело. Другой бы приказал убить всех кто в карете на месте, да и все.

— Согласен — Монброн даже заулыбался — Старый павлин. Он всегда таким был, ему важно понимать, что все вышло так, как он хочет.

— Вот еще что мне непонятно — почесал затылок я — А этих молодцев не смущило, что ты Монброн? Все-таки влиятельная фамилия, не последняя в Силистрии.

— Им без разницы кого убивать. Знаешь, какой у них девиз? «Перед Смертью все равны». Вопрос только в цене.

— Интересная у вас тут жизнь — мечтательно сообщил ему я — Насыщенная. Но зато теперь понятно, откуда у предводителей этих ночных работников такие дома.

— Интересная — не то слово — заверил меня Гарольд — Думаешь, просто так я тебя после первого года обучения в гости звал? У нас тут здорово, не то, что в этом чопорном Асторге. Просто в этот раз веселье получилось сомнительное, а так Силистрия лучшее в Рагеллоне королевство. И девушки у нас тут самые красивые! Вот решим все наши проблемы, убьем дядюшку, восстановим права старшей ветви нашего дома и такую пирушки закатим! Дней на пять! У нас в подвале пяток бочек с бренди есть, ему почти сто лет, одну из них выпьем.

Вот так, в мечтах о бренди и будущих гастрономических удовольствиях, мы и просидели в роще до заката. Точнее — я просидел, Гарольд в какой-то момент забылся сном, прижимая ладонь к ране. Когда он уснул покрепче, я тихонько отодвинул его руку и глянул на нее, причем

увиденное мне крайне не понравилось. Очень уж неприятно это дело выглядело. Страшновато. Синюшной какой-то рана стала, а само то место, куда клинок вошел, покернело. Нет, может так и должно быть, но что-то я в этом не уверен. И главное — ничем я ему помочь не могу. Не лекарь я. Точнее — лекарские навыки-то есть, кое-чему нас Ворон учил, но не такому. Перелом там вправить, кости срастить, боль снять, простуду излечить — это да. Но вот как подобное врачевать, он не показывал.

А ведь умел. Рози тогда он из-за Границы вытащил, как раз с таким ранением. Даже хуже, ее в живот ножом ударили.

Надо будет его всеми правдами и неправдами убедить, что подобные знания нам необходимы.

Ну, или хотя бы попробовать это сделать.

С наставника мысли перескочили на Вороний замок, и тут мне захотелось завыть, так домой потянуло. Ну да, домой. Этот замок — мой дом, в котором я очень давно не был. И я по нему скучал.

А еще я осознал, что мне очень хочется повидать Агриппу. У меня даже появилась уверенность в том, что окажись он тут, в Форессе, то мигом разрешились бы все наши проблемы. Он сначала отвесил бы нам с Монброном по подзатыльнику или даже пинку, а потом сказал, что надо делать и как.

Когда я на войне знал, что он где-то рядом, мне было намного спокойней. Ну да, он убийца, он опаснее почти всех тех, кого я знал в этой жизни, но это ничего не меняло. Это был первый человек на свете, который чему-то меня научил, и которого заботило то, чтобы я смог выжить.

А еще он подарил мне оружие и медальон. Никто, кроме него, мне ничего не дарил. Никогда.

Будь он здесь, у нас появились бы шансы остаться в живых. А так их нет. Бодрость духа — это прекрасно, но на деле все очень, очень плохо. Гарольд ранен, это чужой город и все в этом городе ищут нас, чтобы убить. Кстати, перечисляя тех, кто жаждет заполучить наши головы, я забыл упомянуть Гарольду его родственника, который наверняка не успокоится. Ему наши жизни как гвоздь в сапоге. А вскоре к этой дружной компании присоединятся и местные жители, которые захотят получить награду, назначенную за нас.

Мне даже подумалось, что, может, лучше и не пытаться как-то разыскать наших друзей, чтобы не подвергать их опасности. Зачем всем-то погибать? Не ровен час, на них еще тот же Орден Истины наведем, вот тогда совсем беда будет.

Другое дело, что вряд ли это возможно. Во-первых, я один не

справлюсь с навалившимися напастями, во-вторых меня за одни такие мысли эти трое могут проклясть. Точнее — проклянет Эбердин. Карл сначала даст мне по зубам, а потом разговаривать года три не станет. Обидится.

Про месть Рози я даже думать побоялся. Да и фантазия у меня слабовата, не под силу ей постичь глубины злодейских помыслов моей суженой.

Вот только как бы потом нам уже впятером на Судную площадь не прокатиться.

Эх, кабы не эта монброновская твердолобость, не это его чистоплюйство. Сели бы в лодку и ходу отсюда. Вода плещет, ветерок дует — благодать. И все опасности позади.

Хотя — я-то чем от него отличаюсь теперь? Еще года полтора назад я бы плунул на все эти благороднокровные закидоны да смылся бы тихонько. Вот, выждал момент, когда он заснет, и ходу отсюда. Потому как своя рубашка ближе к телу, этому меня учила вся предыдущая жизнь.

А теперь?

Сижу вот, думаю о том, как весело и бодро мы шагаем к своей смерти, да еще прикидываю, как на этой дороге друзей прихватить с собой. Таких же идиотов, к слову.

Почему? А я не знаю. Как видно, заразился чем-то таким, неправильным от Гарольда, Карла, Де Лакруа, Луизы, и всех тех, кого называю друзьями. С ними все ясно, они такими рождены, но я-то тут при чем?

А может, дело в том, что я неправильное слово произнес? Вернее говорить не «друзья», а «семья»? И тогда все встает на свое место. Потому что для человека, который всегда был один и не имел своего крова, слова «семья» и «дом» значат в сотни раз больше чем для того, кто имел это всегда. Такие как я, дорожат тем, что приобрели, и знают, что второй раз так может и не повезти.

И вот тогда все встает на свои места.

Может быть я себя обманываю, и люди вокруг оценивают все по-другому, воспринимая меня и друг друга как просто соучеников, которых судьба свела на время вместе. Может быть и такое.

Но для меня важно то, что есть здесь и сейчас. Я поверил в то, что мы с ними одно целое. Не сразу, потому что я слишком долго приучал себя к мысли о том, что в этом мире нет друзей, есть только те, кому я безразличен, и те, кто хочет меня убить. Мне понадобилось время, чтобы обрести веру в тех, кто рядом. Но я поверил в то, что я им нужен. Не всем,

но многим. И готов отплатить тем же самым. Вот потому я не брошу Гарольда, даже осознавая, что бодро топаю по дороге, в конце которой стоит плаха.

Тем более, что и в прошлой жизни я тоже шел по ней.

А Гарольду становилось все хуже.

Нет, проснувшись, он изображал бодрость, и я даже почти ему поверил, так шустро он поначалу топал сквозь рощу, а после и по прибрежному песку. Он даже шутил, вспоминал какие-то случаи, которые имели место быть в те времена, когда он еще не поступил в ученичество к досточтимому Герхарду Шварцу, магу.

Вот только по мере приближения к пирсу, который даже в ночной темноте было видно издалека, ноги у него все больше и больше заплетались, а речь становилась все бессвязнее и бессвязнее.

Окончательно я понял, что дело плохо, когда он начал говорить о том, что таких теплых ночей в родной Силистрии в это время года он даже и не припомнит. Каких теплых? У меня зуб на зуб не попадал, несмотря на то, что я даже плащ накинул на плечи.

У Монброна начался жар, это я понял, как только приложил ладонь к его лбу. От него можно было трубку прикуривать.

— Эй-эй, фон Рут — дернулся Гарольд и погрозил мне пальцем — Что за дела? Не замечал за тобой такого раныше. Вот тебе и на, вот тебе и скромник.

А нам еще пять верст в другую сторону идти потом. Он не дойдет. Он свалится по дороге.

Значит, придется добираться до этих летних домов на лодке, другого варианта я не вижу. Да все бы ничего, но вот только моряк из меня никудышный. Ветер, правда, попутный, что есть, то есть, но паруса я никогда собственноручно не ставил и судном никогда не управлял. Нет, во время путешествий смотрел, как матросы работают, но одно дело глядеть, и совсем другое — делать.

И еще. Как бы в темноте не проскочить эти самые летние дома. Если бы я хоть раз повидал эту местность, представлял, как они выглядят, может и смог бы сориентироваться худо-бедно, да и то не факт, не факт... Ночь, опять же. В общем — если Гарольд впадет в забытье, все будет совсем уж печально.

А, может, не мудрить? Вот он скиснет совсем, закинуть его на борт, да и рвануть отсюда куда подальше. Мол — выбора не было. Оклемаешься — вернемся.

— Пришли — сообщил мне Монброн, цепляясь за поручень и с трудом

поднимаясь по ступенькам, ведущим на пирс — Нам прямо и до восьмого пирса.

Ни сторожа, ни ограды тут не было. С ума сойти. Куда тут воры смотрят, неужто они здесь такие ленивые?

Пирс был огромен и лодок тут было очень, очень много. Наверное, под сотню. Самых разных, от приличных размеров, более напоминавшие корабли, до небольших прогулочных суденышек, рассчитанных на романтические прогулки с барышней. Под луной, естественно.

Живут же люди!

— Это пирс Лавиней — бормотал Гарольд, довольно быстро шагая впереди меня — Это Хольгенов. Эраст, не отставай, мы почти пришли.

И в самом деле — скоро мы свернули в узкий проход, где слева от меня плескала вода, а справа и вправду стояла роскошная прогулочная лодка. Ну, с точки зрения Гарольда лодка. Как по мне — это называлось как-то по-другому, более масштабно. Вот только я не знаю, как именно, хоть и вырос в Раймилле. Просто у нас таких красивых корабликов не было.

Белоснежные борта, название «Сокол», сверкающее золотом даже в темноте и четкое понимание того, что это судно обошлось Монбронам очень, очень недешево. Вещь, сделанную на совесть, видно сразу, причем неважно, что это — курительная трубка или прогулочная лодка.

Самое поразительное, что и здесь не обнаружилось никакой защиты от грабителей. Кораблик был просто пришвартован к какому-то чугунному толстому кругляшу на пирсе. И все! Железная цепь, на ней кольцо, на этот кругляш накинутое.

— Слушай, как этого вашего «Сокола» до сих пор не украли? — не удержался я и спросил у Гарольда, который, тяжело дыша, перелезал через борт корабля — Или даже так — почему этого не случилось?

— Не грабят у нас старые семейства из благородных — пояснил Монbron — В смысле — в открытую. Ну, там в дом не залезают, вот, лодку не угоняют. Старинный договор с главой «Дома Тени». Нет, могут на улице ограбить, если ночью одного прищучат, это да. Но тут другое, согласись?

Я согласился, это и вправду другое. Но у меня тут же возник еще один вопрос.

— А чего тогда тебя убивать те красавцы в масках подрядились? Ты же из старого семейства? Или на убийц это правило не действует?

— Они тоже без нужды стараются в подобные истории не лезть — Гарольд устало опустился на палубу и привалился к борту лодки — Но я же тебе сказал — дядюшка нанял каких-то идиотов.

— Что, совсем плохо? — присел я на корточки рядом с ним.

— Жарко — пожаловался мне Гарольд — Очень. И бок дергает жутко. Будто кто-то мне в него железным прутом тыкает. Знаешь, есть такие пруты, кузнецы их потом переплетают и варят сталь. Сталь они варят.

Это уже больше напоминало бред. Или, скорее всего, им и являлось.

Я вылез из лодки, снял кольцо с чугунного столбика, и поспешно вернулся обратно.

— Эраст, вставай к штурвалу — сказал Гарольд. Он худо-бедно понимал еще, что происходит — А то сейчас как в кого-нибудь врежемся. Скажи, а куда мы плывем.

— Как по мне, то лучше всего в Алессию — честно ответил я, берясь за гладкие рукоятки штурвала — Там нас не ищут и там есть лекари.

— Хворь пройдет — заверил меня Монброн и попробовал подняться

— Не сомневайся. Нет, дружище, нам надо остаться тут. И ты мне это обещал.

— Тьфу — только и смог сказать я — Тогда давай, командуй мной. Я вообще не знаю, что делать дальше.

К моему великому удивлению, мне удалось проделать все то, что говорил мой друг — и выйти на большую воду, и поставить парус, и даже развернуть судно в нужном направлении. Мне даже это все понравилось. Интересное дело оказалось управлять кораблем.

— Правь к берегу — под конец сказал он — Мы при таком ветре быстро до нужного места дойдем. А мне сейчас много не проплыть, сам понимаешь.

— И что потом? — не понял я — Мы же хотели эту лодку по направлению к Алессии отправить.

— Пусть плывет, как плывет — устало сказал Гарольд — Крутанешь руль перед тем как мы спрыгнем, да и все. Ну, чтобы она от берега подальше отошла. А там — как будет. Унесет ее в море, да и всех дел.

— Шито это все белыми нитками — проворчал я — Сами себя перехитрим.

— Да, интриганы из нас не получатся, это уж точно — вроде как даже засмеялся Монброн — Будь здесь Рози, вот она бы выстроила великолепный план, который учитывал бы все возможные нюансы и слабые места. А мы с тобой два простака, которые совершают все ошибки, какие только можно.

— Это было бы смешно, если бы не было грустно — заметил я, держа штурвал — Ты давай, за борт поглядывай, а то прозеваем нужное место.

— Не прозеваем — Гарольд начал расстегивать камзол — Там будут

огни, их издалека видно в ночи. Там же кто-то да живет, правда?

После он стянул с себя окровавленную на боку рубаху и бросил ее к мачте. Ну да, о чем-то таком мы с ним говорили. Надо же, не забыл.

И вправду, совсем скоро я увидел вдали несколько огоньков, которые становились все ближе.

— Еще к берегу прими, но чуть-чуть — скомандовал Монброн — Чтобы лодка на мель не села. Вот тогда дело будет плохо.

Он успел сходить в каюту и прихватить там наплечную сумку, в которой позывали бутылки. Мало того — он собирался сам их тащить, так что пришлось мне ему довольно жестко объяснить, что это я как-нибудь сам сделаю.

Берега я в темноте не видел, но ощущал, что он совсем рядом. А еще я жутко боялся того, что в следующую секунду днище лодки заскребет по донному песку.

Через пару минут Монброн скомандовал:

— Все, прыгаем. Штурвал крутани и вино не забудь.

И кулем перевалился через борт.

— Да чтобы тебя! — не выдержал я наконец — Ну что за человек.

Я круто заложил вправо, подхватил сумку, перекинув ее ремень через плечо, и тоже сиганул за борт.

Корабль, хлопая парусом и поскрипывая оснасткой, отправился дальше, а я быстро поплыл вперед, с облегчением услышав мерный плеск, который издавали руки Гарольда. Хвала богам, он не пошел ко дну сразу после прыжка за борт, чего я изрядно опасался.

Правда это окончательно подкосило его. На берег я его, по сути, уже вытаскивал, так как идти он не мог.

— Знаешь, что будет крайне несправедливо, Эраст? — спросил он у меня, когда мы сидели на прибрежном песке и тяжело дышали после заплыва по морю — Если я умру, и тебе придется доделывать за меня все, что положено.

— Что у тебя за язык такой, а? — возмутился я — Помирать он вздумал.

— Такой вариант никогда нельзя исключать — очень серьезно ответил мне Монброн — Все мы смертны. Ты, главное, не забудь о том, что я завещал тебе месть. Повторюсь — да, несправедливо на тебя это навешивать, но больше не на кого. Ты мой лучший друг, кому я еще такое могу доверить?

— Пошли — встал я и помог подняться ему, а после закинул руку Гарольда себе на шею — Видать, совсем тебе лихо, коли ты подобное

мелешь. Да и светать скоро будет. Надо нам до света в нужный дом попасть, чтобы никто нас не заметил, а тут еще идти и идти. В смысле — с тобой. Невысокая у тебя нынче скорость.

На нашу удачу, здесь с охраной и всем таким прочим дело обстояло почти так же, как на пирсе. Нет, здесь был даже забор, отгораживающий летние дома знати от остального мира. Точнее, даже не забор, а что-то вроде ограды, представляющей собой невысокие и аккуратно подстриженные заросли кустарника. Красиво, непрактично и легко преодолеваемо.

Нужный дом мы нашли быстро, правда, пришлось пару раз прятаться от уже вставших слуг, которые, несмотря на ранний час, уже сновали по улицам. Насколько я понял, в большинстве своем они направлялись в поселок за свежей рыбой. В ряде домов уже имелись обитатели, которые, надо полагать, любили ее кушать.

Кстати — ни одной лодки не встретил во время плавания. Как видно, они подальше заходят, у берега не ловят.

Гарольд оказался прав — в доме Лавиней никого не было, причем давно. Пыль толстым слоем лежала на столах, на стульях, на подоконниках. Ну и славно. Оно к лучшему. Теперь главное, чтобы никто не понял, что здесь затеплилась жизнь.

Я стянул с Гарольда сапоги, мокрую одежду и дотащил его до кушетки, стоявшей у стены.

Плохо дело. Последний рывок забрал остаток его сил, и он впал в беспамятство. Сдается мне, что дорогу от моря до дома он вообще проделал на одном упрямстве. Он такой.

А еще меня совсем уж встревожил внешний вид его раны. Чернота расползлась от места укола по боку тонкими прожилками. Не знаю, что тут к чему, но одно мне ясно — если ему не оказать помощь, то завтра, крайний срок послезавтра, друга у меня не станет.

И означает это только одно — мне надо идти в город. Хочешь, не хочешь, а выбора нет. Надо отыскать друзей, причем лучше всего Рози, найти лекаря не из болтливых, и... И пока все. Что делать дальше будем думать после того, как услышим о том, что его жизни больше ничего не угрожает.

Кстати, Эбердин, помнится, делала немалые успехи в врачевании, ее даже Ворон хвалил. Может, и лекарь не понадобится, может, своими силами справимся.

Но действовать надо незамедлительно. Времени совсем нет.

Первым делом я скинулся с себя одежду. В ней мне в город соваться

нельзя, в ней я слишком бросаюсь в глаза. Как минимум, своей обтрепанностью. Тюрьма, сидение в роще и морская прогулка нанесли моему и так не слишком новому наряду изрядный вред. И потом — ищут именно благородных.

А я оденусь слугой. На слуг вообще никто не обращает внимание, они часть пейзажа. Кто такой слуга? Это тот, кого ты видишь на улице настолько часто, что перестаешь воспринимать его как некую личность. Они всегда куда-то бегут, спешат, опаздывают.

Правда, платье слуги пришлось поискать. Потому что не сразу сообразил, что они жили не в этом доме, не в господском. У них была отдельная халупка рядом с господскими апартаментами. Одна на всех.

На мою удачу, они оставили здесь часть своих одеяний (что слуг было несколько, мне стало ясно сразу. Куртка была мне великовата, а штаны, наоборот, тесноваты), так что теперь я был такой же, как сотни других обитателей города.

Одно плохо — кинжалы слугам в Форессе носить было нельзя. Я настолько привык к оружию, что без него чувствовал себя как голым.

Когда я закончил подготовку к вылазке в город, на улице совсем уже рассвело, яркое утреннее солнце весело блестело в небесах.

— Гарольд — потеребил я друга — Гарольд.

— Эраст — только через пару минут выплыл из забытья Монброн — Что такое? Нам пора? Что это на тебе за наряд?

Глаза у него были мутные и дышал он как старик — хрипло, с каким-то посвистыванием.

— Мне надо сходить в город — объяснил ему я — Тебе лекарь нужен.

— Лекарь на нас донесет — прохрипел он — Награда, Эраст. Деньги!

— Не донесет — заверил его я — Не успеет. Точнее — не сможет. Да неважно. Ты, главное, не вставай. Вот я тебе тут кувшин с водой поставил, пей.

— Вина — потребовал Монброн — К демонам воду!

— И вина тоже — обрадовал его я — Вон бутылка. И вот что еще — не шуми.

Уходил я с тяжелым сердцем. Очень мне страшно было его тут одного оставлять. Но выбора не было.

Соблюдая тысячу предосторожностей, я покинул поселение богачей и быстро зашагал по направлению к Форессе.

Глава 9

На самом деле я отлично понимал, что имею все шансы вовсе не вернуться обратно. Если соглядатаи «законников» или дядюшка Тобиас пронюхали о том, что мы приехали в Форессу не втроем, а впятером, то в гостинице запросто меня могут взять под локти и сопроводить в такое место, в котором без суеты и спешки можно будет выяснить, почему я сюда заявился один, и где сейчас мой друг.

И узнают ведь. Пусть не сразу, но узнают. Это только в красивых легендах герои прошлого ничего своим истязателям не говорят, а только плюют им в лицо, принимая невероятные муки с улыбкой. А в жизни... Тут все проще и страшнее. Как кости в «веселом сапоге» захрустят, как за ребро на крюк подвесят, как ногти по одному выдергивать клещами станут — все расскажешь, что знаешь и что не знаешь, лишь бы это кончилось. И десять раз пожалеешь, что в детстве не помер от болезни какой.

Потому я сразу для себя решил, что живым в руки не дамся. Пущу в ход магию и тогда наверняка меня почти сразу как ежа болтами арбалетными утыкают. Стражники ребята простые, и подобные штуки очень не любят, они их побаиваются. А если еще и гаркнуть перед этим что-то вроде: «Я заберу ваши души, и они будут служить мне вечно», то точно можно будет по поводу собственной кончины не волноваться.

Что до Гарольда... Он умрет. Просто потому что никто не знает, где он есть. Доконает его рана. К тому же есть у меня серьезное подозрение, что там не только в ней дело. Вся эта чернота... Сдается мне, что клинок того убийцы был ядом смазан, медленного действия. Я ведь еще тогда, в роще, рану обработал, почистил, как смог. Ворон намертво вбил нам в головы тот факт, что нет ничего хуже грязной раны. С чистой, может, и выживет человек, даже если его не лечить, а вот с грязью точно ему конец.

Нет, тут дело в другом. Тут явно расчет присутствует — если даже убийца того, кого ему заказали, не прикончит сразу по какой-то причине, то это за него сделает яд. И ведь он оправдался в каком-то смысле, этот расчет.

Но лучше пусть он умрет так, чем глядя на тюремщиков или, того хуже, злорадную рожу дядюшки. Думаю, такое решение Монброн и сам одобрил бы.

Вот только кроме как в «Крыльшко и ножку» идти мне было некуда. Где сейчас Рози мне неизвестно, а больше я в этом городе никого не знаю.

На улицах Форессы народу было немало — все старались сделать свои

дела до наступления дневной жары. И, что приятно, по ним сновало немало народа, одетого приблизительно так же, как я. То есть — слуг. Кто-то тащил корзины с провизией с рынка, кто-то просто деловито вышагивал с таким видом, что было ясно — человек хозяйствское поручение выполняет.

— Дружище — остановил одного из коллег по цеху я — Не подскажешь, где тут гостиница «Крыльшко и ножка», а? Хозяин послал меня туда, а я и не знаю, где она находится.

— Хм — почесал затылок молоденький круглолицый паренек — Знакомое название. Вроде бы она недалеко от Главной площади, я как-то со своим господином мимо нее проезжал. Ты до площади дойди, а там спросишь у кого-нибудь.

— Спасибо — поблагодарил я собеседника опечаленно — Пойду.

Про Главную площадь он мог бы мне и не говорить, я и сам помнил, что гостиница эта недалеко от нее. Вопрос, как до площади добраться? Нет, найти я ее найду, вот только сколько времени это займет. Но не задавать же ему такой вопрос, это уже вызовет подозрение. Слуга может не знать местонахождение сомнительных гостиниц, но не главных достопримечательностей города.

Рассудив, что все дороги ведут в центр, то есть к этой площади, и что главное никуда не сворачивать, я зашагал по улице, приняв вид гордый и независимый.

В таких ситуациях, как у меня, главное что? Не показывать своего страха. Если ты прячешь глаза, жмешься к стенам, стараешься скрыться от чужих взглядов, то раньше или позже это будет замечено городской стражей. У них на подобные вещи нюх, это уж я наверняка знаю.

Мой мастер-наставник всегда мне говорил: «Запомни, вор должен прятаться только тогда, когда объявление о его поимке висит на всех столбах. Это значит, что ты где-то грязно сработал и есть видоки, которые тебя опознают. А до того ходи везде смело, пусть все знают, что тебе нечего скрывать. Да, ты оборванец. Но ведь это не значит, что ты вор? Вот пусть все так и думают».

Город оказался велик, велик. Даже не понимаю, как мы тогда на фургоне так быстро выскочили за его пределы. Добрых полчаса я мерил ногами его мостовые, переходя с узких улочек на все более широкие, пока, наконец, не добрался до Главной площади.

Хоть я и видел ее мельком, но сразу узнал. Фонтаны, роскошные высокие здания вокруг нее, в которых, надо полагать, находятся присутственные места, вроде суда и магистрата. Ну, или как тут у них магистрат называется? Неважно. А вон то здание — это точно банк. Уж его-

то я ни с чем не спутаю! У нас почти такой же был, с важными дядьками в ливреях у входа, которые двери открывают. И стражей, прогуливающейся неподалеку, на всякий случай. Слuchaи, как известно, они бывают разные.

Но банк мне нынче не нужен. Мне нужна гостиница, которая, если я не ошибаюсь, находится где-то вон там, в одном из переулков, ведущих к Черному городу. Правда, не помню в каком точно, но это не беда, выясним.

Так оно и вышло. Через десять минут я стоял и глазел на здание, украшенное жестяной вывеской с завлекательной для усталого путника картинкой. На ней с немалым мастерством была изображена тарелка с жареной курицей и красовалась витиеватая надпись: «Крылышко и ножка. Открыто всегда».

Врать не буду — меня слегка потряхивало. Неизвестность — она всегда пугает, а за дверью этого дома меня могло ждать все, что угодно.

Нацепив на лицо улыбку, я дернул на себя дверь, над головой звякнул колокольчик, сообщая обслуге, что в гостиницу пожаловал клиент.

— Что угодно? — подскочил ко мне, только я переступил порог, миловидный юноша в потертой, но, тем не менее, чистенькой лиловой ливрее — Если наниматься в работники к кому пришел, так у нас такое не принято.

— А? — недоуменно уставился на него я, а после сообразил. Как видно, здесь в норме вещей хождение безработных слуг по гостиницам в поисках нового господина — Нет, я не наниматься. Я уже служу. Ты мне другое скажи, приятель. Не остановился ли у вас такой господин Фальк, причем с супругой? Мой хозяин с ним некогда был знаком, прознал про то, что тот приехал в город и хотел пригласить на дружескую попойку.

Произнося эти слова, я сделал сначала несколько шагов вперед, а после вбок, уходя с прохода, и прислонился к стенке. Знаю я эти штучки, как шагнут за мной следом крепкие ребята, как заломят руки за спину — и все. Теперь такой номер не пройдет.

— Фальк, Фальк — юноша задумчиво потер подбородок — Это надо подумать. Гостей-то у нас ого-го сколько много, всех не упомнишь.

— Так ты вспомни — я залез в карман и украдкой протянул ему серебряную монету — Не возвращаться же мне к хозяину ни с чем? Он у меня с норовом, не любит, когда его приказания не выполняют.

— И не говори — понимающие кивнул гостиничный слуга — Все им не так, все им не эдак. У меня хозяйка, тоже, знаешь, не мед.

— Так что с этим Фальком? — поторопил его я — Вспомнил?

— Не совсем — лукаво прищурился слуга — Вот если бы...

— Не-а — покачал головой я — Серебряка для памяти за глаза. Имей

совесть.

— Каждый день по пять раз — хладнокровно парировал мой довод он — Имею, в смысле. А то и по десять.

Я ничего на это ему не сказал, но и за денежкой не полез. Перебьется.

— Ладно — поняв, что ничего ему от меня не добиться, смирился мой собеседник — Вообще-то мы о постояльцах ничего рассказывать не должны, хозяйка этого не любит, но тебе, по дружбе, скажу. Съехал твой Фальк на пару с супругой. Еще на той неделе съехал. И хвала богам.

— Почему? — ошарашенно спросил я.

— Да потому что постоялец был не ахти — понизив голос, объяснил мне слуга — Жрать здоров, а на чай от него медяка не дождешься. И еще постоянно недоволен всем был — то мясо не дожарено, то окорок слишком жирный, то вино разбавлено. Побить меня грозился. И ведь побил бы, дай волю.

Вообще-то я имел в виду совершенно другое. Я не понимал, почему Карл вообще отсюда съехал. Нет, сразу несколько вариантов ответа промелькнули у меня в голове, но какой из них был верный, я не знал.

Но точно не из-за избыточно жирного окорока и разбавленного вина. Кстати — на что, на что, а на излишнюю жирность мяса он сроду не жаловался. Видать, тут еда была совсем уж паршивая.

— Ну да, тут только порадоваться можно, что он съехал — я почесал в затылке — Тебе вот хорошо, а мне что делать? Хозяину что говорить?

— Так и скажи — уехал он, мол — предложил гостиничный слуга — Твоей вины в том нет.

— Побьет — обреченно ответил я — Как есть поколотит. Слушай, а не знаешь, куда этот Фальк уехал? Может, слышал чего?

И я подкрепил вопрос еще одной серебряной монетой.

— Нет — покачал головой слуга — Ничего не слышал. Да и не работал я в тот день при входе, я в обеденной зале прислуживал.

Он не врал, уж в чем-чем, а в этом я разбираюсь. И вправду не знал. Зря серебряк потратил.

— А может у того, кто тогда на входе стоял, спросишь? — предложил я — Войди в положение. Выдерут ведь на конюшне, неделю потом отлеживаться буду.

— Погоди минуту — подумав, ответил юноша — Только на улице, а не здесь. Если тебя хозяйка, не дай боги, тут увидит, то мне здорово влететь может.

— О чём речь — заверил его я — Сам в услужении, все понимаю.

Увы, увы, ожидание оказалось напрасным. Шустрый малый, похоже

неподдельно проникнувшись ко мне сочувствием, нашел слугу, который видел, как уезжали мои друзья, но ничего связного по этому поводу тот сказать не смог. Они погрузились в какой-то экипаж и отбыли, вот и все. Какой экипаж, куда он поехал — неизвестно. Может, дай Карл этому слуге пару монет, он запомнил что-то, но мой прижимистый друг этого не сделал.

И вот теперь все стало совсем уж печальным. Порвалась последняя ниточка. Нет, оставалась еще пара сомнительных вариантов, вроде поисков того места, где обычно останавливаются обитатели славного королевства Асторг по прибытию в Силистрию, и попытки связаться через них с де Фюрьи. Но в целом это была чепуха. В чужом городе искать тех, кто меня даже не знает и, скорее всего, помогать и не подумает... Ерунда, короче. Тем более что Рози, возможно, с соплеменниками и не общается.

Да и времени на это нет. Пока я буду искать это место, пока буду подходы к нему изучать, Монброн попросту умрет.

Значит, придется задействовать второй вариант, который по сомнительности не уступал первому. Надо попробовать пообщаться с Унсом Два Серебряка, тем самым магом, про которого рассказал Ворон перед отплытием. Правда, он выразил при этом надежду, что мы не доведем наши дела до такого состояния, что нам доведется с ним свидеться, но, как видно, зря он на это понадеялся. Или наоборот, он слишком хорошо нас знал?

В любом случае это все, что мне пришло в голову. По крайней мере, данный вариант куда более реальный, чем тот, что с поиском соплеменников Рози.

Но куда же все-таки смылись Карл и Эбердин? Что они не покинули город — это наверняка. Не уедут они без нас, пока мы живы. Вот убедившись в том, что мы с Гарольдом окончательно и бесповоротно мертвы, глянув на наши трупы — возможно, да и то не факт. Зная характер Фалька, можно смело утверждать, что он еще и отомстить попробует. Впрочем, возможно Рози скажет ему то же, что я Гарольду накануне и сможет увезти из Форессы.

Но пока они думают, что мы живы, не уедут. То есть — они где-то здесь, в пределах города. Но где?

Размышляя над этим вопросом, я вернулся на Главную площадь. Точнее — ноги меня на нее принесли, причем совершенно зря. Тут много стражи, что меня не очень устраивает. Ну да, одежда слуги делает меня почти невидимкой, но у любого везения есть пределы. Не стоит его испытывать.

Кстати — мысли, не мысли, но за спину себе я поглядывал. Мало ли

что? А ну как стражники решили меня там прямо не хомутать, и посмотреть, что я делать буду, да и пустили за мной соглядатая?

Ладно, сейчас попробую разузнать где живет этот Унс Два Серебряка, и ходу отсюда.

— Дружище, не поможешь? — прибегнул я к уже проверенному способу и остановил черноволосого невысокого паренька — Меня хозяин послал с заданием, а я город еще плохо знаю. Недавно в услужении, понимаешь.

— Как не понять — хохотнул тот — Сам пару лет назад таким сюда попал, от всего шарахался. Не поверишь — даже пару раз подумывал обратно в деревню вернуться. Кого ищешь?

— Пекаря — отогнул один палец я — Какой-то папаша Бронтон. Надо мне там печений особенных купить.

Пекаря я не выдумал, его лавка попалась мне на глаза еще тогда, когда я «Крыльшко и ножку» искал. И отдельную вывеску про «печения по особому секретному рецепту, с пятью медовыми приправами и семью сортами сахара» я тоже прочел и запомнил. Как знал прямо.

— А, медовые печеньки — черноволосый облизнулся — Вкуснятина! Как-то после одного ужина стол с другими слугами убирали, вот их и попробовал. Дорогие они — жуть, но вкууусные! Только главная лавка Бронтона не здесь, она в «белом» городе. Но зато воон там есть его магазинчик, так что тебе туда. И не сомневайся, смело иди. Что в главной лавке, что в этом магазинчике у него товар одинаковый. Он королевский поставщик, потому марку свою держит.

— Ишь ты! — восхитился я — И там у него лавка, и тут магазин.

— У него их пять по Форессе, да еще две в Алессии — важно сообщил мне чернявый — А начинал как мы, между прочим. В услужении у кондитера состоял.

— Да ладно? — присвистнул я.

— В штанах прохладно — явно получая удовольствие от моей деревенской неосведомленности, и немного рисуясь, сказал чернявый — Точно-точно. Копил, учился и вот так в люди выбился. Главное не лениться!

— Это да — поддакнул я — Слушай, а еще мне нужен знаешь кто? Маг. Какой-то Унс. Или Онс?

— Печенье, приворот — фыркнул чернявый — Да у тебя хозяин, я погляжу, живчик еще тот. Любитель девиц, стало быть.

Вот тут я понял, что следующий вопрос моего случайного знакомца может мне здорово навредить. Он наверняка будет о том, кому я служу. Мол

— «как зовут-то твоего господина?». И вот тогда беда.

— Даже слишком — протараторил я, огляделся, а после понизил голос
— Вот, понимаешь, и нашел проблемы себе на... Ну, ты понял. Теперь лежит, охает, лед к одному месту прижимает да печенья трескает.

— Понимаю! — с ехидцей заулыбался чернявый — У моего тоже такое пару раз случалось. Да, меня Герш зовут.

— Мартин — протянул я ему руку — Раз знакомству. Так где этот маг-то живет, не знаешь?

— Конкретно этот — точно нет. Ни про Онса, ни про Унса никогда не слыхал. Знаешь, в южной части города есть улочка, где обитают все эти маги, предсказатели, алхимики и тому подобная шварль, ты там поспрашивай. Вон в тот переулок иди, там пятый поворот направо и вверх до упора. Если что, спросишь где тут Солнечная улица, тебе покажут.

— Спасибо тебе, Герш — поблагодарил я чернявого — Авось, еще свидимся.

— Само собой — заверил меня чернявый — Город только на вид большой, а на самом деле маленький.

Мы еще раз пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

На самом деле даже не пришлось ничего ни у кого спрашивать. Герш объяснил все предельно точно, и даже «до упора» обрело свое зримое воплощение в виде улицы с очень, очень крутым подъемом наверх.

Одолов его, я сразу же попал словно в другой город. Нет, Форесса не жаловалась на скучность красок, здесь и люди пестро одевались, и вообще яркий был город. Но тут!

Разноцветье просто било в глаза. Вся улица представляла собой один шумный базар, она была уставлена какими-то небольшими палатками и прилавочками, за которыми стояли невообразимо чудно одетые люди и зазывали к себе покупателей, в которых, замечу, недостатка не было.

И чего только они им не пытались продать! Амулеты всех видов, какие-то огромные шары с золотистым свечением внутри, человеческие черепа, покрытые черной, зеленой и даже синей краской, ожерелья, составленные из мелких, по-моему, куриных косточек и тому подобный хлам.

— Эй, парень! — крикнул мне один из торговцев — Купи золотую монету удачи, и через пару месяцев сам будешь нанимать себе слуг! Отличная монета, древняя как небо, что над нами. Ее еще те маги заговаривали, старые, знающие. Всего пять серебряных!

— Не слушай его! — взвизгнула страшная как смерть старуха, торгующая по соседству — Что он понимает в талисманах на удачу?

Ничего! Вот перо птицы Фрум из тех мест, куда мало кто добирался! Держи его при себе — и все у тебя будет! Все, что захочешь! Деньги, слава, почести, женщины! Хотя такому красавчику как ты любая и так даст! Даже я.

И старая карга мне игриво подмигнула, да еще и улыбнулась, показав единственный оставшийся во рту зуб.

Меня аж передернуло.

— Кому тут нужен талисман на удачу? — как из-под земли вылез еще один торгаш — Тебе?

— Нет — помотал головой я и ткнул пальцем в какого-то пышно разодетого толстяка неподалеку — Вон ему.

— Ага — торгаш тряхнул связкой амулетов, которую держал в руках, и кинулся к бедолаге, который открыв рот глазел на череп у одного из прилавков. Хотя понять его можно — в глазницах того черепа горело по свече, и смотрелось это впечатляюще.

— Мать — подошел я к старухе, которая тут же подумала о том, что на меня подействовали ее женские чары, а потому начала кокетливо оглаживать свои торчащие в разные стороны седые патлы — Где тут мага по имени Унс найти?

— Два Серебряка, что ли? — уточнила бабка дождалась моего утвердительного ответа, и тут же протянула ко мне свою руку — Знаю такого.

Я положил ей в ладонь медяк. Бабка ничего не сказала, только дернула рукой, мол — еще давай. Я положил второй. Потом третий.

Старуха молчала.

— Ну, нет — так нет — сказал я ей, решив, что три медяка за такую информацию вполне достаточно — Пойду, у твоего соседа узнаю. Авось, у него дешевле выйдет.

— Дешевле-дешевле — проорал от соседнего прилавка мордатый торговец. О чем речь он явно не понял, но мои последние слова расслышал — Иди ко мне, о цене сговоримся.

Забрать деньги я не успел, бабка ловко сжала ладонь, а после убрала руку за спину.

— Мать, ты меня не зли — попросил я ее — Где этот... эти... Тыфу, демоны. Где маг живет?

— Да вон там — проскрипела торговка, показав пальцем направление — В самом конце улицы его халупа, зеленая дверь. На ней еще табличка есть, там какая-то зверюка намалевана диковинная. Перо птицы Фрум купишь?

— Если только на сдачу от трех медяков мне его отдашь — ухмыльнулся я.

— Так и проваливай — дружелюбно посоветовала мне бабка и заорала — Амулеееты! Приворотные зеэеелья! Гадаю на любовь и друууужбу!

Вот это, кстати, любопытно. Наговор на любовь и дружбу — это понятно. Нет, тоже жульничество, разумеется, при этом объяснимое и понятное. По слухам, такими вещами многие ученики магов подрабатывали после того, как выпускались из своих школ, есть-то все хотят. Но гадание?

Отбиваясь от назойливых торговцев и уворачиваясь от их рук, которыми они пытались ухватить любого, кто попадал в зону их досягаемости, я добрел почти до самого конца Сонной улицы. И там-то увидел дом, о котором говорила старуха.

Он был невелик, о двух этажах, и как бы зажат между куда более массивными соседями. Создавалось впечатление, что дома слева и справа вот-вот поднатужатся и его раздавят.

Над дверью, с которой давным-давно облупилась зеленая краска и вправду висела табличка с неведомым зверем, также на ней присутствовали какие-то неведомые знаки, надо думать — магические. Я-то сам таких никогда не видел, но кто его знает, этого Унса. Видно, он изрядно попутешествовал и знает много чего такого, что и нашему наставнику неведомо.

Колокольчика над дверью не было.

Я неуверенно постучал. Потом еще раз. И еще раз. Ничего не происходило.

Тогда я взялся за ручку и потянул ее на себя. И она открылась!

— Вот тебе и раз — пробормотал я и шагнул внутрь.

Первого этажа в доме не оказалось. В том смысле — что не было здесь ни комнаты, ни кухни, ни чего-либо еще. Пустое место да лестница, ведущая на второй этаж. Хотя — оно и понятно. Совсем маленький внутри этот домишко оказался. Как голубятня у нас в Раймилле.

Я повертел головой, после решительно направился к лестнице и поднялся на второй этаж.

Должен же где-то быть этот самый Унс?

И он обнаружился наверху.

Приятель нашего наставника сидел за столом, который стоял в центре небольшой невероятно захламленной комнатушки и пил вино. Собственно, всю меблировку этого обиталища мага и составлял стол, кровать, стоящая у окна, пара шкафов с книгами и разнообразный хлам, сваленный в кучи по

углам.

Но меня поверг в шок не вид комнаты, а сам мастер Унс.

Всякое я видал, но это было что-то!

Было ему на вид хорошо за пятьдесят, но при этом он явно хотел выглядеть моложе, потому на лице у него было полно той штуки, которую наша Агнесс де Прюль называла «белилами». Она переживала за свою смуглую кожу, а потому иногда ей пользовалась. Но в меру, а не как тут, когда лицо становилось белым, как снег.

Вдобавок над правой губой Два Серебряка еще и «мушку» прилепил. Не знаю, как здесь, а у нас такие штуки пускали в ход только те мужчины, которые... Ээээ... Не совсем мужчины. Точнее, мужчины, которые за деньги с другими мужчинами...

Тьфу ты, пакость, даже вспоминать не хочу!

Добавим сюда штаны в обтяжку, когда-то белую, а теперь серую рубаху с отложным воротником, и изрядных размеров коричневый бант, которым у мага сзади были подвязаны волосы.

Видок еще тот!

И это друг нашего Ворона? Да ладно!

Впрочем, удивление было обоюдным. Белолицый явно не рассчитывал меня увидеть, а потому чуть не поперхнулся вином.

— Ты кто? — просипел он — Домом ошибся?

— Теперь уже не знаю — признался я — Вообще-то я ищу досточтимого мастера Унса, мага.

— Унса? — кашлянул мужчина — Мага? А тебе он зачем?

— Привет ему передать надо от старого друга — уклончиво ответил я.

— Какого друга? — совсем уж насторожился хозяин дома.

И тут я увидел, что его пальцы правой руки, до того спокойно лежащей на столе, сплелись в некий узел. Он был готов атаковать меня в любой момент.

Он был тем, кого я искал.

Кошмар какой...

— От Герхарда Шварца, именуемого «Вороном» — отчеканил я и поклонился — Он велел кланяться и передать свои заверения в искренней дружбе, которая не угасает с годами.

— Сюда подойди — потребовал Унс, причем голос его звучал теперь куда выше. Но не пронзительно, скорее, мелодично — Давай-давай.

Я подошел к нему, мой нос уловил смешанный запах благовоний. Добрые боги, чего только на свете не встретишь.

— Заголяйся — потребовал он.

— В смысле? — выпучил глаза я — Это... Не надо только всякого такого, хорошо?

— Какого «такого»? — нахмурился Унс — Грудь мне свою покажи. Я понял. Он хочет увидеть печать подмастерья.

Как только она показалась из-под ворота рубахи, Унс припечатал к ней свою ладонь, оказавшуюся на редкость холодной.

— И в самом деле, подмастерье Ворона — удивленно сообщил он — Добрые боги, это что такое происходит в мире, если безумному Герхарду дают возможность набирать учеников?

Уж кто бы говорил. Нет, я никогда не считал нашего наставника нормальным, скорее наоборот, но тут-то вовсе беда. Куда нашему Ворону вот до этого дива дивного.

— Наклонись ко мне — попросил он — Ниже. Вот так.

Бумм! Мою щеку обожгла пощёчина, причем достаточно увесистая.

— За что? — возмутился я.

— За вранье — невозмутимо объяснил мне Унс — Врать — грех, боги этого не любят. Хотя, с другой стороны, они тебя и так не очень-то жалуют. Твой наставник — отступник, так что ни тебе, ни твоим приятелям рассчитывать особо не на что.

— Мы рассчитываем на самих себя — не без гордости сообщил ему я — Тоже, знаете ли, неплохо.

— Ну-ну —sarкастически отозвался Унс и отпил вина — Ладно, к делу. Что тебе от меня надо?

— Как я говорил, мой наставник Герхард... — начал я с начала и тут же замолчал, повинувшись взмаху руки мага.

— Так — он поставил бокал на стол — Тебя как зовут?

— Лютер — без запинки ответил я, и не подумав назвать ему свое подлинное имя. Во избежание.

— Как-как? — прищурился маг и поманил меня пальцем — Еще раз скажи.

Я сделал пару шагов и чуть склонился к нему.

Бумммм! И вторая щека аж зазвенела от удара.

— В третий раз вылетишь из окна — пообещал Унс — Я сам присочинить мастак, но не люблю, когда врут мне. Особенно всякие щенки, которые еще даже не бреются.

— Эраст — пробурчал я, потирая щеку — Фон Рут.

— Хорошо, Эраст фон Рут — милостиво кивнул маг — Продолжай.

— Когда мы направились в Силистрию, то наставник сказал, что в случае особой нужды мы можем обратиться к вам за помощью — выпалил

я на одном дыхании — Вот я и пришел.

— Совсем другое дело — одобрительно сказал Два Серебряка — Правду говорить легко и приятно.

И он отсалютовал мне бокалом вина.

Я облегченно вздохнул, решив, что этот странноватый маг сменил гнев на милость, и уселся на табурет, стоящий у стола.

Просидел я на нем секунды три, не больше. После меня что-то сильно ударило в грудь, потом приподняло и изрядно шваркнуло о стенку, рядом с книжным шкафом. Так шваркнуло, что на меня еще и три изрядной толщины тома свалились.

Ну, как «что-то»? Заклинание из арсенала «воздушников», можно даже не гадать.

— Разве я тебе разрешал садиться со мной за один стол? — очень спокойно, а потому немного пугающе спросил у меня Унс — Ты — никто, ты подмастерье, причем даже не мой. И ты осмеливаешься без приглашения садиться за один стол с магом? Когда вернешься к своему наставнику, передашь ему, что Унс Два Серебряка просил поучить тебя хорошим манерам.

— Хорошо — пообещал я, силясь подняться на ноги — Уффф... Передам.

— Передам, мастер — требовательно произнес Унс.

— Передам, мастер — послушно повторил я, закипая внутри.

Если бы он не был моей последней надеждой... Хотя, может лучше совсем без надежды, чем с такой.

— А теперь рассказывай — потребовал Унс — Только помни — я ложь распознаю всегда. Есть у меня такой врожденный талант. Кстати, именно за него Ворон меня всегда и не любил. Как, впрочем, и все остальные. Я по молодости часто людей на чистую воду выводил. Дурак был, верил, что мы призваны сделать этот мир лучше.

— А разве не так? — спросил я у него — Мне думалось, что предназначение магов именно в этом.

— Будем считать, что сейчас ты мне не соврал — растянул красные губы в улыбке Унс — Будем считать, что ты иронизируешь. Итак — рассказывай, в какую переделку ты попал.

Глава 10

— Вернее сказать — мы — застенчиво отведя глаза в сторону, произнес я.

— «Мы» — кто? — сразу же спросил Унс — Мы, Эраст Первый?

— Нет, мы — это я и мой соученик.

Про еще троих наших спутников я пока решил умолчать. Нет у меня привычки выкладывать все сразу не очень знакомым людям. Тем более таким, как этот приятель Ворона.

— Знаешь, я, наверное, тебя все-таки выкину в окно — задумчиво сообщил мне Унс — И даже потом уплачу штраф за нарушение общественного спокойствия. Оно того стоит.

— Просто мой друг он... — я замялся — Он из Силистрии. И не из очень простой семьи. Точнее — совсем непростой.

Губы мага шевельнулись и меня подбросило к потолку, так, словно кто-то сильно дернул меня за воротник. Ну очень сильно. Я пребольно стукнулся затылком о потолок, потом еще раз и еще. После пятого удара невидимая рука, державшая меня, исчезла, и я еще вдобавок брякнулся всем телом о пол, причем очень болезненно.

— Еще? — по-отечески поинтересовался маг — Или хватит?

— Хватит — моментально выпалил я.

— Тогда или говори, или убирайся.

— Мой друг Гарольд Монброн — не вставая с полу выложил я правду — Из тех самых Монбронов. И сейчас он умирает в одном из домов, что стоят на берегу моря. Их еще «летними» называют.

— Монброн? — Унс сложил губы гузкой — А вот это уже интересно.

Внизу скрипнула дверь, по лестнице простучали чьи-то шаги и в дверном проеме появился плотного телосложения мужчина в довольно дорогих одеждах и с лицом, которое Агнесс де Прюль назвала бы «порочным». Она это слово иногда употребляла. Я не очень понимал его значения, но как мне думается, здесь оно было бы уместным. Его лицо было набелено еще больше, чем у Унса, и «мушек» было три, а не одна. Да еще и губы у него были напомажены.

— Вот и я — проворковал визитер и тут заметил меня — Унсик, а это кто? Что здесь делает этот молодой человек, а? Для чего он тут? Объясни!

Последнее слово он практически провизжал, как видно, его не очень устраивало мое присутствие здесь.

А я-то все гадал, чего это Два Серебряка при полном параде за столом сидит. Думал, может он собрался куда? Обычно дома люди всегда по-простому ходят, в халатах там, или какой другой незамысловатой одежде. И лица белилами не мажут.

Не-а. У него свидание было назначено. С вот этим вот... Господином. Тьфу ты, пропасть. Все-таки какие интересные нравы тут, в Силистрии. У нас, в Центральных королевствах, такие как Унс и его приятель стараются свои отношения не особо афишировать, и в таком виде по улицам не шастают. Не жалуют у нас подобное. Что они есть я знал, но даже в нашем не слишком приличном уличном раймилльском обществе о подобном разговаривать считалось непристойным.

— Я тебе надоел? — тем временем все сильнее себя накручивал визитер — Надоел, да? Молоденького мальчика захотел? Так ты бы мне сразу об этом сказал, я понятливый. Да-да-да!

Как он там говорил? «Выкину в окно»? Еще пара минут, и я сам в него выскошу!

— Борн, мой милый Борн — Унс встал из-за стола и укоризненно посмотрел на гостя — Как ты только мог про меня так подумать? Чтобы я предал наши чувства, наши отношения, которые мне так дороги? Никогда.

— А он? — обиженно спросил Борн и ткнул в мою сторону пальцем, на котором яркой искрой сверкнул перстень с рубином — Кто он?

— Племянник моего старинного друга — мягко сказал маг, подходя к визитеру и беря его за руки — Старина Герхард отправил его в Силистрию по делам своего торгового дома и приказал зайти ко мне. Чтобы засвидетельствовать почтение, ты же знаешь, что я достаточно уважаемый человек. Вот он и выполнил волю дяди, но держался при этом слишком дерзко. Настолько, что мне пришлось его проучить.

— Ты мне не врешь? — глаза Борна налились слезами — Это правда?

— Чистейшая — проникновенно заверил его Унс — Да вот, хоть бы даже и у Лютера спроси? Ведь все так, юноша?

Ему, значит, не соври, чуть что, так сразу по роже бьет, а сам он может творить что угодно. И где в этом мире справедливость?

— Истинно так — покивал я — Дядюшка послал к мастеру Унсу, велел ему кланяться.

— Я верю вам — губы Борна трогательно задрожали.

— И правильно — полуслепотом сказал ему Два Серебряка, погладив по щеке.

— Я верю вам — повторил его друг, и глубоко вздохнул — Ну, раз так, то, может, пойдем куда-то пообедаем, все втроем? Я угощаю. Да, Лютер,

голубчик, ты можешь звать меня дядя Борн.

— Хорошо — только и смог пробормотать я — Как скажете.

— Увы, увы — отпустил руки Борна Унс — Сейчас с обедом никак. Старина Герхард просил меня помочь Лютеру с урегулированием кое-каких вопросов — таможня, торговые старшины, то, се... Ты же знаешь, у меня широкие связи. Дело прежде всего — так у них на Западе заведено.

— Тогда — ужин — требовательно заявил Борн, поправляя волосы — И это не обсуждается. Жду вас к восьми часам в «Старом Городе». И если ты не придешь, коварный Унс, то между нами все будет кончено! Лютер, мальчик мой, ты все понял?

— Да — я шмыгнул носом и, пересилив себя, добавил — Дядя Борн.

— Унсик, если твоих связей будет недостаточно, то я всегда готов помочь этому славному мальчугану — Борн подошел ко мне, так и сидящему на полу, и потрепал по голове — Твои друзья — мои друзья.

И, помахав нам на прощанье пухлой ладонью, приятель Двух Серебряков покинул комнату, а через полминуты внизу хлопнула дверь.

— Если расскажешь Ворону хоть что-то из того, что ты видел, то я об этом непременно проведаю, приеду в Центральные Королевства и ты пожалеешь о своем длинном языке — деловито и спокойно, а потому невероятно убедительно сообщил мне маг.

— Ничего не видел, ничего не знаю — истово произнес я, но тут же не удержался от колкости — Дядя Унс.

— Негодяй — как мне показалось, даже одобрительно проворчал маг, возвращаясь за стол — Ладно, вернемся к нашей беседе. Можешь сесть за стол, дозволяю.

Я поднялся с пола, отряхнул штаны, поднял табурет и, ожидая какого-то подвоха, плюхнулся на него.

Нет, обошлось.

— Итак, мы остановились на семействе Монбронов — Унс причмокнул, как будто опробовал некое очень вкусное блюдо — Насколько я знаю, ему вообще не везло в последнее время. Сначала скончался старший Монbron, тот что еще деда нашего нынешнего короля знал, а потом и его старший сын, который твоему приятелю, надо думать, отцом приходится. Да, и еще кто-то там на поединке погиб.

— Брат Гарольда — подтвердил я — Есть такое.

— И главное все это за небольшой, по сути, отрезок времени — подытожил Унс — Я бы сказал — странновато это все. Ну, что сидишь, глазами хлопаешь. Рассказывай.

Врать я ему не стал. Но и всей правды не выложил. Мой рассказ был

укороченной версией приключений, из которой я исключил трех наших друзей и всю предысторию нашего прибытия в город. Правда про дядюшку Тобиаса, тюремное заключение и нападение убийц рассказать пришлось.

— Если честно, то сейчас я выслушал историю похождений двух идиотов — все так же добродушно подытожил мои откровения Унс — Как вы оба до сих пор живы мне лично непонятно. Равно как и то, что Ворон тратит на вас, и вам подобных время. Хотя если из юмористических побуждений, тогда, возможно... Ну да ладно.

— Насчет Гарольда я не уверен — вздохнул я.

— Ты не уверен в том, что он идиот? — уточнил он.

— Нет, в том, что он еще жив — пробормотал я и взмолился — Мастер, помогите ему. Пожалуйста! Мне больше некого о помохи просить.

— А сам-то? — передернул плечами Два Серебряка — Тебя сколько лет Ворон учил?

— Два.

— Два года. Два. И не справится с не самым сложным врачеванием — Унс демонстративно закатил глаза под лоб — Нет, вы Герхарду точно нужны только для забавы. Он так скучку разгоняет.

— Да кабы просто ранение — хлопнул я ладонью о ладонь — Я так думаю, что это яд, не хватит у меня знаний его из организма вывести.

— Вас что, и с ядами не учили работать? Однако — Два Серебряка деланно засмеялся — Нет, может и не в вас дело. Видимо, Ворон сильно постарел и поглупел.

— Вот и нет — обиделся я за наставника. И вообще — мое желание дать по роже Унсу стало почти нестерпимым. Еще немного, и я сорвусь — Учил он нас с ядами работать. Создавать, распознавать, противоядия делать. Но ведь тут другой случай.

— Ты даже не представляешь, насколько — Два Серебряка налил себе вина — Скажи мне, недоучка, что именно влияет на скорость действия яда? Ну, если говорить не о моментальных ядах, с ними все ясно. Например — змеиный укус. Что ускорит смерть укушенного?

— Если рептилия нанесет укус в лицо, шею или туда, где проходят кровеносные жилы — немедленно отозвался я — Тогда шансов на спасение будет куда как меньше. Кровь разнесет яд по телу, он доберется... Ох ты ж...

Я понял, в чем дело. Точнее — почти понял.

— Верно, неуч, верно — Унс перегнулся через стол и пару раз стукнул пальцем по моему лбу — Будь это яд, пусть даже медленно действующий, твой друг все равно бы не дожил до рассвета. Ему пропороли бок, и кровь,

с твоих слов, текла преизрядно. То есть он сразу бы попал в кровеносные жилы. Это не яд. Это проклятие. Точнее — это был клинок с наложенным на него заклинанием. Такие у нас, на Юге, не редкость, в старые времена считалось хорошим тоном заказать магически зачарованное оружие сыну на тринадцатилетие. Причем выбор чар был немалый, не обязательно это было проклятие. Зачаровывали на вечную заточку, на защиту от поломки клинка и так далее. Дорогое удовольствие, что скрывать, но если все так поступают, то это почти закон, здесь так заведено. После Века Смуты такое оружие делать перестали, Орден Истины подобное не одобряет. Да и маги помелкотравистей стали, что уж там. Мое поколение еще туда-сюда, но если дальше все такие как ты, и твой приятель будут, то через сотню-другую лет наше племя с лица Рагеллона вовсе исчезнет.

— Дорогая штука — засомневался я — А убийцы, со слов Гарольда, были не ахти. Лопухи какие-то.

— Значит, главарь у них был благородных кровей — предположил Унс — Из провинции, поди, какой-нибудь пятый сын из обедневшего рода. Они часто так себе на жизнь зарабатывают. Сбежал из дома, прихватив клинок понадежней, и решил пробиться в люди убийствами и насилием. Подобное не одобряется, но и не слишком порицается, особенно если эти поступки не стали достоянием гласности.

— Да ладно вам — засомневался я — Небось, он как фамильная ценность хранился.

— Может и так — не стал спорить со мной маг — Но вообще в старых семьях подобных безделиц осталось предостаточно. Причем, как мне думается, многие благородные даже и не знают, что в их оружейных пылятся зачарованные клинки. Да ладно, это теперь и неважно.

— Вот-вот — я встал с табурета — Мастер, пойдемте уже, а?

— Иди — помахал мне рукой Унс — Всего тебе доброго. Я тебя не задерживаю.

— А вы? — вопрос был задан через стиснутые зубы, терпения у меня оставалось меньше капли.

— Я? — маг откровенно издевался надо мной — Попью вина, вздрнему, потом пойду на ужин в «Старый город». Там великолепная старосилистрийская кухня. Ве-ли-ко-леп-на-я! Фазанье рагу с пряностями, мидии из залива Пуан, тушеные со спаржей бычьи хвосты. А вина, вина... Кстати, ты тоже подходи, Борн не поймет, если ты проигнорируешь его приглашение. А он, знаешь ли...

— Гарольд — промычал я — Он умрет.

— Это да, это да — опечалился Унс — Ты говоришь, черные линии от

бока к груди пошли? Скверно. Как до сердца дойдут, так и все. Не станет твоего друга.

— Что. Надо. Сделать? — раздельно произнося слова, спросил у него я.

— Вот — Два Серебряка поднял указательный палец правой руки вверх — Наконец-то сообразил. Да, за «так» я помогать вам не стану.

— А как же дружба с нашим наставником? — усмехнулся я — Он говорил, что вы приятели.

— С ним — да — хладнокровно ответил маг — Но при чем тут ты, и твой друг? Приди сюда Ворон, скажи он, что в беде — и я тут же сделал бы для него все. В разумных пределах. Но ты — не он.

— Резонно — проглотил этот довод я.

Парировать было нечем.

— Более того. Я уже оказал тебе услугу. Даже две — продолжил Унс — Я бы мог сказать, чтобы ты шел к своему другу, и ждал меня в вашем убежище, мол — приду позже, не дело нам показываться на людях вместе. А сам пошел бы куда следует, сдал вас властям, и получил причитающуюся мне награду. Мог я так поступить?

— Мог — снова признал я.

— Но не поступил — достаточно высокопарно подытожил Унс.

И я даже догадываюсь, почему.

— Не поступил — повторил маг — И этим долг дружбы вашему наставнику уже, считай, уплатил.

— Вторая услуга какая? — поинтересовался я.

— О второй услуге потом — отмахнулся Унс — Итак. Я готов помочь тебе и твоему другу. Но за это я хотел бы получить кое-что взамен.

— А именно? — сразу полюбопытствовал я.

— Род Монбронов Силистрийских славится своими богатствами — Два Серебряка тонко улыбнулся — Скажу напрямую — пожизненный пенсион магу, который спас жизнь одному из этой фамилии, как мне думается, будет не такой уж большой благодарностью с их стороны. Скажем, сотни золотых в месяц. Как ты думаешь?

— Никак не думаю — честно ответил я — Чего у меня спрашивать? Вон, Гарольда из-за Грани вытащите и у него поинтересуйтесь. Я же не Монbron? Я фон Рут.

— Ты его друг — блеснул глазами маг — Хороший друг, близкий, как тут говорят — «кровный», это сразу видно. Я не знаю тебя, но зато знаю нравы старых фамилий Силистрии. Если ты дашь за него обещание выполнить мое условие, то оно будет приравнено к слову самого

Монброна.

— Хорошо, пусть будет так — подумав пару секунд, ответил я — Согласен. Даю вам слово в том, что ваши услуги будут оплачены так, как вы пожелали, порукой тому моя честь. Но сразу скажу — наше положение таково, что выполнение условия может затянуться. Мы в бегах, если вы забыли.

— Помню, отчего же — доброжелательно отозвался Унс — Но все неприятности когда-то кончаются. А состояние семьи — остается.

Ну, в этом я тоже не был бы так уверен, но данную мысль вслух высказывать не стал. Не стоит дразнить собак. Мне важно, чтобы этот аморальный тип вылечил Гарольда, остальное ерунда. Я бы и про то, что мы вне закона не упомянул, если бы сам про это раньше не рассказал.

— Да, мальчик, хочу сразу предупредить — погрозил мне пальцем Унс — Если ты меня обманешь, то я тебя убью.

— Не убьете — вырвалось у меня — Не имеете права.

Вот что у меня за язык!

— Как яды лечить Шварц им не рассказал, а о том, что другой маг не вправе их убить — поведал — опечалился Два Серебряка — Что за странная метода обучения? Что за гуманизм такой?

— Не обманем мы вас — заверил я его — Нам в этом выгоды нет. Тем более, что без такого опытного мага и мудрого советчика как вы, нам все равно из неприятностей не выпутаться. Да и ваш интерес в помощи нам есть, ведь так?

— Хитер, хитер — усмехнулся Унс и показал мне ладонь — Но не забывай, что эта рука помнит тепло печати на твоей груди. Знай, сынок — я умею ждать. Когда... Точнее — если доберешься до своего наставника, спроси у него, соврал ли я тебе на этот счет. Это не угроза, нет. Просто я хочу, чтобы ты понимал, о чем идет речь.

Мне отчего-то стало жутковато, по спине пробежал морозец. Сдается мне, что этот Унс только притворяется недоумком, а на деле опасен как ядовитая змея. Тем более, что среди магической братии это не редкость. Мастер Гай тоже внешне выглядит милым и безобидным старишкой, но попробуй только, встань у него на пути.

— Не обману — сузил глаза я — Сделаю все, чтобы мою клятву подтвердил Монброн. Если он, конечно, останется жив. Но если он умрет, то я вам ничего не должен.

«Кроме мести» — добавил я про себя. Столько времени впустую потеряли! Да еще до летних домов путь неблизкий.

— Вот и славно — маг допил вино из бокала и поднялся из-за стола —

Пошли, посмотрим твоего приятеля. Авось, он еще не отправился к Престолу Владык.

— Только вам бы переодеться — сказал я и вцепился в табурет обеими руками — Очень вы сейчас бросающийся в глаза. Просто там не здесь, там не город, вы очень заметны будете. Внимание привлечете. Ну, мало ли...

Ой, чую он сейчас за такие непочтительные речи мне как врежет. Опять буду углы в его каморке пересчитывать.

— Разумно — против моих ожиданий, согласился со мной Унс — Не стоит давать людям лишние темы для обсуждения.

— И потом — придется через кусты лезть, и еще там овраг имеется — затараторил я — Одежды у вас богатые, не дай боги, испачкаетесь.

— Маленький лжец — даже с какой-то симпатией произнес маг — Богатые... Были когда-то они такими, да то время давно ушло.

Маг скинул рубаху, под которой оказалось неожиданно подтянутое мускулистое тело, а после смыл с лица нанесенные на него белила.

Унс был явно не ровесник Ворона. Ну да, не первой молодости мужчина, но далеко не старик. Он, скорее, был одногодком Агриппы. По крайней мере, внешне.

Да и на мага он был совершенно не похож. Окончательно меня в этом убедила шпага, перевязь с которой он перекинул через плечо, перед тем, как покинуть дом.

Я никогда до того не видел, чтобы кто-то из магов брал в руки оружие.

— Что? — спросил Унс, заметив выражение моего лица — Да, шпага. Только обалдуи вроде тебя и твоего дружка пускают в ход боевые заклинания там, где проще обойтись сталью. Заколи я наглеца — и мне ничего не будет. Ну, или почти ничего. А вам теперь надо всем богам молиться, чтобы смерть тех троих с рук сошла. Удивляюсь, почему Орден Истины до сих пор город вверх тормашками не поставил. Плащ подай, он вон там, за шкафом висит.

— У нас выбора не было — проворчал я, выполняя приказ.

— Выбор есть всегда — назидательно произнес маг — Просто вы лентяи, не желающие хоть немного подумать, и тем самым загоняющие себя в угол.

Что-то подобное я уже слышал. Вот как же любят люди постарше молодых поучать. И все-то они видели, и все-то про нас знают. И слова у них всех одинаковые.

Тыфу!

Но если помочь попросишь, так найдут тысячи способов от этого отказаться. Оно и понятно — говорить проще, чем делать.

От мыслей отвлекла затрецина, которую мне отвесил Два Серебряка, несильная, но обидная. Вообще-то я как благородный, должен за такие штуки его на поединок вызвать, между прочим.

Хотя, боюсь, он после этого вызова меня просто ко всем демонам пошлет, даже особо не задумываясь. А то еще и страже сдаст. Так что пока придется промолчать.

— Думать надо ко времени, теперь-то уж чего — сообщил он мне, и сунул сумку в руки — Держи вот, понесешь. И пошевеливайся, мыслитель. Сам же говорил, что времени у нас нет.

Мы покинули дом мага, причем замыкать его на замок он и не подумал.

— А почему? — я показал на нее — Ну, дверь открыта у вас всегда.

— Таков местный закон — Унс недовольно поморщился оттого, что солнце ударило ему в глаза, и прикрыл их ладонью — Маги не имеют права закрывать двери своего дома днем, дабы никто не подумал, что они что-то злоумышляют. Ерунда полная, но приходится соответствовать. Пошел вон!

Последнее относилось не ко мне, а к торговцу, который, приблизившись к нам, попробовал предложить свой товар. А именно — магически заряженный кошелек, в котором никогда не переводятся деньги.

Именно в этот момент я понял, что путешествие по городу в компании этого человека будет очень, очень увлекательным.

Так оно и вышло. Для начала Два Серебряка поругался с торговкой овощами, которая очень некстати решила взбодрить свой товар путем обрызгивания его водой. Несколько капель попали на рукав Унса, этого было достаточно для начала скандала, из которого маг, к слову, не вышел победителем. Даже его сварливости не хватило для победы над таким матерым противником, как уличная торговка. Правда, для того чтобы последнее слово осталось за ним, он цапнул с прилавка изрядных размеров морковь.

После он со знанием дела раскритиковал несколько харчевен, попавшихся нам по дороге, причем это делал так громко, что у одной из них нас чуть не побили тамошние работники, услышавшие его: «Тут не еда, тут отрава! Попробовал бы ты их жареную рыбу!»

У меня сложилось впечатление, что Унс был недоволен всем, буквально всем, что его окружало. И не держал это раздражение в себе, щедро делясь им с окружающим миром.

Как его не убили до сих пор? Как ему удалось столько времени протянуть?

Я уж молчу о том, как у меня всякий раз тряслись поджилки при

мысли, что в один прекрасный момент к нам прицепится городская стража, заинтересовавшаяся тем или иным скандалом.

В результате тот факт, что мы смогли добраться до летних домов я мог определить только как «чудо обыкновенное, небывалое». Вообще-то мне думалось, что на свете чудес не бывает, по крайней мере до сегодняшнего дня я в них не верил. Однако же вот, свершилось!

Кстати — последний отрезок пути, пролегающий по леску, кустам и оврагу, Унс добросовестно высказывал все, что обо мне думает, причем не смягчая выражений. Я отмалчивался. Да мне, по сути, было все равно, для меня главным было то, чтобы Гарольд, когда я войду в дом, еще дышал.

Он дышал. Более того — он был в сознании. Правда выглядел так, что мне стало ясно — если сейчас ничего не сделать, то мой друг покинет этот мир.

— Эраст — еще слышно произнес он — Эраст...

Мне стало ясно — он подумал, что я его бросил. Когда он оклемается, то за такие мысли я непременно дам ему в нос.

— Проклятие, как и было сказано — сообщил мне Унс, только глянув на рану. Точнее — на черно-синее пульсирующее пятно, в которое превратился бок Гарольда — И довольно сильное.

— Это кто? — прошептал Монброн, глядя на меня.

— Я? — ткнул себя пальцем в грудь Два Серебряка — Посланец Смерти, кто же еще?

В глазах Гарольда появилось нечто вроде страха. Впервые на моей памяти я такое увидел. И, надеюсь, в последний раз.

— Жалко, что я умылся — сообщил мне Унс — Как бы эффектно я сейчас смотрелся с набеленным лицом, а?

— Делайте уже что-то — потребовал я — Потом пошутим.

— Э, нет — Унс отошел от кровати, на которой лежал Монброн, и уселся в плетеное кресло, стоявшее у стены — Сначала пусть он подтвердит твою клятву. Без этого я и пальцем не шевельну.

Гарольд в этот момент издал низкий горловой звук, его тело дернулось.

— О, конвульсии — даже как-то радостно сообщил мне маг — Отходит за Грань.

— Ну, и как он что-то может подтвердить? — возмутился я.

— Не знаю даже — Унс забросил ногу на ногу — Попробуй его потеребить. В нем жизнь-то еще теплится.

Все. Мое терпение кончилось.

Я схватил шпагу, которую Гарольд, несмотря на свое состояние, все-

таки умудрился притащить с собой сюда и, злобно оскалившись, подскочил к с интересом смотрящему на меня магу.

— Ага! — хлопнул в ладоши он — Похоже, это тот самый клинок, которым твоего друга подкололи? Это же он?

— Он — прорычал я — Лечи его, а то я...

— Что — «ты»? Ну вот что — «ты»? — Два Серебряка посмотрел на меня с усмешкой — Боги, что за поколение идет нам на смену. Ничего не умеют, ничего не знают, а туда же. Ну-ка, дай сюда.

Он поднялся с кресла, вырвал шпагу у меня из рук и провел ладонью над лезвием, которое моментально засветилось серебристым цветом. Но не только им — от острия и до середины клинка обозначилась тонкая как нить, черная линия.

— Вот и оно, заклинание проклятия — удовлетворенно сообщил мне Унс — Старая работа, тонкого плетения. И без преувеличения скажу — великолепная. Сейчас такое мало кто сможет сотворить. Я вот точно нет, да и наставник твой, пожалуй, что тоже. Слушай, подари мне эту шпагу, а? На что она тебе?

В этот момент Гарольд позади нас охнул и часто-часто задышал. Обернувшись, я увидел, что его тело выгнулось дугой.

— А вот теперь пора — уже не игриво, а деловито сообщил мне Два Серебряка, бросил шпагу на кресло и поспешил к кровати, на которой умирал мой друг.

Он приложил ладонь к его ране, которая пульсировала так, что возникало ощущение того, что она вот-вот прорвется, и оттуда, из тела Монброна, вылезет нечто. То, что пожирает его изнутри.

Гарольд снова выгнулся, но теперь из его рта вырвался крик боли.

— Держи его — прошипел Унс — Быстро! И рот заткни, а то он тут всех переполошит!

Да он все это время, похоже, просто издевался надо мной. И тянул время до последнего, чтобы теперь уж точно быть единственным спасителем жизни одного из Монbronov Силистрийских.

А может этот Унс просто любит смотреть на людские страдания. Что из этого верно — понятия не имею.

Главное — он взялся помогать моему другу. И, возможно, спасет ему жизнь.

Черное пятно раны под ладонями мага извивалось как живое, будто оно существовало отдельной от тела Гарольда жизнью. Точнее — жило в нем своей собственной.

Два Серебряка мял это пятно, шепча какие-то заклинания, от его рук,

казалось, шел жар. По крайней мере я видел какие-то красные отблески, охватившие черные линии, которые протянулись через всю грудь Монброна и уже подобрались прямо туда, где билось его сердце.

А потом они стали исчезать, таять, приблизительно так, как это бывает со снегом весной.

Минут через десять Гарольд перестал извиваться в моих руках, задышал ровно, и я даже рискнул оторвать свою ладонь от его рта, не опасаясь, что он закричит. Кстати — крепко он мне ее искасал, до крови.

Но это ладно, ничего.

— Сейчас, сейчас — бормотал Унс, который, похоже, изрядно выложился. Он был бледен, и его немного пошатывало. Тем не менее, он не отрывал рук от бока Гарольда — Да где же ты? Ага!

Он схлопнул ладони так, будто поймал кого-то, а после, не размыкая их, пробормотал заклинание, которое явно относилось к разделам высшей магии. Очень у него была сложная структура плетения.

А после этого Унс ладони раскрыл, и я увидел, как на одной из них пляшет крохотный черный вихорек, размером не больше пальца.

— Вот то, что твоего друга почти уморило — с довольным видом произнес маг — Поймал я ее. Если бы вы эту заразу в самом начале излечили, то все было бы куда проще. А тут вон, проклятие до чего спрогрессировало, что даже зримую форму принял. Если честно, вижу такое в третий раз за всю жизнь.

— С ума сойти — сказал я, как завороженный, глядя на танец вихорька — Зримое проклятие. Ворон говорил, что такого не бывает.

— В каком-то смысле он прав — подтвердил Унс — Сейчас, пожалуй, такое почти никто и не сотворит. В смысле — живое заклятие на клинок не наложит, больно затратно для себя выходит. Так-то зримое проклятие сделать можно, если прямо на человека его наложить. А вот вкладывать свою силу в предмет, который потом сам использовать не будешь и отдашь в чужие руки... Ну, может, архимаг Саффер способен на подобное. Кто еще? Дэйл из Ровена, если жив. Гай Петрониус, пожалуй. Этот много чего может, хоть вечно под сирого и убогого рядится.

Вот уж чего я не ожидал, так это услышать здесь и сейчас имя своего нанимателя. Тем более, вкупе с такой характеристикой.

Унс замолчал и задумчиво смотрел на кружашееся на его ладони проклятие. Казалось, он что-то для себя решает. Да так оно, похоже и было, поскольку через минуту он вздохнул, пробормотал нечто вроде «Да нет, не стоит оно того», прицелился указательным пальцем второй руки в черный вихрь и достаточно громко произнес короткое заклинание.

С пальца в центр вихря ударила короткая синяя молния, и вихрь тут же прекратил свое кружение, застыв, как воин, получивший стрелу прямо в сердце. Простояв так секунд десять, он подпрыгнул и обратился в черную пыль, от которой мгновением позже не осталось и следа.

Глава 11

— Устал — сказал мне Унс — Вина хочу. Эй, подмастерье, у вас тут есть вино?

— Не знаю — передернул плечами я, подходя к Гарольду — Наверное. Вон там, прямо по коридору, вроде кладовка есть. Рядом с кухней. Я туда не заглядывал, но, думаю, в ней что-то и найдется.

Мой друг спал. Он дышал глубоко и ровно, синюшная бледность с лица исчезла, как будто ее и не было. Что до раны на боку — она выглядела так, как ей и положено. То есть — неприятно, но не пугающе.

Самое страшное позади. Правда, ради спасения Монброна я много лишнего его избавителю и сказал, и пообещал, но это ладно. Что-нибудь придумается.

Два Серебряка чем-то громыхали в кладовке, при этом громко ворча. Судя по всему, не обнаружил желаемого, и так выражал свое недовольство.

Странный он тип. Но при этом, следует признать то, что как маг он силен. Нет, возможно, любой из нас, когда получит посох, вот так проклятие сможет материализовать и уничтожить, но что-то я в этом сомневаюсь. Ворон на одном из занятий упоминал про подобные вещи, и сказал тогда, что работа с сильными проклятиями — это очень тонкая штука, которая не всякому по плечу.

А ему — по плечу. Но при этом он живет в какой-то халупе, на улице, переполненной мошенниками всех мастей, ругается с торговками и спит с мужчинами. Нет, последнее ненаказуемо, да и осуждать его, скорее всего, мне не след, с кем спать это личное дело каждого, но все же... Да и его внешний вид тоже внушает серьезные если не опасения, то сомнения.

Эх, знать бы что за должок у него перед наставником. Может, все стало бы понятней?

Но одно я знаю точно — он пока на нашей стороне. И это надо использовать.

Правда, у меня нет уверенности в том, что он уже не использует меня. Двести золотых, за которые я поручился — это изрядная сумма. Даже более чем. Дядюшка Тобиас выделил Гарольду всего сотню на месяц. Понятно, что это была издевка, почти плевок в лицо, но точно ли Монброны могут себе это позволить?

Хотя это несложно выяснить. Вот очухается мой друг — и узнаем.

— Вино есть — в комнату вошел Унс, в одной руке у него была

запыленная бутылка, в другой кусок вяленого мяса — Хорошее. А вот снеди почти нет, только то, что не портится и может долго пролежать.

В желудке у меня заурчало. А когда я в последний раз ел? Вроде вчера с утра. Потом и времени на это не было, и желания тоже. То побег, то мореплавание, то еще чего.

— Но-но — перехватил мой взгляд маг — Не хватало еще, чтобы я какому-то недоучке-подмастерью еду приносил. Иди и сам возьми.

Признав некоторую правоту его аргументов, я направился в кладовку.

Однако, неплохо жило семейство Лавиней, и застолья оно явно уважало. С потолка кладовки свисали вяленые окорока, на полках лежали круги сыра, залитые воском, в высоких корзинах, переложенные соломой, поблескивали высокими горлышками бутыли с вином. Ну, и другой непортящийся снеди тут тоже хватало — изюм и курага, еще что-то в плетеных коробках. Что именно — смотреть не стал, мне и того, что есть перед глазами хватит.

Я отрезал кусок окорока, набил карман куртки изюмом и прихватил бутылку вина. А почему нет? Кто-кто, а я выпивку сегодня заслужил честно.

Вернувшись обратно, я застал Унса за рассматриванием все той же шпаги, клинок которой был проклят.

— Нет, очень славная работа — сообщил он мне — Так значит, я забираю его себе?

— Пока нет — по возможности тактично возразил я — Это шпага Гарольда, точнее — его трофей. Он ее бывшего владельца по мостовой размазал.

— Что с бою взято, то свято — неожиданно согласился со мной Два Серебряка — Трофей без спросу брать нельзя. Вот мы когда его разбудим, тогда и спросим, подарит он мне ее или нет.

— Зачем будить? — с набитым ртом спросил у него я — Пусть дрыхнет.

— Сначала он со мной за спасение своей жизни должен расплатиться — покачал головой маг — Слово твое подтвердить. А после что хочет пусть делает.

— Так проснется — и подтвердит. А мы посидим пока, побеседуем. Вино есть, еда есть — чего еще желать?

— Буду я ждать, пока он проснется! — фыркнул маг — Если ты не забыл, то меня сегодня ждет изысканный ужин в «Старом городе», и я не намерен его пропускать.

И ведь особо не возразишь, аргументы убедительные. Не скажу, что у

меня есть теперь особая нужда в расположении этого человека, но учитывая его характер, лучше особо с ним не спорить.

— Ну пусть еще хоть полчаса поспит — попросил я его — Они ничего не решают. И до заката еще далеко.

Если совсем уж начистоту — у меня самого глаза слипались. Нет, два дня без сна — это дело привычное, в замке такое случалось не раз. Но тут еще давали о себе знать события, которые в эти два дня уместились. Проще говоря — «отпустило» меня. Жизнь Монброна была вне опасности, и пружина, которая сжималась у меня где-то внутри, разжалась. А следом за ней пришла усталость и желание хоть немного поспать.

Правда, делать этого было, скорее всего, нельзя. Подозрительный все-таки этот Унс, ну очень подозрительный. Вот так заснешь рядом с ним, и кто знает, каково будет пробуждение?

Но вот глаза, заразы, доводов разума не слушали.

Почему Ворон нас не научил какому-нибудь заклинанию, прогоняющему сон?

Вот кабы такое знать, то можно было бы...

Эту мысль я не додумал, сон таки меня победил.

Разбудил же меня резкий смех Унса.

— А, чего? — вскочил я, одной рукой хватаясь за пояс, и пытаясь найти там рукоять шпаги, другую выбрасывая вперед.

— Ну-ну-ну, отважный вояка, поспокойней — вытирая слезинки из уголков глаз, велел мне Два Серебряка — У нас тут просто беседа забавная вышла с твоим приятелем.

И правда — Гарольд уже не спал, он сидел на кровати, свесив ноги вниз и рассматривал свой бок.

— И какова причина смеха? — заинтересовался я, вставая из кресла, в котором уснул, и потягиваясь — Ох, затекло как все!

— Я смеюсь над собой — любезно пояснил маг — И злюсь на тебя.

— А если поподробнее? — заинтересовался я.

— Ты, мерзкий мальчишка, изрядный плут — потрепал меня по щеке Унс — Ты рассказал мне все как есть, нигде не соврал... Ну, почти нигде.

— Нигде не врал — твердо заявил я — Смысла у меня в этом не было.

— Ну да, ну да — покивал Унс — Пусть так. Ты нигде не соврал мне, Эраст фон Рут. Но ты кое о чем забыл упомянуть.

Я понял, почему он так выделил голосом мое имя. Оно же не мое! Но тогда отчего он меня им зовет, и еще одну пощечину еще там не отвесил? Может, оттого, что я так к нему привык, что скоро свое настоящее имя забуду, и он это как-то ощутил?

— О сущем пустяке — продолжал тем временем маг, причем интонации его от добродушных плавно смешались к раздраженным — Ты не сказал мне, что вся та суeta, которая вокруг вас творится, связана как раз с вопросом наследования состояния Монбронов Силистрийских!

— Так оно и так ясно было — совсем уж удивился я, причем неприворно — Чего об этом говорить? Да и потом — Гарольд подался в ученики мага, ему в любом случае особо рассчитывать было не на что.

— Ну, это не совсем так — поправил меня Монброн, еще раз потыкав пальцем в красное пятно на своем боку — Если бы не проделки дядюшки Тобиаса и Генриха, никто бы мне не запретил запускать руку в родовую сокровищницу. А так теперь я нищий. По крайней мере до той поры, пока не докажу их вину, или эти двое не умрут.

— И ты мне про это ни слова не сказал — Два Серебряка шагнули ко мне и дернули меня за волосы — Ни слова!

— Месьор Унс, не забывайте, что Эраст аристократ — вежливо, но непреклонно, как он это умел, попросил мага Гарольд — Вы ведете себя неподобающим образом.

— Мне можно — огрызнулся Унс, но волосы мои отпустил — Вы, дрянные мальчишки, обманом заставили меня себе помочь, так что терпите.

Монброн глубоко вздохнул, а потом, секунд через десять, выдохнул. Было видно, ему очень не нравился Два Серебряка, но осознание того, что без его помощи он бы отправился за Грань, мешало высказать то, что думается.

— Двести золотых! — всплеснул руками Унс — Достойный пенсион! И все опять пошло прахом! Да сколько же можно! Когда это кончится!?

— Как только мы разберемся с нашими проблемами, все образуется — холодно сообщил ему Гарольд — Слова Эраста я подтверждаю. Вы будете получать от моей семьи двести золотых ежемесячно, правда, с одной поправкой.

Знаю я этот его тон. Что-то он задумал, и, полагаю, магу это не понравится. Лишь бы дров не наломал.

— Еще и с поправкой! — скорчил забавную рожицу Унс, напомнив мне комедиантов из Форнасиона. Когда мы там были, они на площади выступали и среди героев пьесы был такой капитан Умберто, ему все время не везло. Наш маг был чем-то в этот момент на него похож — Вот уж нет! Слово было дано!

— И я его сдержу при первой возможности — совсем уж неприязненно произнес Монброн — Сказано же — вы получите свои деньги. Но при этом вам придется проживать в моем родовом замке, и взять

на себя обязанности лекаря при моей семье. Как я убедился, вы с ними справляетесь блестяще. И, будь вы при моем отце в его последние дни, возможно они не стали бы таковыми.

— Кем? — Унс взъерошил свои седеющие волосы — Кем я должен стать?

— Лекарем — тон Монброна из неприязненного поменялся на ехидный — Семья у меня большая — матушка, пять сестер, да и родня часто у нас гостит. То одно, то другое... И, если совсем уж напрямоту, которая между нами, сестры мои, они... Как бы сказать... Не всегда блюдут родовую честь. В определенном смысле. И это, случается, некоторым образом в них оказывается, да так, что и говорить неловко. Я всегда не приветствовал их походы к знахаркам, если начистоту. А вот вы...

Унс хотел ему что-то сказать, но, как видно, это было ему уже не под силу. Он выставил вперед руки, скрючил пальцы так, будто удавить кого-то хотел, потом промычал что-то невнятное, погрозил нам пальцем, причем каждому по очереди, а после цапнул бутылку вина и присосался к его горлышку.

— Нет, если вы не хотите, тогда я буду очень опечален — Монброн тяжко вздохнул — Разумеется, ваш поступок по отношению ко мне не останется без награды, это само собой. Но и обещание, которое дал Эраст, в этом случае я выполнять не стану. Пенсион платится не просто так, вы же это знаете. Он назначается за что-то, за некие заслуги. И я готов предоставить вам возможность доказать нашей семье, что вы его достойны. Как по мне — это справедливо.

— И все это при условии, что нам удастся восстановить честное имя и права Гарольда — добавил я.

— А твой приятель посмекалистей будет, Эраст фон Рут — просипел Унс, отрываясь от опустевшей бутылки — Правда и понаглее.

— Да уж, ему по роже просто так не съездишь — подтвердил я, потирая щеку.

— Это потому что ему от меня ничего сейчас не нужно — Унс отбросил бутылку в угол — Помирай ты вон на той же самой кровати, он бы и не то стерпел. Правда, в отличие от тебя, затаил бы на меня зло и при случае свел счеты. Ты другой, не такой как он.

— Эраст, этот господин позволил себе ударить тебя? — полюбопытствовал Гарольд, нахмурившись.

— За дело — ответил я — У меня к нему претензий нет. И потом — он маг, а мы подмастерья. Пусть не его, но все же. Другие у нас отношения, не такие, как у людей.

Гарольд поморщился, но ничего не сказал.

— А не боитесь, что я сейчас соглашусь, а после пойду, да и сдам вас кому следует? — Унс взял недопитую мной бутылку вина, понюхал его и отхлебнул изрядный глоток — Ну да, награда выйдет поменьше, но зато удовольствия сколько.

— Не боимся — безмятежно ответил Монброн — Вы врачивали преступника вместо того чтобы сразу сообщить о его местонахождении. В лучшем случае вам дадут плетей вместо награды. Мы же вас покрывать не станем, да, Эраст? Наоборот, расскажем все как есть, а то еще и от себя чего-нибудь добавим.

— Да вы еще и маг — добавил я — Так что нас четвертуют, а вас и вовсе сожгут.

— Хитрые, да? — усмехнулся Два Серебряка — Умные. Стратеги. Думаете, что все так просто? Эх, детишки... Если бы я захотел, все случилось бы так, как это нужно мне.

— Отчего же не хотите? — Гарольд было попытался встать, но поморщился, и снова уселся на кровати — В чем же дело?

— Не хочу — Унс снова отхлебнул вина — Считайте это моей маленькой чудинкой.

— Тогда подведем итог — предложил Гарольд — Я вам озвучил свое предложение, ваше право на него согласиться или от него отказаться. Повторюсь — награду за то, что спасли меня вы получите в любом случае, и достойную. Тому порукой моя честь.

— Да, сразу видно, что твои карманы набиты золотом — фыркнул Два Серебряка — Значит, пойти к твоей семье в лекари, врачивать мигрени матушки и избавлять от нежданных сюрпризов природы твоих сестриц? А то еще и срамные хвори слуг лечить. Заманчиво, заманчиво.

— Гарольд, если он откажется, оставь это место за кем-то из наших соучеников — попросил друга я — За двести золотых в месяц, да еще с роскошными покоями в замке и отличным столом наверняка кто-то согласится. Тот же Жакоб или Михаэль знаешь, как рады будут! Забери меня демоны, да я бы и сам не отказался. У нас в Лесном краю за две сотни золотых поместье купить можно. Пусть и небольшое, зато свое.

— Да так-то оно все ничего — Унс не сводил с Гарольда глаз — Вот только, выходит, мне теперь еще и потрудиться придется, чтобы это все получить. Вы двое положительно неспособны решить возникшие у вас проблемы. Пока ваши поступки приводили только к тому, что дела становились все хуже и хуже.

— Мы в состоянии постоять за свои интересы — заявил Монброн.

— Я вижу — Унс пнул ногой шпагу с проклятым лезвием, валяющуюся на полу — Нет уж, друзья, если позволить вам самим дальше решать свои вопросы в таком ключе, то все, что я уже сделал, станет совсем напрасным. Не могу сказать, что твое предложение, Монброн, это то, чего я хотел от жизни, но, с другой стороны, возможно это последний шанс, который мне предоставляет судьба. Унизительный, и где-то даже забавный, но шанс.

Сдается мне, что где-то здорово его поломала жизнь. Не знаю, как и отчего, но очень похоже на то.

Вот только вряд ли он нам про это расскажет.

— С чего вы взяли, что нам нужна ваша помощь? — изумился Гарольд
— Я о ней вас не просил.

— И не попросишь — Унс отхлебнул вина — Ты благородный, тебе не по чину подобное. Да и не вам я собираюсь помогать, а себе. В данном случае я защищаю свои интересы и свои деньги, на вас мне почти плевать. Наши цели на время совпали, но и только. Такая формулировка тебе устроит?

— Вполне — подумав, согласился Гарольд — Но только оставьте свои замашки. Никаких затрецин и хватания за волосы.

— Поглядим — расплывчато сообщил Унс — А от себя напомню тебе, что я все-таки полноценный маг, а ты только подмастерье. Твой приятель верно заметил — пусть я и не ваш наставник, но это не снимает с тебя определенных обязанностей. Например — проявления почтения к тому, кто как минимум старше и опытнее тебя.

Гарольд приложил ладонь к сердцу и чуть наклонил голову, признавая его правоту.

— Эраст, ты-то что стоишь? — тут же рявкнул на меня Два Серебряка
— Ты не забыл, что нас с тобой нынче ждут на ужин?

— Нас? — изумился я — Я-то тут при чем? Не-не-не, такого уговора не было.

Не скажу, что персона Борна меня сильно пугала, но, тем не менее снова повидаться с ним я не стремился.

— Какие еще уговоры? — почти ласково сообщил мне Два Серебряка
— Тебе веры теперь ни на грош нету. Делай, что говорю!

— А что делать-то? — спросил у него я, не понимая, что именно он от меня хочет.

— Поройся в гардеробных, может найдешь одежду поприличней, чем костюм слуги — объяснил мне Унс — Не пустят тебя в «Старый замок» в подобном наряде, нечего там слугам делать. И без того придется Борну

объяснять, почему ты слугой был одет. Днем он в расстроенных чувствах был, вот и не сообразил сразу, но потом наверняка додумался, что есть в этом какое-то несоответствие.

— А Борн — это кто? — спросил Гарольд.

— Лучше тебе не знать — отозвался я, почесывая затылок и прикидывая, где мне раздобыть новую одежду.

— Борн — это Борн — раздраженно бросил Унс и недовольно спросил у меня — Ты сороконожка?

— Да вроде нет — окинул себя взглядом с головы до ног я.

— Если не поторопишься — станешь ей — пригрозил мне маг — Поверь, я поставлю себе задачу вывести формулу заклинания, которое человека превращает в это неприятное насекомое. И опробую его на тебе.

— За что? — жалобно спросил его я и глянул на Гарольда, в надежде на поддержку, но тот только развел руками.

— Не за что, а «почему» — уточнил Унс — Потому что только сороконожка рассуждает, с какой ноги ей начинать идти куда-то. Она — и ты. Других таких неповоротливых и тупых существ в природе нет.

— Вы очень много общались с нашим наставником — не выдержав, сообщил магу я — Чересчур. И переняли от него не самые лучшие черты.

— Извините, месьор Монброн, но наши договоренности по ряду вопросов, увы, будут нарушены — вызывающе-галантно раскланялся перед моим другом Два Медяка, а после меня из комнаты выбросил увесистый пинок, сопровождаемый приказом — И чтобы в своем рванье не возвращался!!! Там приличное место, я не хочу опозориться из-за тебя.

Ради правды, мне повезло, что среди Лавиней, похоже, был мужчина моей комплекции. Ну, почти моего, живот у него был побольше, поскольку расшитый золотом бархатный колет был мне широковат. Хорошо хоть не очень сильно, вроде не очень это бросалось в глаза.

Зато по росту одежда села как влитая — ни длинно, ни коротко, самое оно.

Правда, с обувью была беда, потому пришлось мне натягивать свои сапоги, изрядно разбитые на дорогах войны и мира.

Кстати — кто бы говорил. Сам одет демоны знает как, а туда же...

С последним я ошибся. Оказывается, в сумке, которую я перенес дорогу от дома Унса, были его вещи.

Монброн с опаской смотрел на то, как более-менее прилично выглядящий маг превращается в не пойми кого. Один камзол с нашитыми на него блестящими стекляшками чего стоил.

— Может, лучше было где-нибудь там это надеть? — жалобно спросил

у Двух Серебряков я — Нам же еще тут пару-тройку дней отлеживаться надо. Не дай боги кто вас заметит, подумают, что здесь притон обосновался, да стражу вызовут.

— Вот какие вы все-таки неприятные юнцы — сварливо бросил Унс, поправляя отложной воротник относительно свежей сорочки — Невоспитанные, дикие какие-то. Ужас. И не скажешь, что в вас течет благородная кровь.

— Какие есть — не выдержал я — Что выросло — то выросло. Да и потом — Борн этот ваш...

— Борн, Борн — Гарольд потер лоб — Знакомое имя, а вспомнить не могу. Стоп. Борн — это сокращенное от Борнеллия?

— Именно — многозначительно подтвердил Унс — От Борнеллия.

— Так вы, значит, кхм... — Гарольд как-то по-особому взглянул на мага — Он просто... Не такой как все.

— Все мы разные, и все мы дети богов — на редкость благочинно сообщил ему Унс — Так что нечего тут разводить диспуты на тему того, кто что из себя представляет. Тем более вам двоим в нынешнем положении.

— Даже не буду спорить — не раздумывая, ответил Гарольд — Эраст, ты знаешь кому этот самый Борн приходится родным младшим братом?

— Откуда? — немного раздраженно ответил я.

Да и с чего мне радоваться? Я думал на сапоге у меня царапина, а оказалось дырка в ранней стадии. Это меня крайне опечалило, денег на новые у меня не было.

— Месьору Отилю — веско сказал Монброн и подмигнул мне.

— И? — вернул я ему подмигивание — Что с того?

— Я тебе его показывал — немного рассердился мой друг — Как можно быть таким невнимательным? Месьор Отиль. Постельничий его величества.

— А, да — признал я — Помню что-то такое.

Я вспомнил грузного дядьку, который обнимал Монброна, и обещал ему поддержку. Вот только теперь, познакомившись с его младшим братом и задумавшись, что там за объятия были.

— И это не единственное достоинство моего славного Борна — заметил Унс, накидывая на плечи плащ, который, к моему немалому облегчению скрыл красоту его одеяний — Самое главное для меня лично заключается в том, что он еще и богат, а потому всегда может заплатить за славный ужин, и ссудить некую сумму магу, который временно оказался не у дел.

Мне было бы что сказать по этому поводу, но я не стал. В конце

концов, у меня в прошлом тоже много разного всякого случалось. И даже похуже. Так что, если кому и осуждать Два Серебряка — так это не мне.

Но человек он все равно очень неприятный. И еще — памятливый.

— Да — уже собираясь покидать дом, обратился он к Гарольду — Скажи, Монброн, ты не подаришь мне эту безделушку?

Речь шла о шпаге, которая так и валялась на полу.

— Нет — покачал головой мой друг — Не подарю. По крайней мере сейчас точно нет.

— А какая разница между «сейчас» и «потом»? — полюбопытствовал Унс.

— Моя шпага где-то в «Башне-на-площади» — пояснил Монброн — Когда нас арестовали, ее у меня забрали. Пока она не вернется ко мне, я буду пользоваться этим клинком. Он честно взят в бою и не подведет меня. По крайней мере никто никогда не слышал, чтобы эта примета давала сбой.

Есть такая примета, верно. Клинок, который ты взял у поверженного противника будет служить тебе верой и правдой, даже, возможно, лучше, чем тот, что ты купишь у торговца оружием или кузнеца.

— Сколько же мусора у вас в головах — покачал головой Унс и вышел из комнаты.

— А еще я не теряю надежду на то, что раньше или позже мы встретимся с дядюшкой — Гарольд встал с кровати, подошел к шпаге и поднял ее с пола — И тогда мне точно будет нужен хороший клинок. Такой, который не подведет. И, если надо, все равно доведет дело до конца.

Если бы дядюшка Тобиас видел в этот момент его лицо, то, пожалуй, он бы крепко пожалел, что сэкономил на убийцах. Но вот это «если надо» мне очень не понравилось. Не думаю я, что такое нужно не то, что произносить, но даже и думать. Боги все видят и слышат.

Надеюсь, они слышали и бесконечную брань Двух Серебряков, которая сопровождала меня всю дорогу до города. Да и после он то и дело что-то бубнил себе под нос. Ну да, пришлось опять лезть через овраг и кустарник, но я же не виноват в этом? Это жизнь, она и не такие подножки ставит. Именно на это и можно списать падение Унса, зацепившегося ногой о корень. Ну, почти о корень, моя нога там, рядом с ним, оказалась совершенно случайно. Честное слово.

К тому же у меня тоже полно поводов для расстройства, может, даже и побольше чем у иных, недовольных жизнью, магов.

Например — я никогда до того не бывал в заведениях, подобных «Старому замку». Харчевни, трактирчики, даже бордели — это да, это мое. Мне там привычно, мне там хорошо. А вот в этом месте... Как бы не

оплошать. Очень уж тут много света, прислуги и народ вокруг за столами сидит такой, что не по себе становится.

Даже мастер Гай, когда меня натаскивал по дороге в Кранненхерст и то в такие места не водил.

Но и это не главное. И даже не то, что мой сапог, похоже, не переживет этого вечера.

Самая большая неприятность поджидала меня впереди.

Борн уже был там, он ждал нас, и, как только завидел, сразу вылез из-за стола, раскинул руки в разные стороны и громко сообщил:

— Родные мои, я уж заждался.

Сначала он обнял и облобызal Унса, который, не смущаясь взглядов из-за столов, небрежно погладил его по филейной части.

Но потом это вымазанное белилами чудо полезло обниматься ко мне! Мало того — оно еще и ткнулось мокрыми губами в мою щеку.

Если об этом узнает хоть кто-то из моих друзей, то мне придется бросить вызов Ворону и героически погибнуть в поединке с ним. Победить наставника я не смогу, а оставаться после такого в школе положительно невозможно. Жизни не будет, это уж наверняка.

— Ты приоделся, мой хороший — одобрительно погладил меня по плечу Борн — Вот, совсем другое дело. А я еще подумал — странно, племянник уважаемого человека, торговца, а носит костюм слуги.

— Специально — подал голос Унс, который уже сидел за столом и даже набулькал себе в бокал белого вина — Знаешь, если хочешь стать невидимым, оденься как все.

— Это не про нас — заулыбался Борн и подсел к нему — Лютер, голубчик, что ты стоишь? Иди к нам!

— Иду, дядя Борн — выдавил из себя я и присел напротив них.

— Закажи себе, что хочешь — радушно предложил брат постельничего

— Но я бы рекомендовал тебе фрикасе из куропаток. Оно тут великолепное, великолепное! Можешь мне поверить. Еще сегодня дивно хороша томленая шея ягненка.

— Ему можно верить — подтвердил Два Серебряка — Заказывай.

Фрикасе и вправду оказалось отменное, как и ягненок. Будем считать, что это моя маленькая компенсация за неприятный момент.

Я с аппетитом поглощал еду, запивал ее потрясающим вином и прислушивался к разговору между Унсом и Борном. Сам я в него не лез, ибо не моего это ума дело. Нет, Борн, как видно из вежливости, задал мне несколько вопросов, а после практически забыл о моем существовании, что было просто прекрасно.

— Вот такие дела — заканчивал Унс грустную историю о том, как у него сорвался очередной заказ на сотворение какой-то невероятной волшбы для короля некоей сопредельной державы — Они мне говорят — поехали с нами, будешь как сыр в масле кататься. А я им — нет, уважаемые, не могу. Здесь, в этом городе, останется мое сердце, а без сердца маг — не маг. Что я могу без него? Да и мысли мои тоже все время будут тут, рядом с тобой. Так и не поехал. Демоны с ними, с деньгами. Всех не заработкаешь.

— Как трогательно — даже прослезился Борн и обратился ко мне — Лютер, правда это так возвыщенно, так поэтично и так мило?

— Не то слово — с набитым ртом подтвердил я — Вот это отношения!

Надо признать — работа мастера. Хоть и непотребная, но высочайшего уровня!

— А что в городе слышно? — спросил у Борна маг — Я с этой всей возней как-то выпал из жизни.

— Да ничего особенного — поправил волосы Борн — Герцог Форенский купил себе картину какого-то старинного мастера, ее еще до Века Смуты написали. Заплатил за нее столько золота, сколько поместились на ней. Знаешь, прямо на полотно клали золото и выстраивали из него столбики. В каждом по десять золотых. Огромная сумма!

— Да уж — признал Унс — Впечатляет.

— Еще у графини ле Рант ребеночек родился — жеманно хихикнул Борн, прикрыв рот — Все бы ничего, но она рожает уже третьего за последние четыре года.

— Так обычное вроде дело — изумился я, вытерев рот салфеткой — Чего им, женщинам, еще делать, как не рожать?

— Так-то оно так — Борн, совсем уж развеселившись, щелкнул меня по носу — Вот только мужа ее, графа Антуана, пять лет назад на поединке убили. Он что же ее, из-за Границ посещает?

Мы посмеялись.

— А, вот — щелкнул пальцами Борн — Забавнейшая история. На днях двух молодых людей, один из которых принадлежит к древнейшему роду, везли на Судную площадь. Не знаю, что они натворили, да это и не важно. Важно то, что эти дурачки взяли, да и сбежали прямо вместе с тюремной каретой. Как вам?

— Почему дурачки? — удивленно спросил я, и тут же заработал неодобрительный взгляд Унса.

Как видно, это был вопрос, который должен был задать он.

— А кто же они еще? — изумился Борн — Их ведь освободить на площади должны были!

Глава 12

Я брякнул вилкой по тарелке, кусок ягненка застрял в горле. Унс неодобрительно посмотрел на меня и уточнил у Борна:

— Вот прямо освободить?

— Ну, не то, чтобы совсем. Но казнить бы их не стали наверняка, и даже, возможно, в башню не вернули. Отправили бы во дворец, в палаты Раздумий до оглашения королевской воли, вот и все.

Я, если честно, опешил невероятно. Это с чего такая перемена нашей участи. И что такое «палаты Раздумий»?

— Вот дела — Унс отправил в рот кусок мяса — Это с чего такая доброта? Наше королевское величество вроде не склонно к прощению преступников.

— Так-то так, но тут... — племянник постельничего понизил голос — Просто я слышал... Ну, ты понимаешь, да? Так вот — я слышал, что за этих юнцов просили очень и очень влиятельные люди. Причем такие, которым наш славный король не пожелал отказывать.

— Ишь ты — Два Серебряка тоже стал разговаривать потише — А кто, если не секрет?

— Асторг — многозначительно произнес Борн — Да-да-да. За них просили представители Асторга. Уж не знаю, как эта парочка молодых авантюристов с ними связана, но мне это известно доподлинно.

— Интересно, очень интересно — Унс посмотрел на меня, пожевал губами, и размял ладонь — Прямо чудеса какие-то. Асторг, ну надо же.

Рози. Ее рук дело. Семь демонов Зарху, мой долг перед ней все растет и растет.

— На самом деле тут вообще многое непонятно — добавил Борн — Его величество даже запретил выносить детали произошедшего за пределы дворца. Не под страхом смертной казни, разумеется, но тем не менее. Там все так сложно! Представляешь, на карету, в которой перевозили юношей, напали головорезы из «Ночных убийц», небось эту парочку хотели прикончить. Но вышло все наоборот, потому что именно их трупы и обнаружила стража. И тем, как именно этих негодяев прикончили, заинтересовался Орден Истины, причем нешуточно так. Я слышал, что там в ход пошла магия, а они этого не любят.

— А что король? — тут же спросил Унс.

— Что король? — Борн отпил вина — Хотят копаться — пусть

копаются. Но даже если даже речь идет о магии, то по всему выходит, что юноши обронялись, так что это не преступление. Причем, что примечательно, наш славный король даже озвучил эту мысль вслух и в присутствии эмиссара Ордена.

И вот тут я снова пожалел о том, что тогда пустил в ход магию крови. «Кувалда» Монброна в этой ситуации выглядела совершенно приемлемо. А вот мои заклинания... Хоть официально они и не запрещены, но все знают, что некромантия и магия крови ну очень не приветствуются Орденом Истины.

Зато теперь понятно, почему на наш след до сих пор не встали королевские ищечки, чего я опасался больше всего. В розыске-то мы в розыске, но, как видно, особо при этом никто не напрягается. То ли сбежать дают, то ли еще чего.

— Да, там еще забавное было! — продолжил вываливать на нас информацию Борн — Король, когда заинтересовался этой историей, решил разобраться из-за чего весь сыр-бор. Все-таки один из сбежавших юношей Монброн Силистрийский. Не старший сын, конечно, но все же. Не мог юноша из такой семьи просто так взять, и встать на путь порока. Разное бывает, любой не без греха, но не настолько же?

— Да-да, ты совершенно прав — подтвердил Унс — Ну, и что дальше?

— И выяснилось такое! — Борн даже зажмурился от удовольствия — Там, оказывается, Тобиас Монброн-младший замешан! Ну, тот, что одно время поставлял лошадей в королевские конюшни! Оказывается, он вошел вговор с чинами из королевской стражи и, используя их, хотел отправить племянника на плаху.

— Это доказанный факт? — сразу спросил маг.

— Нет, конечно — Борн взял из блюда с фруктами вишненку, и, аппетитно причмокнув, отправил ее в рот — Тобиас отнекивается, младшие чины, что выполняли его поручения частью исчезли с тюремной каретой, частью внезапно покончили с собой. Расспросить некого, а потому Монброн-младший кричит во весь голос, что это оговор и козни завистников.

— А король? — не удержался от вопроса я.

— А король отправился на охоту — дружелюбно ответил Борн и потрепал меня по щеке — Кушай-кушай, а то ты бледненький такой. Ты молод, тебе надо много есть.

Бледный я был от того, что у меня от сердца отлегло. Иные в таких случаях краснеют, а я бледнею. Я-то думал, что наше дело совсем дрянь, а оказывается, все не так уж и плохо.

А еще я окончательно уверился в том, что Карл и Эбердин не в никуда съехали из гостиницы. Теперь я наверняка знал, что они рядом с Рози. Вот только где искать саму де Фюрьи? Где она обитает в этом городе?

Хотя — это я не знаю. А Монброн сообразит, что к чему. В конце концов, кто из нас двоих силистриец?

— Я вас покину на минуту — сообщил нам Борн и подмигнул Унсу — Не скучайте.

Он встал из-за стола, послал воздушный поцелуй какому-то расфранченному господину, который только что вошел в залу «Старого замка», и, чуть пошатываясь от съеденного и выпитого, направился куда-то в сторону кухни.

— Так-так — произнес Унс, выбил пальцами по столешнице нечто вроде походного марша, а после поднялся и приблизился ко мне — Так-так.

— Что та... — было начал я, но тут же замолчал.

Тонкие и очень сильные пальцы мага ухватили мою нижнюю губу, причем настолько сильно, что я еле удержался, чтобы не взвизгнуть.

— О чем ты еще не рассказал мне, Эраст фон Рут? — задушевно спросил Два Серебряка у меня — О какой незначительной детали ты не упомянул в своем рассказе? Или представители знати Асторга заступаются за тебя и твоего приятеля исключительно по причине благородства и желания помочь всем, кого оболгали? Если ты сейчас скажешь, что это так, то я вырву тебе губу.

— А пофему бы и неф? — промычал я, моргая глазами, из которых чуть ли не слезы лились.

— Потому что это Асторг — наклонился ко мне Унс — Тамошняя знать пальцем не шевельнет ради ближнего своего, если у них в этом нет какого-либо интереса. А тут — заступничество перед королем другой державы. Эраст, не зли меня.

И он чуть крутанул мою губу. Чуть-то чуть, да у меня звезды из глаз посыпались.

— Фы не офни тут быфи — решил не темнить я.

В конце концов, теперь участие Рози в наших приключениях скрывать смысла нет, оно так и так всплынет. Да и не такая это страшная тайна.

— Еще раз и членораздельно — Унс отпустил мою губу и вытер пальцы о мой же колет — Что «фы»?

— Мы не вдвоем в Форессу прибыли — пояснил я, трогая губу — С нами была еще одна наша соученица, Рози. Она родом из Асторга.

— Рози — Унс выставил перед собой ладонь, давая мне понять, что имени ему маловато.

— Де Фюрьи — буркнул я.

— Слушай, а неплохих учеников себе Герхард набрал — заметил Унс, усаживаясь на свое место — Нет, это я не о тебе, не надо себе льстить. Монброн, де Фюрьи. Фамилии-то какие! Я впечатлен. К таким фамилиям, да еще бы и головы на плечи!

— Нормально все у нас с головами — стало вдруг обидно мне за своих соучеников.

— Не заметил — насмешливо произнес Два Серебряка — Если все ведут дела так, как ты, то вряд ли.

— Вы не спрашивали, был ли с нами кто-то еще — заявил я — Чтобы получить развернутый ответ, надо задать правильный вопрос.

— Поговори мне еще — Унс залез в карман и достал оттуда небольшой кожаный мешочек с завязками — Разошелся. Мы с тобой еще завтра по душам пообщаемся, поверь.

Может, про Карла и Эбердин ему сейчас сказать? Или лучше не надо? В конце концов они-то точно большой роли в дальнейшем не сыграют. Похоже, Рози сама почти управилась.

Эх, еще бы кто дядюшку Тобиаса пришиб между делом, и все совсем хорошо стало бы.

— Чего заулыбался? — Унс достал из мешочка щепотку бурого порошка, глянул по сторонам и высыпал его в бокал Борна — От одного места отлегло?

— Есть такое — не стал отпираться я — Скажите, Унс...

— Ты можешь называть меня просто — «наставник» — милостиво разрешил мне Два Серебряка — Герхарда тут нет, я, получается, за него буду. Кто-то же вас, недорослей, должен спасать?

Сдается мне, он крепко завидует нашему Ворону как раз в том, что он получил право набрать учеников.

Ну, не знаю. Так-то ничего такого в этом нет страшного, но с другой стороны кто знает, как на подобное отреагирует наш настоящий наставник, если об этом узнает.

А он узнает.

— Ага — кивнул я — Это, вы чего, хотите Борна того?

— Что, жалко его стало? — искоса глянул на меня маг.

— Он забавный — ответил я — С добром ко мне отнесся. Пожалуй, что да, жалко.

— Не яд это — усмехнулся Унс — Не волнуйся. Просто теперь он получит все то, что хотел, и я тоже. Не понял?

— Нет — признался я.

— Когда он проснется завтра утром, то будет уверен, что ночью реализовались все те причуды, о которых он мечтал весь предыдущий день — пояснил Два Серебряка — И будет совершенно счастлив. А я заверю его, что так оно и есть, за что получу от него небольшой приятно звенящий подарок.

Понятно. Дурман это какой-то. Нам про такие вещи наставник рассказывал, правда применительно к лекарским обязанностям. Ну, если совсем человек плох, то можно его отправить в небытие при помощи подобного зелья. Он уйдет спокойно и безмятежно, без боли и страданий. Правда, рецепта не дал, сказал, что мы совсем еще дураки и можем использовать его не по назначению. Да и не во всех королевствах подобные зелья можно использовать, кое-где они под запретом. Мол — боги на то страдания нам и посыпают, чтобы мы духом укрепились, и пришли к Престолу пройдя весь свой путь от начала до конца. Если уж суждено закончить жизнь в муках, то так тому и быть.

Но, если честно, Унса как-то даже жалко стало. Видно же, что маг он талантливый, сильный, а такой ерундой занимается.

А еще мне в этот момент подумалось о том, что тогда, в доме на берегу моря, он после предложения Гарольда смеялся не потому что нашел его унизительным, а по какому-то другому поводу. Как по мне, лекарем в знатном доме быть куда приятнее, чем вот таким образом промышлять.

— Так что давай, доедай что на тарелке осталось, и проваливай отсюда — продолжил свою мысль Унс — Зелье где-то через час действовать начнет, к тому времени мы должны будем переместиться на второй этаж, в отдельную комнату.

Я глянул на перекрытия потолка, потом на мага. Он кивнул — да мол, именно туда.

— Рецепт дадите? — полюбопытствовал я, вновь принимаясь за уже остывшего, но все равно очень вкусного ягненка — Зелья, в смысле?

— А чего еще ты хочешь? — ехидно поинтересовался у меня он — Вот наглец, а! Рецепт ему дай. Сам изобретай, лентяй.

— Ну, нет — так нет — даже не стал спорить я — Чего ругаться сразу? А другой вопрос можно?

— Валяй — маг взял из вазы с фруктами кисть винограда — Любознательный ты наш.

— Что за место «палаты Раздумий»?

— Надо же, и услышал, и запомнил — Два Серебряка отщипнул виноградину, прозрачную как слеза — Тюрьма это, Эраст. Та же самая тюрьма, только для особ благородных кровей. Находится она в королевском

дворце, и попадают туда исключительно те, чью судьбу будет решать сам король.

— Так он вроде судьбу всех преступников решает? — не понял ответа я.

— Далеко не всех — возразил мне Унс — На душегубов из подворотни или конокрадов ему наплевать. Там все делают судейские, а он только приговоры подписывает, даже не читая. Да тебе ли самому этого не знать?

И вправду, глупость сказал. Нас-то, по сути, без его ведома и приговорили. Правда, тут подкуп место имел, но тем не менее.

— Нет, тут другое — Унс покрутил головой — Слушай, куда Борн запропастился? Так вот — тут другое. Речь идет о знати, чья вина в содеянном преступлении сомнительна, не доказана или же доказана, но королю жалко казнить этого человека. Вот они и попадают в палату Раздумий. За то время, что я тут живу, из нее на эшафот отправилось всего человек пять. И то только потому что там по-другому было никак нельзя. Один был растлителем, другой казнокрадом, третий всю родню ради наследства потравил. Ну, и остальные не лучше. Но это уже не правосудие, это политика, их казнить надо было непременно, а то народ не понял бы. И придворные, что важнее.

— То есть, если мы туда попадем, то можно за дальнейшее не переживать? — подытожил я.

— Не знаю — пожал плечами маг — Я не провидец. Одно скажу — попади вы туда, то смотреть надо в оба. На темных улицах иногда спокойней, чем в королевском дворце. И еще — лучше всего вам там ничего не есть. От яда, знаешь, ни одна охрана не спасет.

В это время к нам вернулся Борн, который, казалось, за время отсутствия захмелел еще больше.

— Мои друзья — томно просопел он, плюхнувшись на стул — Как же я вас всех люблю!

— А мы то! — в тон ему ответил Унс и поднял бокал с вином — Выпьем за нас, верных и преданных друг другу людей!

— Выпьем — со слезой в голосе поддержал его Борн — До дна!

Унс выждал пока я доем своего ягненка, отправлю следом за ним три пирожка с вишней, которые подали сразу по возвращению Борна, а после сообщил:

— Лютеру, увы, пора.

— Как? — опечалился Борн — Уже? Я думал, мы еще посидим, поболтаем. Он такой славный мальчик!

— Этому мальчику завтра еще многое предстоит сделать — мягко, по-

отечески объяснил Два Серебряка — Ой, какой тяжелый завтра у него день будет. Ему высаться надо.

— Это правильно — тут же сменил свою точку зрения совсем уже захмелевший брат постельничего — Это верно. Распорядок дня прежде всего. Мне моя матушка всегда так говорила.

— Все мамы одинаковы — встал я из-за стола — Дядя Борн, спасибо за великолепный ужин и прекрасную компанию. Дядя Унс, до завтра.

— А где ты остановился, сынок? — озабочился вдруг Борн.

— В гостинице — неопределенно махнул рукой я — Там.

— Зачем же? — простосердечно удивился толстяк — В них ведь шум вечно, вонь, клопы... Бррр! Переезжай ко мне в замок. Вот прямо сейчас туда и отправляйся. Найдешь там моего управляющего, Монта, скажешь, что я велел устроить тебя в гостевых покоях на третьем этаже.

— Пожалей молодого человека — попросил разошедшегося Борна маг — Ночь на дворе, а он не местный. Где он будет искать твой замок? Вот завтра, с утра...

— Верно — вздохнул приятель Унса — Ночь, ночь, ночь! И в эту ночь всем хочется немного любви!

Зелье явно действовало. Зрачки Борна изрядно расширились, испарина покрыла его лоб, а язык ощутимо заплетался.

— Буду — пообещал я — Как рассветет — так сразу к вам.

Крепко сомневаюсь, что назавтра он вспомнит мои слова. И это хорошо. Зачем человека расстраивать?

А над Силистрией и впрямь стояла ночь. На небо высыпали звезды, а на улицы — народ. Я так понял, что в Форессе вообще люди не любят сидеть дома в темное время суток. Что в Центральных королевствах, что в герцогствах, которых я повидал немало по дороге в Вороний замок, подобное принято не было. Как солнце село, так жители сразу поужинали и спать. На улице после заката только стражу да шлюх и встретишь. Ну, и грабителей, куда без них?

Тут же — шум, гам, особенно на главной площади. Музыка играет, фонари горят, девушки смеются.

Прямо завидно мне стало. Живут же люди — весело, безмятежно. Нам такого на роду не написано, нам, похоже, всю жизнь либо воевать, либо убегать, либо догонять.

Впрочем, по мере удаления от главной площади улицы пустели. То ли тут народ постарше жил, то ли все, кто хотел повеселиться этой ночью уже ушли на гулянку.

Пару раз мне заступали дорогу какие-то хмурые парни с недобрными

взглядами, но обошлось. Я бряцал шпагой, с эфеса которой не снимал ладони и не прятал взгляд. Не знаю, грабители это были или нет, поскольку до драки так дело ни разу и не дошло.

И слава богам. Шпага была препаршивенькая, одна видимость. Гарольд, глянув на нее, хмыкнул и назвал «церемониальной». Очень верное слово. Для церемонии сойдет, а для серьезного дела точно нет.

Вскоре я покинул пределы города, вдохнул полной грудью свежий воздух, в котором явственно ощущался запах моря, поплотнее запахнул плащ, и двинулся к знакомой рощице, за которой начинался изрядно надоевший мне овраг. Честно скажу — в темноте по колдобинам лазать — очень сомнительное удовольствие, но выбора нет. Даже отсюда были слышны голоса жителей летних домов, которые, похоже, ужинали на свежем воздухе, плюнув на зябкую ночную прохладу. А может, их слуг. В данном случае для меня разницы никакой, попадаться на глаза ни тем, ни другим не следовало. Значит — опять спотыкаться в овраге, прорицаться сквозь кусты и красться по темным улицам, не вылезая из тени домов.

Подумав про это, я глубоко вздохнул, а вот выдохнуть не успел — чей-то кулак со всей дури воткнулся в мой живот, выбивая из него воздух.

— Руки — громко шепнул кто-то — Руки вяжи, он маг!

Я попробовал крутнуться ужом, но мне сразу перепало еще два раза — по ногам, отчего я повалился ничком, и острым носком сапога в бок. Это было очень больно, носок, похоже, был окован сталью. Сталкивался я с такими в Раймилле, когда меня слуги одного купца поймали на краже и сами решили наказать. Три недели потом кровью ходил, и в груди очень сильно екало, будто сердце выпрыгнуть хотело.

После мне заломили руки за спину и перехватили их тонкой, но очень прочной веревкой. Такую не распутаешь. Да и связали умело, со знанием дела.

Да это все ладно, меня мучал один вопрос — кто это? Если королевская стража — то это ерунда, в свете сегодняшних новостей есть шанс выпутаться.

А вот если Орден Истины, то мои дела плохи. Тут они, может, делать мне ничего и не станут, все по той же причине, но никто не помешает им вывезти меня в другое королевство и там уж...

Добро, если просто сожгут. А если всплынут прошлогодние дела, с доносом на Ворона, который мы все так и не подписали? Как отправят в подвалы к заплечных дел мастерам, те как начнут кости дробить... Не дай боги!

Я ошибся. Это были ни те, и ни другие. Меня зацепали ребята в темно-

синих масках, те самые, что из арбалета стреляли, когда мы с Монброном бежали из-под стражи. И о которых я даже думать забыл.

— А вам чего от меня надо? — удивленно спросил у них я.

Другого, более умного вопроса, мне в голову в тот момент не пришло.

— Что надо, то и надо — сообщил мне один из них, я успел заметить, как он взмахнул рукой, а дальше — не помню.

Очнулся я от того, что в лицо мне плеснули холодной водой.

— Вот до чего же у вас скверная страна — отплевываясь, высказал я все, что накипело на душе, высокому мужчине в маске, стоящему передо мной — Мне друг рассказывал, что тут народ веселый, гостеприимный и беззлобный. И где это все? Меня то заключают под стражу, то везут на казнь, а по лицу я вообще получаю трижды в день. Да тьфу на эту вашу Силистрию, чтобы я сюда еще когда хоть ногой!

— Ваш друг, а мой, соответственно, брат, не врал — сообщил мне девичий голос — Силистрия действительно такова. Просто вам не повезло, вы приехали не в самое лучшее для нашей семьи время. Так бывает. «Черная весна», одним словом.

— Весна как весна — повертел я головой, выискивая обладательницу этого голоса — Обычная.

Мы были уже не в лесу. Это был дом, причем зажиточный. Дубовая мебель, шелка на стенах. И очень скучное освещение, одна свеча на столе.

Это куда же меня занесло? Неужто обратно в замок Монbronов?

— «Черная», милейший барон, «черная» — девушка вышла из тени — Есть у нас такая примета. Если свиристели в марте не прилетели, значит, добра от этого года не жди. Нынче весной так и случилось. «Свиристель» — это птичка такая. Маленькая, серенькая, но очень красиво поет. И заявились они в наши края только на той неделе, сильно позже положенного.

— Догадался, что птичка, а не рыбка — уставил я на девушку — Доброй ночи, Луара.

— Не припоминаю, чтобы Гарольд успел нас представить друг другу — непрятворно удивилась девушка — Тогда вообще все так стремительно случилось. Или он вам про нас рассказывал? В этом случае я очень изумлена, мне всегда казалось, что он нас от мебели не отличает. И даже имен не помнит.

На самом деле все было просто. Я тогда, в замке, только эту остроносенькую девицу и запомнил, потому что она хоть как-то отличалась от четырех других сестер моего друга. А потом Гарольд упомянул ее имя, сказав, что у Луары хоть какие-то мозги есть, в отличии от остальных.

Стало быть, она и есть.

— Все он помнит — я поерзал на стуле, очень уж тело затекло. Кстати — шпаги у меня на поясе не было — И имена, и прочее разное. Скажите, а меня обязательно связанным держать? Руки немеют, больно туга узлы затянули.

— Конечно нет — Луара подала знак человеку в маске, тот зашел мне за спину и перерезал веревку — Вы не обижайтесь, барон. Мы были вынуждены вас связать, в противном случае вы ведь защищались бы. Сами говорите — все вас норовят избить или убить, и оттого любой человек ваш враг. А вы же еще и маг! Вот и подумайте — что нам оставалось?

— А бить зачем? — поинтересовался я, разминая запястья — Ну, дали бы сзади по голове один раз — и все. Так нет, надо непременно в живот стукнуть, надо сапогом пнуть.

— Прошу меня извинить за эти неудобства — без тени иронии или ехидства сказала мне Луара, приложив руку к сердцу — А теперь главный для меня вопрос. Гарольд. Где он, что с ним? Он вообще жив?

Ага, так я тебе и сказал, где он. Прости, милая, но тебе веры нет, как и любому другому коренному силистрийцу. В вашем чудесном королевстве никогда не знаешь, с кем имеешь дело в настоящий момент.

— Не знаю — проворчал я, вставая со стула — О-ох, как все болит-то.

— Ложь ни к лицу благородному мужу — попеняла мне Луара — Вы не можете не знать.

— Почему? — поинтересовался я.

— Мой брат назвал вас другом — объяснила мне Луара — На моей памяти это случилось в третий раз. Если Гарольд говорит, что человек его друг, это значит, что он ему больше, чем кровный родственник, и он в нем уверен больше, чем в себе самом. Мой брат словом «друг» не разбрасывается, как некоторые. И потом — вы отправились за ним в тюрьму и на эшафот, хотя могли бы и избежать этой участи. Это значит, что и после вы вряд ли расстались.

— А кто были двое других? — заинтересовался я — Которых он друзьями назвал.

— Славные были господа — охотно ответила Луара — Базиль и Антоний. Они погибли. Один на войне, другой на поединке. И все же — Гарольд жив?

— Да — помедлив, ответил я — Не скажу, что совсем здоров, зацепили его изрядно, но сейчас идет на поправку.

— Главное, что жив — выдохнула девушка — И то хорошо. Давайте присядем, барон. У меня и вино есть.

— Нет-нет, вина не хочу — отказался я, памятуя слова о том, как

охотно в Силистрии пользуются ядами — И так голова гудит.

Человек в маске приставил к столу стул, на который присела Луара, я же свой подтащил к нему сам.

— Еще раз повторю — мне понятны ваши опасения — девушка налила себе в бокал вина из бутылки, стоящей на столе — Тем более, что с моими людьми, насколько я понимаю, вы уже встречались, и не при самых приятных обстоятельствах.

— Они хотели меня убить — подтвердил я.

— Не вас — Луара отпила из бокала — Вышла ошибка, точнее — накладка. Они должны были убить только ваших сопровождающих, а после доставить и Гарольда, и вас сюда, в наш летний дом.

Так мы в летнем доме Монбронов? Засмеяться бы, да не стану.

— Но все как всегда испортил дядя, этот старый хряк — лицо Луары чуть скривилось — Он нанял каких-то идиотов, которые нас опередили. Одно хорошо — он, как всегда пожадничал, потому вы остались живы. Поверьте, если бы за дело взялся Рикардо, то подобная оплошность была бы исключена.

Человек в маске отвесил мне полупоклон.

И вы знаете, в эти ее слова я как-то сразу поверил.

— Но все случилось как случилось — продолжила Луара — Люди Рикардо увидели карету, двух людей в плащах на ее «козлах» и поступили так, как должны были.

Резонно. И вправду — откуда им знать, кто управляет каретой?

— Не так — подал голос Рикардо — Тот, кто стрелял, промахнулся. Это непростительная ошибка.

— Спорный вопрос — подавив зевок, возразил я — Я лично к стрелку претензий не имею. Луара, это все понятно. Вы мне другое скажите — зачем вы все это затеяли?

— На то есть много причин — помолчав, ответила мне девушка. При этом я заметил, что она сжала свои кулаки до белизны — Но я назову три. Первая — нам надо сохранить нашу фамилию и нашу родовую честь. Второе — я не хочу лишаться того, что мне принадлежит по праву. И третье — я очень хочу смерти своего дяди.

— Последнее, как по мне, не слишком большая проблема — я показал на Рикардо — Этот молодец на подобные вещи мастер, даже сомнений в этом нет.

— Я не хочу, чтобы Тобиас умирал легко — улыбкой, которая была на губах Луары можно было испугать почти любого. Даже мне не по себе стало — Яд, наемный убийца — это все не то. Это слишком просто. Нет,

его должен убить именно Гарольд. Мало того — я хочу не просто мести, мне нужно правосудие. Высшее правосудие. Ну, или хотя бы королевское.

Это чем же он тебе так насолил, красавица? Хотя... Догадываюсь я, чем именно. И если я прав, то ее можно понять. Впрочем, насчет ядов она зря. Там такие есть, что ужас просто. Так люди от них умирают — не дай боги.

— Правосудие — повторила Луара. Ее лицо было невероятно серьезно, она смотрела перед собой и видела что-то, понятное ей одной — Ну, и потом — без этого я не смогу претендовать на власть в семействе.

— Какую власть? — не понял я.

— Высшую, высшую — внезапно развеселилась девушка — Маме она не нужна, Гарольд маг, ему старшим в семье не бывать. Ну, а о моих сестрицах даже говорить не стоит. Вы же их видели, правда? Они, помоему, до сих пор не поняли, что происходит.

— Стоп-стоп-стоп — остановил я фантазии Луары — Вы не можете возглавить семейство. Насколько я помню, в Силистрии это право мужчины, и только его.

— Верно — согласилась со мной сестра Гарольда — И у меня такой мужчина есть. Славный мальчик, из благородного, но обедневшего семейства, довольно симпатичный. А самое главное — глупый как пробка. А самое главное — глупый как пробка. Ему кроме охоты, девок и вина в жизни ничего не надо. И он это получит, нет проблем. А все остальное достанется мне. И моим детям, которые обязательно появятся.

— Достойные планы — признал я — Только есть еще одно «но». А Генрих? С ним-то как?

— Очень просто — Луара перегнулась через стол и погладила меня по руке — Его убьете вы, дорогой барон.

Глава 13

Недооценивал Гарольд свою сестрицу, ой, как недооценивал! Все за дуру держал. А она вон какая — и с амбициями, и с мозгами, и крови не боится.

— С чего бы? — равнодушно спросил я у нее — Это ваше внутреннее, семейное дело. Я в нем лишний.

— А если я скажу, что во всех несчастьях, павших на нашу семью, следует винить не столько дядю, сколько Генриха? — парировала Луара — Это все придумал он, Тобиас только орудие в его руках. Дядя не дурак, нет, но Генрих куда умнее и дальновиднее, чем он.

— Не знаю, может вы и правы — я передернул плечами — Но как-то все очень нелогично выходит. Брату вашему ведь в результате всей этой круговерти почти ничего и не перепадет, все имущество отходит к дяде. В чем выгода Генриха?

— А кто сказал, что Тобиас после благополучного завершения дела должен был прожить долго? — сузила глаза Луара — Равно как и его дочка, Лизелотта. Я понятно выразилась?

— Более чем — признал я — Но все равно мне непонятно, при чем тут я.

— Неужели просьба сестры вашего друга ничего не значит? — Луара положила свою ладонь на мою руку — Барон, следом за Лизелоттой за Грань можем отправиться мы все, то есть я, и мои сестры. Никто из нас не нужен Генриху, он никогда нас не любил, и никогда не полюбит, это уж я наверняка знаю. Как и то, что Гарольд не сможет убить его. Мой славный младший братишко для этого слишком благороден, не под силу ему будет пролить родную кровь. Даже если дело дойдет до боя, в последний момент он все равно не сможет нанести решающий удар.

— Тобиас ему тоже не чужой — заметил я — Однако он спит и видит, как вспорет его толстое брюхо.

— Вы просто не местный, а потому не видите большого различия между старшими и младшими ветвями рода — пояснила Луара, не убирая ладони с моей руки — Это очень тонкая материя, чтобы осознать ее надо прожить здесь ни день, и не два. Впрочем, эти знания вам и ни к чему. Вам всего лишь надо убить Генриха.

— Как вы себе это мыслите? — спросил я у нее — Я не наемник, мне тонкости их ремесла неизвестны. И потом — у вас есть Рикардо, насколько

я понял, он мастер в подобных делах.

Это я господину в маске польстил. Нет, сцепить они меня сцепили, но выглядело это топорно. Вот честное слово. И дело не в личной обиде.

— Фон Рут, с вами сложно разговаривать — вздохнула Луара — Если бы речь шла об убийстве из-за угла, то все было бы просто и понятно. Зачем мне тогда вы? Нет, Генриха надо убить на законных основаниях. На поединке. Возможно даже в присутствии короля, он подобные вещи любит.

Ее слова о «сложно разговаривать» интонацией напомнили мне родное и близкое «Эраст, ты дурак». Кстати! Кто-кто, а она-то точно знает, что случилось с Рози после того, как нас увезли в Башню-на-Площади.

— Как-то у вас все просто получается — я усмехнулся — Так он и побежал со мной сражаться. Насколько я понял, Генрих вообще не слишком жалует подобные развлечения. Простите, Луара, но это пустой разговор. И потом — еще неизвестно, что на этот счет скажет Гарольд.

— Так давайте спросим у него — предложила Луара — Он ведь где-то тут, неподалеку? Подозреваю что он спрятался либо в доме Алиенте, либо в доме Лавиней.

Ну, а я что говорил? Она далеко не дура.

— Ладно, уломали — согласился я — Сейчас за ним схожу, а там как он скажет.

В принципе беседа насчет Генриха у нас с Монброном была, так что судьба его, считай, уже решена. Но ей про это знать не следует.

Не то, чтобы я не слишком доверял этой девушке. Нет, как раз с этим все было нормально, она мне не врала. Да и предавать нас кому-либо Луара не собирается. Нет, ни о каком душевном благородстве тут и речи нет, я не сомневаюсь, что ей плевать и на меня, и на Генриха, и даже на Гарольда. Просто пока наши интересы совпадают, мы союзники. Но ровно до той поры, пока цель не будет достигнута, а вот потом все будет зависеть от того, насколько разным окажется дальнейшее видение жизни у каждого.

Проще говоря, мы с ней попутчики до первого поворота.

И Гарольду стоит об этом узнать от меня раньше, чем он с удивлением выяснит, что одна из его сестриц далеко не так уж проста.

— Так пойдемте вместе? — невинно улыбаясь, предложила Луара — Барон, ну давайте уже дружить? Честное слово, я не злоумышляю ни против вас, ни против моего брата. Мы все сейчас должны быть как пальцы одной руки, в этом наша сила. И заверяю вас, что когда мы победим, то вы в полной мере узнаете, что такое силистрийское гостеприимство.

После чего она мне подмигнула, а ее острый язычок облизал пухлые губы.

Нет уж. Когда... Точнее — если мы победим, то первым делом я лично подамся обратно в Кранненхерст, туда, где мне все привычно и понятно. Может там и не так солнечно, но зато на каждый удар я могу ответить ударом.

— Гостеприимство — это хорошо — тем не менее ответил я — А то, знаете, надоело по углам таиться.

— Вы, я, Гарольд, еще кое-кто — против нас не устоить никому — глаза Луары блеснули в свете свечи — Да, сначала будет кровь, но зато потом все придет в равновесие, и каждый получит то, что заслуживает. Так мы идем?

— Пожалуй — решился я — Только еще один вопрос. Что с нашей спутницей? Может, вы знаете где она?

— С вашей невестой, милейший барон? — уточнила Луара — С ней все в порядке. И даже более чем. Это ведь она выхлопотала вам с Гарольдом королевское помилование. Точнее — отсрочку вынесения приговора. Но это по сути одно и то же. Сначала палата Раздумий, а потом с вас снимут все обвинения.

Ну, если два сведущих человека говорят одинаково, то точно можно выдохнуть.

— Вот на этом помиловании и строится мой план — добавила Луара — Но об этом мы уже втроем поговорим.

Выйдя из дома (кстати, достаточно просторного и высокого), я было сразу шагнул в тень и огляделся по сторонам.

— Барон, вы что? — удивленно спросила Луара — А, поняла. Проверьте, в прятках уже нет нужды.

— Да кто его знает — смутился я, но вышел на центр улицы, освещенный ярко сиявшей луной — За последние дни как-то привык к такой жизни. Нас же постоянно кто-то да ищет.

— Главное, что находят те, кто нужно — многозначительно произнесла Луара и взяла меня под руку — Так Лавини или Алиенте?

— Лавини — ответил я — А где сейчас Рози?

— Рози — девушка прижалась к моему плечу — Рози — это, знаете ли... Когда она узнала о произошедшем в ее отсутствии, то первым делом сообщила дядюшке Тобиасу, что если с вашей головы упадет хоть волос, то семейство де Фюры вырежет всю младшую ветвь рода Монбронов. Причем это было сказано так, что Фиона, наша младшенькая, чуть не описалась от страха. В буквальном смысле.

Верю. Сразу верю. Это она может. Я и сам пару раз чуть... Ну, неважно. Да что я! Она как-то раз с Эль Гракхом по какому-то поводу

сцепилась, так даже этот пантариец, который с богами будет спорить, если придется, и то молчал да кивал.

— Дядя все пытался свести к шутке, мол — так у нас заведено, раз вернулся в Силистрию, то присядь и посиди пару лет в темнице, чтобы помнил, как с родины надолго уезжать, но ваша невеста плюнула ему под ноги, погрозила пальцем и тут же покинула замок. А уже через пару дней мы узнали, что в Форессу приехал ее старший брат. Он имеет большой вес при королевском дворе, тут Тобиас с Генрихом и начали нервничать. Потому и убийц наняли. Вот только, как я говорила, пожадничал этот старый боров, на ваше счастье. Эх, кабы знать мне тогда, что они такое сделали, все бы по-другому вышло. Хотя — и так хорошо получилось.

— Спорно это — пробормотал я, вспомнив черные полосы на животе и груди Гарольда — Более чем. Но я так и не получил ответ на свой вопрос.

— Королевство Асторг в давние времена купило здание в «белом» городе — Луара успокаивающе погладила меня по руке — Именно там останавливаются жители этого королевства, приезжающие в Силистрию. По крайней мере те, кто относится к знати Асторга. Ваша невеста находится именно там.

И не она одна, полагаю, а в компании Карла и Эбердин.

Остаток дороги до дома Лавиней я потратил на то, чтобы уяснить, где именно находится это самое здание. Мало ли, как оно там дальше повернется?

Гарольд, за то время что я отсутствовал, оказывается, времени не терял. Он решил, что уже полностью оправился от раны, потому в кровати не лежал, силы не копил, сидел за столом и планомерно уничтожал вяленый окорок, причем запивая его вином.

Нет, нас он встретил со шпагой в руке, что и понятно — в ночной тиши легко понять, один человек идет по коридору или нет. Нас же было пятеро.

— Эраст — увидев меня, Монброн опустил шпагу — А кто с тобой?

— Я — высунулась из-за моей спины Луара — Здравствуй, братик.

— Лу? — озадачился мой друг — Вот так сюрприз. Эраст, ты зачем ее привел?

— Я ее? — мне оставалось только язвительно улыбнуться — Нет, дружище, это она меня привела, в определенном смысле.

Следом за нами в комнату шагнули люди в синих масках, и Гарольд снова вскинул шпагу, уцепившись другой рукой за стол. Причем не от слабости, а с целью при необходимости его перевернуть.

Прав наш учитель. Никак некоторые из нас не избавятся от привычки

больше доверять стали, чем магии, особенно те, кто с малолетства ее в руках держат.

— Все нормально — заверил я Монброна — Эти не убивать нас хотят, а вовсе наоборот. Их твоя сестра наняла.

— Луара? — совсем опешил он — Да брось, у нее же... Точнее — она ведь...

— Глупенькая-глупенькая — продолжила его слова девушка — И все мысли у нее только о том, что вечером на себя надеть. Так ведь ты хотел сказать?

— Хотел — признался Монброн настороженно.

— И зря — припечатал его я — Не скажу за остальных твоих сестер, а вот конкретно эта не глупее нас с тобой. Как бы даже не умнее, сколь это не грустно.

— Совсем непонятно — потер лоб Гарольд.

— А давай сядем за стол и попробуем разобраться — предложила ему Луара — С самого начала.

Она подошла к нему и поцеловала в щеку, а после потерлась об нее носом.

— Как в детстве — погладил ее по голове Монброн — Значит малышка Лу уже не совсем малышка?

— И никогда ей не была — мурлыкнула девушка — Просто ты этого не хотел замечать, а я предпочитала отсиживаться за спинами сестер. Да и потом — кто на меня вообще внимание обращал? Самая младшая, самая некрасивая... Ты был единственным, кто хоть как-то со мной возился. По крайней мере тогда, когда с кем-то не воевал или не спал в чужой кровати. Но я благодарна тебе даже за эти крохи.

— Вот такой я, Эраст — как-то потерянно произнес Гарольд — Неблагодарный сын и скверный брат.

— Глупости говоришь — возразил ему я, беря со стола бутылку вина — Поверь, на фоне своего брата Генриха ты отличный родственник. Почти идеальный. Луара, расскажи ему то же, что и мне. А я пока выпью.

К очевидным достоинствам этой девушки можно было отнести еще и умение коротко и ясно излагать свои мысли.

— Прямо ночь открытий — Монброн отнял у меня бутылку, которую я почти допил — Эраст, откуда у тебя взялась привычка пить из горльшка? Вон же, бокалы на столе. Да отдай, я говорю! Сходи в кладовку, и возьми себе свою. И еще парочку прихвати.

— Выздоровел — подытожил я — Теперь точно.

— А ты болел? — обеспокоилась Луара.

— Немного — отмахнулся от нее Гарольд — Это неважно.

Когда я вернулся с вином, брат и сестра сидели за столом и о чем-то горячо спорили. Отдельно следует заметить, что ее верные телохранители в масках комнату покинули, уж не знаю, по своей ли воле или подчиняясь приказу. Факт есть факт — не было их там.

— Это глупость! — махал руками Монброн — Что значит: «Я выйду за него замуж, потому что я этого хочу». В первую очередь ты пускаешь в нашу семью непонятно кого. Ладно бы этот невеста кто был из хорошей семьи, но Ле Вентры? Да, род старый, не спорю, но ты знаешь, как его называют в нашем кругу?

— «Сборище пороков» — невинно ответила Луара.

— Именно — стукнул кулаком по столу мой друг — Ты и десятой доли правды про эту семью не знаешь.

— Все я знаю — устало произнесла девушка и откинулась на спинку стула — Поверь, все будет хорошо. И я даже могу тебе сказать, почему.

— Почему? — изобразив любопытство, поинтересовался он.

— Потому что я так хочу — вздернув подбородок вверх, сказала Луара — Потому что я урожденная Монброн.

— Ну тогда да! — захлопал в ладоши Гарольд — Тогда убедила.

— Зря кривляешься — я тоже присел за стол и начал ковырять сургуч, закрывавший пробку на бутылке вина — Между прочим, пока она добилась всего, чего хотела. Она почти спасла нас тогда, в переулках. И здесь она нас тоже отыскала. Никто не смог, а ей это удалось. А еще она смогла убедить меня привести ее сюда, при всей моей недоверчивости.

— Спасибо, барон — мне подарили ласковый взгляд и улыбку — Будем считать, что мой долг вам еще немного увеличился.

— Но вот что мне думается — я хлопком ладони по донышку выбил пробку из горльшка бутылки — Не о том вы беседуете.

— А о чем надо? — совершенно серьезно полюбопытствовал Гарольд — Как по мне, семейные вопросы сейчас наиболее насущные.

— Не совсем — покачал головой я — Вы говорите о том, что будет после, причем так, как будто это «после» уже наступило. Но это не так. У нас есть день сегодняшний, в котором мне лично пока не очень понятно, что делать. И, Гарольд, не надо банальных фраз о том, кто кого убьет. И так ясно, что без крови не обойтись.

— Это важно — наступилась Луара — Это, возможно, вообще самое главное. И Тобиас, и Генрих должны умереть, причем так, чтобы ни у кого не возникло ни тени сомнения в конечности этого факта. И в его законности.

— Знаешь, Монброн, когда ты в один из первых дней в замке прирезал простолюдина — я пощелкал пальцами — Забыл его имя. Неважно. Так вот. Тогда я решил, что кровожаднее тебя человека еще поискать надо. Теперь я точно знаю, что мои поиски закончены. Вот этот человек.

И я показал на его сестру.

— Да права она — хмуро ответил Монброн — У Тобиаса тоже родня есть, если вдруг он умрет в переулке, она такой вой поднимет! А с учетом того, что сейчас он, по сути, глава семейства, то дело и вовсе может обернуться совсем скверно.

— Тогда у нас остался только один вариант — я налил себе вина — Нам надо идти в королевский дворец и сдаваться на суд монарха.

— Чего? — выпучил глаза Гарольд — Ты о чем?

— Скажите, барон, а у вас с мистресс де Фюрри все серьезно? — уточнила у меня Луара — Относительно будущих супружеских уз?

— Достаточно — я показал девушке «перстень судеб».

— Ну, это колечко ничего не значит — Луара задумчиво посмотрела на меня — Просто все очень неплохо может сложиться. Вы молоды, неглупы, не очень родовиты, но это не страшно, нашей знатности хватит на двоих. И главное, что мой брат не будет против такого союза. Мы можем стать очень неплохой парой.

— Не можем — улыбнулся я — Вы забыли, что я ученик мага, как и ваш брат.

— Помню, отчего же — Луара, как мне показалось, даже немного обиделась — Про такое не забудешь.

— Она не знает, скорее всего — заметил Гарольд, улыбаясь.

— Чего не знаю? — тут же спросила его сестра.

— Маги бесплодны — пояснил я — Мы не можем иметь детей, ни мужчины, ни женщины. Совсем. А в муже, который не в состоянии оставить потомство, то есть — наследников, смысла немногого. Воспитывать же чужих детей я не слишком хочу.

— Вот беда — искренне расстроилась Луара — А так все славно получилось бы.

— Скажи, сестрица, а с чего это именно сейчас у тебя появилось желание стать женой Эраста? — заинтересовался Монброн — Ни с того, ни с сего.

— Потому что он не дурак — расстроенно ответила девушка — Тут ведь как. Если выходить за не пойми кого, то он непременно должен быть дурак, чтобы вместо мужа врага не заполучить. А если избранник умный, то он должен быть совсем свой, который не предаст. Я таких только троих и

знала в этой жизни — Базиль, Антоний и вот этот славный барон. Жалко, что не судьба.

— Зовите меня Эрастом — попросил я ее — Что вы все — «барон», «барон».

— Он ведь все верно сказал — продолжила Луара — Вам надо идти к королю. Это единственный шанс довести наше дело до конца.

— Стоп-стоп — потер лоб Гарольд — Я, кажется, понял.

— Ты поглупел, брат — заметила девушка — Хотя вроде бы должно быть наоборот. Ты же там учился, а не пил и гулял. Должен быстрее соображать, чем три года назад.

— Поговори мне еще — возмутился мой друг — Много воли взяла!

— Я же не виновата, что ты так долго соображаешь? — справедливо ответила ему Луара — Все ведь на поверхности лежит. Вы сдаетесь на милость короля, он признает все обвинения ложными, после чего вы имеете полное право кинуть вызов тем, кто вас оболгал. И все заканчивается хорошо.

— Хорошо бы сначала переговорить с Рози — предложил я — Мы тут сейчас напридумывали всякого, а оно как возьмет, да и повернется другой стороной. К примеру — не признает король навет таковым. И что тогда? Нас опять в железо и в башню? Или еще что-то пойдет не так.

— Можно подумать, что ваша де Фюрьи точно знает, как оно будет на самом деле — раздраженно бросила сестра Гарольда.

— Так оно и есть на самом деле — Монброн еле сдержал улыбку — Поверь, если она за что-то берется, то учитывает все мелочи. Она — не мы. Так что Рози доподлинно известно, что нас может ждать. И если она скажет, что этот план хороший, то смело можно будет идти во дворец. Эраст, у меня есть просьба.

— Давай — кивнул я — Выполню, если смогу.

— Сможешь — заверил меня он — Никогда и не при каких обстоятельствах не говори де Фюрьи, что я про нее такое сказал.

Я ухмыльнулся и кивнул.

— Значит, на том и решим — Луара встала из-за стола — Вы утром отправляетесь в «белый» город, беседуете там с этой своей умницей-разумницей, а после принимаете решение.

— И если оно совпадет с тем, что мы задумали, то сразу идем во дворец — Гарольд припечатал ладонь к столу — Быть по сему.

— Завтра вряд ли мы туда отправимся — я отпил немного вина и кивнул. Однако, надо с этим делом заканчивать, так и спиться недолго — Я краем уха слышал, что его величество на охоте.

— Уже нет — возразила мне Луара — Он уже вернулся в город.

Сдается мне, что такая осведомленность еще немного подняла мою репутацию в ее глазах.

— Ладно, вы тогда ложитесь спать, у вас сегодня трудный день — посоветовала нам девушка — А я домой. Не хочу давать повод для лишних разговоров, возвращаясь под утро.

— Погоди — остановил я Луару — Слушай, а как вы нас нашли. Меня же твои люди целенаправленно ждали.

— Сначала нашли карету в роще на той стороне — объяснила она — Потом то, что прогулочной лодки нет. Было подумали, что вы ушли морем. Я, если честно, чуть не запаниковала, вы моей единственной надеждой были.

— Сработало — с удовольствием сообщил Гарольду я — Вот все-таки светлая у меня голова!

— А потом тебя на Главной площади мои люди увидели, с гербом Лавиней на одежде — иронично закончила Луара — Дальше все было очень просто.

— Стоп-стоп — замахал руками я — Так ты с самого начала знала, что Гарольд тут, в этом доме?

— Конечно — уже открыто засмеялась девушка — Но я же умная. Я никогда не буду бить по самомульному месту человека, который мне симпатичен.

— Это по какому? — щелкнул ее по носу Гарольд.

— По мужскому самолюбию — пояснила Луара — Эраст должен был сначала отважно пошутить, потом почувствовать себя героем, потом погордиться мужской дружбой, которую он никогда не предаст, и только потом сделать то, что мне нужно.

— Знаешь, Аманда с ее скверным характером, начинает казаться мне не такой уж врединой — задумчиво сообщил я Монброну — Нас с тобой только что пережевали и выплюнули.

Вот только одно странно — почему она тогда сразу к брату не побежала, который, возможно, ранен или убит? Есть в этом всем некоторая недосказанность. Хотя, в этом королевстве, похоже, все имеют свои секреты и свои камни за пазухой. Кроме нас, простаков.

— Выдам ее не за дурака, о котором мы говорили, а за какого-нибудь старого хрыча — пообещал мне Гарольд — Вот и рассчитаемся.

— Я завтра с утра буду где-то рядом с королевским дворцом — пропустила мимо ушей его слова Луара — Не хочу ничего пропустить.

— Если что-то и случится, то точно не завтра — Монbron тоже встал и

обнял ее — Его величество так быстро правосудие не отправляет.

Утром мы покинули уже ставший нам родным летний дом Лавиней, и направились в город, причем даже особо не скрываясь. А смысл? Все равно сюда мы уже не вернемся в любом случае.

Может, оно и к лучшему. Все-таки здорово мы там насищали. Я более-менее прибрался под насмешливым взглядом Гарольда, но все равно — кровь на полу, разорение в кладовке. Нехорошо это как-то.

И все-таки как здорово искать нужное место в сопровождении местного жителя. Без Монброна я бы этот дом, где обосновались господа из Асторга очень долго разыскивал, тем более, что он и расположенный был очень хитро — в маленьком, на всего четыре здания, переулке, который, к слову, так сразу и не заметишь. Уж не знаю, сознательно они такое место выбрали или нет, но что было — то было.

Ворота, естественно были закрыты, как и небольшая калитка сбоку. Зато рядом с ней обнаружилась медная тарелка и молоток, которым по ней следовало бить, чтобы вызвать привратника.

Именно это Монbron не задумываясь и сделал.

Я бы чего-то еще опасался, прикидывал, продумывал, а он даже не огляделся по сторонам.

Кстати — вот на Асторг все наговаривали, мол, народ там суровый, чуть что, убивают ни на секунду не задумываясь, и только о своей наживе думают. Наслушавшись подобного, я полагал, что в лучшем случае нас окунут взглядом в смотровую щель, которая для таких целей в калитке была прорезана, и одарят чем-то вроде: «Чего надо?»

А вот и нет!

Калитка распахнулась во всю ширь, и очень даже прилично одетый господин вежливо у нас осведомился:

— Чем могу вам помочь, господа?

— Нам хотелось бы повидать мистресс де Фюрри — небрежно кивнув привратнику, сообщил ему мой друг — Будьте любезны сообщить ей, что пришли Эраст фон Рут и Гарольд Монbron.

— Относительно вас госпожой Рози было дано отдельное распоряжение — заучено улыбнулся привратник — Единственная небольшая формальность. Кто из вас господин барон фон Рут?

— К вашим услугам — отозвался я.

— У вас должна быть некая вещь, которая в свое время принадлежала госпоже Рози. Потрудитесь показать мне ее.

Я вытянул руку перед собой и камень в перстне сверкнул в лучах утреннего солнца.

— Добро пожаловать, господа — чуть изогнувшись, изобразил гостеприимный жест привратник — Буду рад сопроводить вас в трапезную, госпожа и ее друзья как раз завтракают.

— Значит эта парочка здесь — подмигнул мне Монброн.

А где ей еще быть? Больше негде. Хотя от сердца все равно отлегло. Мало ли что...

Причем — зря. По крайней мере за Карла точно. Если кто и был безмятежно счастлив в это утро, так это он. Еще бы. Столько еды, выставленной на стол к завтраку я не видел никогда, включая ту гостиницу, название которой я давно забыл. Ну, где нас тогда Форсез нашел.

Тут снеди было куда больше, и мой земляк ее методично уничтожал. Правда, к его чести, только заметив нас, он сразу же про нее забыл.

— Эраст! — заорал он с набитым ртом, вскочил со стула и замахал рукой, в которой была зажата жареная индюшачья ножка — Монброн! Хвала богам! Вот они, а вы все ныли, что они погибли!

— Чушь какая — хмыкнул Гарольд — Вот еще!

— И я про то — подтвердил Карл — Лично я полагал, что вы от греха в Алессию подались морским путем. Правда, не сомневался и в том, что скоро непременно вернетесь обратно сюда, в город.

— Да куда там — отмахнулся Гарольд — Какие морские путешествия? И без того дел полно.

— Верно — согласился с ним Фальк — Например — завтрак. Давайте за стол, тут все и расскажете.

Впрочем, бурную радость проявил только он. Эбердин одарила нас кивком и продолжила меланхолично поглощать оладьи с медом. Впрочем, я другого и не ожидал, не тот это человек, чтобы выражать свои эмоции. Суровая горянка, по-другому не скажешь.

А вот Рози. Если совсем начистоту, то я вообще не знал, что делать при встрече с ней. Точнее — как себя вести. Вроде как вины за мной никакой нет, но...

Я ощущал себя ее должником, а это очень неприятное чувство. Словно исчезло некое равенство между нами, где каждый стоит на своем месте. Сословные преграды между нами стер Вороний замок, но сейчас возникла новая.

Рози, непривычно бледная, встала из-за стола, во главе которого она сидела, и подошла к нам.

На ней было синее, как видно, домашнее платье, которое ей замечательно шло. А еще на голове у нее было нечто вроде чепчика, который почему-то вызвал у меня улыбку.

— Эраст — сказала она и погладила меня по щеке, а после резко размахнувшись, со всего маха врезала по ней же ладонью — Наконец-то! Неделю об этом мечтала!

— Ух! — махнул все той же индюшачьей ножкой Карл — Отличный удар!

— Не слишком — меланхолично заметила Эбердин — Фон Рут даже не покачнулся. Надо было кулаком.

— Да что ж такое? — держась за щеку, спросил у безмолвно на все это взирающего Гарольда я — Будет хоть один день в этом городе, когда мне не перепадет тумаков? Ладно чужие бьют, но тут-то свои! У меня что, на лбу написано: «Ударь меня»?

— Часто били? — спросила Рози.

— Последние дни постоянно — зло ответил я — И ты туда же.

— Я только начала — рявкнула де Фюрри. Впрочем, тут же кровожадное выражение на ее лице сменилось улыбкой, потому что она повернулась к Гарольду — Рада видеть тебя живым, Монброн.

— А чего ты взяла, что я мертв? — заинтересовался мой друг.

— Сегодня утром рыбаки привели в порт вашу лодку. В смысле — дома Монбронов — объяснила Рози — На ней обнаружилась рубаха с твоей монограммой, дырой в боку и вся заляпанная кровью.

— Есть такое, подранили меня немного — Гарольд сморщил нос — Ерунда, честное слово, не стоит об этом даже вспоминать.

— Мальчишки — глубоко вздохнула Рози — Иди за стол, подкрепись, а потом мы пообщаемся о состоянии дел. Иди-иди, вон, тебя Фальк заждался. Мои братья не пьют вина столько, сколько он, а без сотрапезника и собутыльника ему очень скучно.

— А? — Монброн показал на меня.

— С фон Рутом у меня будет отдельный разговор — Рози взяла меня за руку и поволокла прочь из залы — Причем неотложный.

— Прости, брат — сказал мне в спину Гарольд — Это та ситуация, в которой я никак не могу тебе помочь.

— Мы будем помнить тебя, фон Рут — донесся до меня ехидный голос Карла, прежде чем за нами захлопнулась дверь.

Глава 14

— Давай, начинай — предложил я Рози — Чего тянуть?

— Что «начинай?» — зло спросила она у меня.

— Ну, не знаю — пожал плечами я — Дальше бить, например. Я уже как-то и привык за последние дни к этому. Ты не поверишь, но самая спокойная неделя в Силистрии выдалась у меня тогда, когда я сидел в тюрьме. Ну до чего славное место! Никто тебя не колотит и кормят по часам. Клянусь честью, я эту Башню-на-Площади с теплом вспоминаю.

— Еще какие варианты есть? — полюбопытствовала девушка.

— Да в общем больше никаких — немного удивленно ответил я — Вот же!

И правда, — а что еще-то? Ну, не стыдить же меня? Мы взрослые люди, нам «ай-яй-яй» говорить уже бессмысленно. Мы другими не станем.

— Эраст, ты дурак — Рози вдруг хлюпнула носом — Ты правда ничего не понимаешь?

С одной стороны, на душе у меня стало приятно, потому как это «Эраст, ты дурак» позволило ощутить почву под ногами. Родное оно, привычное. С другой — я даже как-то растерялся. Плачущая де Фюрьи зрелище небывалое и невозможное.

— Почему на этот раз? — обнял я девушку — Что не так?

— Неужели было трудно найти меня не сегодня, а вчера, позавчера? Где тебя демоны носили все эти дни?

— Трудно — даже не стал скрывать я — Конечно трудно. Как я тебя должен был найти? Откуда мне знать, как это сделать?

— Посидеть три минуты спокойно и подумать! — стукнула меня кулаком в грудь Рози — Вот и все! То, что я не останусь в доме Монбронов после произошедшего, понял бы даже Фальк. И до того, что в этом городе есть только одно место, куда я могу пойти, тоже додуматься несложно. Все, что вам оставалось, это просто прийти сюда.

— Рози, душа моя — чуть разозлился я — Это не мой город! Я здесь ничего и никого не знаю. Чудо то, что мы вообще сюда попали в результате.

— А Монbron? — язвительно спросила де Фюрьи, вытерев слезы — Он что, не местный житель? Не знает, где находится резиденция Асторга?

— Монbron — хмыкнул я — Монbronу было не до того.

— Вот оно как — немедленно смекнула что к чему Рози — Стало быть, его царапнуло чуть сильнее, чем он об этом говорит?

— Клинок с проклятием — не стал скрывать я — Он вообще чуть за Грань не ушел. До сих пор поражаюсь, как мне удалось его вытащить оттуда.

— Не припоминаю у тебя талантов целителя — заметила Рози — Кто помог?

— Да чудак один — как всегда поразился я ее проницательности — Унс Два Серебряка, приятель Ворона. Помнишь, он нам про него говорил?

— Забыла — немного расстроенно ответила Рози — Стыд мне и позор. Про этот вариант я даже не подумала. Вот дура!

— Ты о чем? — не понял я.

— Я расставила людей своего брата везде, где только вы могли появиться — пояснила де Фюрьи — У дома Гарольда, у королевского дворца, у «Крыльышка и ножки».

— И там тоже? — изумился я — Странно, как меня проглядели. Я же там был, искал Карла и Эбердин.

— Когда? — тут же спросила Рози.

— Вчера утром.

— Кому-то сегодня очень не повезет — подытожила она — Гейнард своим людям платит не скупясь, но при этом требует безукоризненного выполнения порученных им дел. Здесь такого и рядом нет.

И правильно поступит этот Гейнард, если кое-кому холку намылит. Встреться я вчера с человеком Рози, все было бы куда проще.

А может и нет. Тогда не случилось бы беседы с Луарой, и у нас не появился бы еще один союзник.

— Я скучала — внезапно сказала Рози — И очень боялась за тебя. Сама не подозревала, что такое со мной может случиться. Знаешь, я всегда точно знала, что хочу взять от жизни, и меньше всего меня волновала плата, которую мне придется за это отдать. Победа никогда не дается просто так, это закон бытия. Я себя никогда не жалела, а уж тех, кто рядом, тем более. А теперь выходит, что твоя жизнь, она для меня...

Девушка замолчала и опустила голову.

— «Она» — что? — спросил я у нее.

— Все — шмыгнув носом, она вскинула голову, и на меня посмотрела прежняя Рози — На этом все. И вообще — я тебе ничего не говорила. Просто не выспалась, вот и несу всякую чушь. Пошли, нас ждут.

— Кто? — я понял, что предыдущую тему разговора лучше не трогать и даже не вспоминать, что такая беседа состоялась вообще.

— Гейнард — даже как-то удивилась моему вопросу де Фюрьи — Мой брат. Он последние дни только тем и занимается, что улаживает ваши с

Монброном дела. Надо как минимум засвидетельствовать ему свое почтение.

— Так Гарольда следует позвать — дернулся я в сторону дверей, ведущих в обеденную залу — Я-то что? Так, гарнir вокруг мяса. Тут шпагой помахал, туда сбегал, там по лицу получил.

— Монброн с ним еще пообщается — заверила меня Рози — Не сомневайся. Там и разговор будет, и торг, и много другого всякого. Но это уже не нашего ума дело.

— Ничего не понимаю — пожаловался я ей.

— Почему я не удивлена даже? — спросила у кого-то Рози, заведя глаза под лоб.

— Вот только не надо — попросил я ее — Третий день на ногах, толком не ел и не спал. Знаешь, запасы организма не бесконечны, это нам еще наставник объяснял. Ты мне лучше вот что поведай — Фил мой где? С ним все в порядке?

— Цел твой Фил — поморщилась Рози — Сидит в чулане, на втором этаже. Всех служанок распугал. И скребется об дверь, и скребется, хуже любой крысы. Хорошо хоть говорить не умеет, а то совсем беда была бы.

— Голодный он небось — объяснил я ей — Поди, даже воды ему не давала?

— Каждый день ему воду меняют — успокоила меня Рози — Не совсем же я дура, правда? Терпеть я его, конечно, не могу, это так, но польза от него есть, потому пусть живет.

Вода. Что ему вода. Ему крови надо моей, вот что его насытит. Звучит жутковато, но в данном случае что выросло, то выросло. Как говорит Луара — в буквальном смысле.

— Потом повидаешься со своим кустом — верно поняла ход моих мыслей девушка — Пошли к Гейнарду. Сначала дело, потом все остальное.

— Остальное — «что»? — я положил свои руки на талию девушки — Только Фил, или есть другие варианты времяпрепровождения?

Ну, что я говорил? Все меня, беднягу, бьют. Правда, в этот раз удар был всего один, но зато какой болезненный. Коленом, да в такое место...

В общем, после того, как я поприседал и отышался, то еле догнал Рози, которая и не подумала меня дожидаться.

— Сказала бы «брысь», да и все — изобразив обиду, сказал я — Не дурак ведь, все бы понял.

— Не лишай меня удовольствия изобразить оскорблennую невинность — щеки Рози наконец-то немного зарумянились — Когда еще такой шанс выпадет?

— Да когда угодно — фыркнул я — А если не выпадет, то ты сама себе его создаешь. Ладно, ты про другое мне скажи. Гейнард, он такой же, как те два твои брата, или другой? В смысле — сразу в драку полезет, или мне наконец-то повезет, и я отдалюсь только угрозами?

— Гейнард делец, а не бретер — без тени на улыбку ответила мне де Фюрри — Ему плевать на то, с кем я сплю, и кто по этому поводу что скажет. Остальные братья — эти да, им бы только кулаками или шпагами помахать. А Гейнард другой. Я вообще не удивлюсь, если он со временем займет место близ нашего короля. По крайней мере, отец все делает для этого. Не поверишь, он ему даже специальных наставников из Халифатов выписывал.

— Наставников?

— Халифаты славятся своими мудрецами — наставительно произнесла Рози — Ну, знаешь, философия, науки о числах и хитросплетениях человеческих душ. Когда Тим и Рауль кололи друг друга в нагрудники тупыми шпагами, Гейнард постигал эти премудрости, и вот результат. Остальные выполняют самые простые поручения отца, те, где думать особо не надо, а требуется только кулаками махать. Гейнард же занимается укреплением репутации и благосостояния семьи. И со временем, по моему мнению, именно он ее возглавит.

— И еще раз повторю — что ему тогда во мне? — поинтересовался я — Ни репутацию, ни благосостояние семейству де Фюрри я укрепить не смогу. Нечем. Разве что «спасибо» сказать, но, думаю, ему от моей благодарности ни тепло, ни холодно будет.

— Если Гейнард хочет тебя видеть, значит что-то ему нужно — поправила на ходу чепчик Рози — Мой брат ценит каждую минуту своего времени, и коли он готов его тратить на беседу, то это не просто так.

Квартировал Гейнард в совсем небольшом кабинете, который находился в южном крыле здания. Кстати — неплохо устроились представители Асторга в Форессе, с душой и комфортом. Дом-то оказался более чем просторный, с массой комнат, и людей в нем жило немало. Тут и там слышались голоса, а в одном коридоре мы повстречались с тремя мужчинами, у которых была определенно военная выправка. Вопрос — что воякам делать в мирной Силистрии? Не купцам, не любителям посмотреть на другие страны, а воинам?

Хотя ответ на этот вопрос я знать не хочу. Ну их, такие ответы, они зачастую изрядно сокращают жизненный путь.

Так вот — обиталище у брата Рози было невелико по размеру. Да и меблировка была скучновата — массивный стол, заваленный бумагами,

пара стульев, да высоченный, под потолок, двустворчатый шкаф, в котором как раз что-то искал хозяин кабинета — вот и все.

Сам же Гейнард оказался невысоким мужчиной средних лет, совершенно не похожим ни на Рози, ни на своих братьев. Был он каким-то... Не знаю даже... Никаким. Ничем ни примечательное лицо, залысины, обозначившееся брюшко под стеганым халатом. Он чем-то смахивал на владельца небольшой лавчонки, они обычно так выглядят.

— Фон Рут? — утвердительно спросил он — Хорошо, я тебя ждал. Рози, распорядись насчет завтрака, пусть мне его подадут сюда.

— Хорошо — покладисто согласилась де Фюрьи, и немедленно покинула нас.

— Фон Рут — повторил Гейнард, почесал нос, взглянул на меня и махнул рукой — Присаживайся.

Я выполнил его пожелание, брат Рози взял из шкафа какой-то свиток и уселся за стол напротив меня.

— Скорее всего до тебя уже донесли тот факт, что обвинения в преступлениях с тебя, и твоего друга Монброна практически сняты — деловито произнес он, глядя на меня — Не скажу, что было очень сложно это осуществить, но тем не менее я использовал свои связи для достижения этой цели.

— И я, и мой друг Гарольд очень благодарны и вам, и вашей семье за эту услугу — тут же сказал я — Смею вас заверить...

— Я не закончил — оборвал меня Гейнард — Хотя нужное слово ты сказал. «Услуга». В тех кругах, где я вращаюсь, именно она, а не золото является основным способом расчетов друг с другом. Сегодня я оказал услугу кому-то, и, значит, вправе завтра с этого «кого-то» получить расчет ей же. Для того, чтобы вытащить тебя и твоего друга из той ямы, в которую вы умудрились свалиться, мне пришлось кое с кого взыскать долги. То есть, в определенном смысле я понес некоторый ущерб, ведь те же ресурсы я мог потратить в интересах собственной семьи. Пойми меня правильно, фон Рут. Я не мелочен, но всему на этом свете есть цена.

— Абсолютно верные слова — и не подумал спорить я — Можете переходить к делу. Что я вам должен?

Гейнард сплел пальцы в «замок», и впервые за нашу беседу в глазах у него блеснул интерес.

— А как же единство благородной крови, «мы не торгаши»? — с еле уловимой ноткой иронии произнес он — Не коробит тебя такой подход?

— Совершенно не коробит — в тон ему ответил я — Все же правильно сказано. Всему на свете есть цена, и свои долги надо платить. Так что я

могу сделать для семейства де Фюрьи? Только сразу предупрежу — от Рози я не откажусь. Во-первых — не хочу, во-вторых у меня есть перед ней определенные обязательства, в третьих, если она про это узнает, то не жить ни мне, ни вам.

— Мне нет дела до ваших отношений — равнодушно изрек Гейнард — Правда, отец что-то такое упоминал, но я особо не слушал. Как по мне — она взрослая девочка, ты тоже уже не мальчишка, так что разбирайтесь сами. Любовь — материя особая, нематериальная, и интереса для меня не представляет. По крайней мере — ваша, из нее дохода не получить.

Врать не буду — удивил он меня. Я таких людей, как этот Гейнард, до того не встречал. Он как будто неживой, для него весь мир делится на две категории — выгодно и невыгодно. Нет, каждый сходит с ума по своему, но это что-то совсем уж особенное.

— Итак — Гейнард изобразил на лице что-то вроде улыбки — Оставим в стороне твои любовные поползновения, поговорим о том, что я хотел бы получить от тебя за проделанную работу. Мне хотелось бы заручиться твоей поддержкой в одном щекотливом деле.

— Надеюсь, никого убивать не надо?

— Нет-нет-нет — заверил меня Гейнард — Для этих целей можно просто нанять подходящих людей, которые сделают это куда быстрее, дешевле и профессиональней, чем ты. Не обижайся, фон Рут, но как убийца ты вряд ли хороши. Поединок, бравада, звон клинков, алые пятна крови на белых рубахах — вот это про тебя, и таких как ты. А правильное и добротное убийство — это удел профессионалов. Оно должно быть быстрым, бескровным и бесследным. Был человек — и нет человека. И никто ничего никогда не узнает. Так что даже не волнуйся, речь не про это. Мне нужна твоя лояльность.

— Моя чего? — уточнил я. Это слово мне было незнакомо.

— Лояльность — терпеливо уточнил Гейнард — То есть — благожелательность, расположенность.

— К кому? — окончательно запутался я.

— Ко мне — на этот раз брат Рози уже не обозначил улыбку, а она прямо-таки расцвела на его лице.

— Ээээ... — я сдвинул колени и насупился — Видите ли, я... Как бы так сказать... Может, я вас лучше с одним своим знакомым сведу? Он как раз из лояльных, самых что ни на есть!

— Да не о том речь — Гейнард укоризненно покачал головой — Боги, как же с вами трудно. Иной простолюдин быстрее понимает меня, честное слово. Речь идет о том, чтобы ты, испытывая ко мне искренние дружеские

чувства, поддержал со своей стороны то предложение, которое я сделаю твоему другу. Деловое предложение. Он может колебаться при принятии решения, и, возможно, именно твое вовремя сказанное слово, вроде «Ну, он же нам помог» или «За добро платят добром» может решить дело.

— Так бы и сказали — топнул ногой я — А то «лояльность» какая-то. Я все понял. Если что — так Монброну и скажу. Только объясните, про что именно речь будет идти.

— Табак — тут же ответил Гейнард — Знаменитый табак с их плантаций. Ну, и еще де Фюрри хотели бы создать торговую концессию с Монбронами Силистрийскими, на паритетных правах, разумеется.

— Почти ничего не понял — совсем уж расстроился я — Не знаю я таких слов, месьор Гейнард. И никто из моих приятелей не знает. Вы бы попонятней...

— Неучи — опечаленно вздохнул брат Рози — Ладно, на пальцах объясню. Корабли, охрану и связи с таможнями предоставляют Монброны, мы же на них грузим товар из Центральных Королевств, и сбываем по всему Южному побережью. Это десятки городов и очень хорошие прибыли. Морем товары поставлять гораздо быстрее и выгоднее, чем по суше. Это очень хорошие деньги. Монbron-старший, увы, никого не хотел пускать в свое дело, причем терпя при этом убытки. Но, надеюсь, с твоей помощью Монbron-младший будет более разумен и сговорчив.

Крепко подозреваю, что Гарольду вообще плевать на все эти... Как их там... Концессии. Ему бы дядюшку убить, да в Вороний замок податься после этого. А про таможни и корабли пускай потом Луара думает.

Кстати, не думаю, что она даст обвести себя вокруг пальца даже этому умнику. Зубы у этой девушки как у щуки — острые, и их много.

— Сделаю — веско произнес я — Дело непростое, но сделаю.

Наверное, стоило ему сказать, что у меня нет уверенности в том, что Гарольд от своего имени может хоть что-то обещать, но я решил этого не делать. А зачем?

— Вот это уже разговор делового человека — одобрил Гейнард — Помоги мне, и твой долг будет закрыт. Более того, в случае, если все произойдет быстро и надлежащим образом, то ты получишь свой небольшой процент от этой сделки.

— А вы приятный человек, Гейнард — сообщил ему я — Честное слово.

— Не без того — брат Рози встал из-за стола — Ну, более не задерживаю. Помни о своем обещании.

— Слово чести — приложил сжатый кулак к сердцу я.

Гейнард посмотрел на меня с жалостью, и махнул рукой — иди, мол.

— Один вопрос — остановился я в дверях — Скажите, если мы отправимся во дворец и, уповая на королевское правосудие, сдадимся в руки закона, то...

— Это будет не самым неразумным решением — даже не дослушал меня Гейнард — Хотя есть тут один скользкий момент, который может перепутать все нити. Вы чем-то заинтересовали Орден Истины.

Вот же. Все-таки не обошлось без них.

— «Чем-то» — решив не показывать свою опечаленность этим фактом, хмыкнул я — Понятно чем. Мы троих головорезов магией прикончили.

— Не знаю, не знаю — поморщился Гейнард — Не вы первые это сделали, не вы последние. Или ты думаешь, что в славном городе Форесса только вы магию используете? Да такое даже у нас, в Асторге случается, а мы подобные вещи не любим куда сильнее, чем местные жители.

Я озадаченно почесал в затылке. Если честно, не предполагал, что подобное может быть в порядке вещей. Этот человек полон сюрпризов, у него их больше, чем у старины Унса.

— Но сдаться на суд короля — это все равно очень правильное решение — продолжил Гейнард — Оно предоставит нам пространство для маневра. Дополнительные аргументы в вашу пользу, королевское благоволение за честность и благородство поступка. Впрочем, не забивай себе голову, это все не твоя забота, а моя. Разумеется, в том случае, если я получу желаемое.

Я было дернулся, но он остановил меня жестом руки.

— Нет, это твоему другу передавать не надо. Тут я как-нибудь сам, хорошо?

На том мы с ним и распрошались. Наверное, надо было ему еще поведать о наших дальнейших планах, связанных с кровопролитием и местью, но и тут я промолчал. Просто месть не моя, а Гарольда, вот пусть он о ней и рассказывает.

Рози стояла за дверью и ждала меня.

— Договорились? — сразу спросила она — Что он сказал?

— Разное — туманно ответил я — Все больше непонятные слова произносил. Я половину не понял. Ты насчет завтрака-то распорядилась?

— Перебьется — отмахнулась она — Главное — вас оправдают? Этот поганец Гейнард мне ведь тоже ничего толком не сообщает. Только советы дает, или того хуже, командовать мной пытается. А что на самом деле происходит, я и не знаю.

— Сказал, чтобы мы шли и сдавались королю — коротко изложил я главную суть нашего разговора — А потом просто сидели и ждали помилования. Остальное нас волновать не должно.

— Вот и хорошо — сразу успокоилась Рози — Если он пообещал, то значит так и будет. Теперь главное, чтобы Монброн не взбрыкнул, и сделку с ним заключил.

— Заключит — успокоил ее я — Ему месть важнее всего.

Скрипнула дверь и в дверном проеме показался Гейнард.

— А, ты здесь? — увидел он сестру — Очень хорошо. Попроси заглянуть ко мне месьора Монброна. Время дорого, потому твоим друзьям было бы неплохо прямо сегодня отправиться в королевский дворец. Чего тянуть? Тут день, там день — вот и неделя прошла. Время, молодые люди, это то, что восполнить нельзя. Пропала минута впустую — и все, ты ее не вернешь.

— До чего же ты нудный — от всей души высказалась Рози — Ужас! Как тебя только жена терпит?

— Никак — равнодушно ответил Гейнард — Ты отлично знаешь, что я женился не на женщине, а на приданом и знакомствах ее отца. Причем она про это знала, и заранее была готова к данной сделке. Зови Монброна.

И он скрылся в своем кабинете.

— И ведь что примечательно — не врет — с каким-то даже восхищением произнесла Рози — Мало того — его жену это устраивает. Хотя — почему нет? Ему плевать на нее, и ее измены, главное, чтобы это не стало достоянием сплетников, ведь это может повредить его деловой репутации. А ей чихать на дела Гейнарда. Они не мешают друг другу, и каждый по-своему счастлив.

— Как по мне — это не жизнь — подумав, сказал я — Душевное спокойствие — это прекрасно, но человека-то рядом нет. Того самого, что очень нужен, когда тебе совсем плохо.

— Никогда от тебя ничего подобного не слышала — со странными интонациями произнесла Рози — И очень надеюсь, что речь идет обо мне.

— Слушай, ты меня сегодня пугаешь — высказал я ей — Вроде раньше на подобные беседы тебя не тянуло.

— Поторчи тут, в четырех стенах, производи себя мыслями о том, как тебе в тюрьме сидится, а после погадай, жив ты или нет, вот и посмотрим, на какие беседы тебя потянет.

Если честно, я надеялся, что она отведет меня к Филу, но нет, мы вернулись обратно в обеденную залу.

— Одного привела, второго забираю — весело сказала де Фюри

нашим друзьям, которые по-прежнему сидели за столом — Монброн, мой брат Гейнард просит тебя уделить ему несколько минут для важного разговора.

— Как он? — спросил у меня Гарольд, вставая из-за стола — Можно ему доверять?

— Ничего, что вы обсуждаете моего брата, а я в это время стою здесь? — возмутилась Рози.

— Более чем — ответил я — Он предпочитает слову дело. Серьезный господин, как мне показалось. И он уже неплохо нам помог.

Если это не та самая лояльность, о которой шла речь в беседе с Гейнардом, то я не знаю, что еще надо сделать.

— Ясно — коротко бросил Гарольд, и вышел вслед за Рози в коридор.

— Мне вообще тут нравится — подал голос Карл, уплетая один за другим оладьи из огромной тарелки, стоящей перед ним — Хороший дом, отменная кухня, и люди не назойливые. Чего еще надо для счастья?

— Поскорее вернуться в замок — произнесла Эбердин — Мне лично этого хочется. Дурью какой-то мы тут маемся. Сначала в одной гостинице сидели безвылазно, теперь вот тут. И какой в этом для нас прок?

— Отдыхаем мы — немедленно выпутался Карл — После войны. Имеем право.

Отвечать на эту реплику Эби не стала, поскольку смысла в подобном не было. Простота Карла не давала возможности ему хоть что-то возразить.

— Слушайте, не знаете, где тут мой Фил сидит, в какой кладовке? — жалобно спросил я у друзей — Надо хоть повидать его!

Мне повезло — Эбердин вызвала меня проводить. Карл, возможно, тоже мог бы это сделать, но вытаскивать его из-за стола, когда на том еще имеется еда, дело зряшное.

Такое ощущение, что растение учудило меня издалека, поскольку, как только я открыл дверь, меня оплел десяток веток, шелестя листвой. Это обниматься ко мне Фил так полез, как видно, и впрямь серьезно соскучился. А может — оголодал. Или и то, и другое сразу. Но мне приятней думать, что все-таки соскучился.

Он мне еще что-то рассказывал, щелкая своим цветком-ключом, но что именно, я не понимал. Скорее всего, жаловался на Рози. А может ругался на меня, за то, что я совсем о нем забыл.

— Надо же, растение безмозглое, а туда же — Эбердин цокнула языком — Скучало, как человек прямо.

— И я по нему тоже — я погладил листву, изрядно отросшую на ветках — Эби, водички не принесешь кувшин? Хоть полью его.

Девушка покинула нас, и я, выглянув из кладовки и проверив, что никто рядом с ее дверью не стоит, быстренько резанул себе руку клинком все той же дрянной «церемониальной» шпагой, принадлежащей кому-то из наших благодетелей Лавиней. Мне ее вернул Рикардо перед тем, как отбыть вместе с Луарой.

Фил моментально учуял солоноватый запах, и прямо-таки заплясал рядом со мной на своих корешках, а после развязил свой клюв, подставив его под стекающую с моей ладони кровь.

Наверное, со стороны это смотрелось даже страшновато. Сами посудите — зеленая нежить поглощает человеческую кровь, подобная картина иную девушку вообще в обморок заставит упасть. Но лично я настолько уже к этому привык, что вовсе не обращал внимания на насыщающееся растение, и знай думал о своем.

Например — вот интересно, расскажет Монброн брату Рози правду о том, что дальше станет с его семьей? В смысле — кто всем заправлять в ней станет? Ну, при условии, что все закончится так, как хочется нам?

Я бы рассказал, и на то есть масса причин. Во-первых, тайное все равно станет явным. Во-вторых, этот Гейнард не из тех, кого стоит злить, и уж тем более использовать в своих целях, ничего не давая взамен. Нет, я знаю, что услуга, которая уже оказана, не стоит даже самой плохонькой медной монеты, но есть такие люди, с которыми даже одеждой рассчитаешься, лишь бы они исчезли из твоей жизни. Этот — из таких.

Ну, и в-третьих. Кто знает, что будет с нами дальше?

Как мне потом рассказал Карл, мой друг Монброн и Гейнард беседовали долго. Где-то час, если не больше. А вот я сам по этому поводу ничего поведать не могу, поскольку в кладовку, где я общался с Филом, нагрянула Рози, ухватила меня за руку и потащила за собой. Даже Эбердин не дала дождаться.

— Отстань, растение — попутно отпихнула она сердито растопырившего ветви Фила ногой — Не до тебя.

В цоканье клюва моего питомца, раздающегося за закрытой дверью, я отчетливо слышал:

— Предал, хозяин. На девушку друга променял!

Да никого я не менял. Просто я и в самом деле соскучился по де Фюрри. Странно — когда она далеко, я про нее почти не вспоминаю, ну, как о женщине, имеется в виду. Про Аманду вспоминаю, а про нее нет.

Но стоит только мне ее увидеть — и все. Я ощущаю, насколько я по ней соскучился, как хотел ее видеть, и что было бы неплохо найти какое-то уютное и укромное место.

Вроде того, в которое она сейчас меня привела. Это было именно то, что нужно. Небольшая комната с надежной дверью и большой кроватью. Чего еще желать для счастья? Разве что горячую ванну?

Мой тактичный друг Гарольд поскребся в нашу дверь только часа через три после того, как мы ее закрыли за собой.

— Эраст — негромко сказал он — Все понимаю, но нам пора. Король у нас лихой, непредсказуемый, возьмёт, да и уедет из города куда-нибудь, на охоту или в одно из своих имений. И тогда сидеть нам в этом доме неделю или две. На стенки от скуки полезем, имей в виду.

— Стало быть, договорились они с Гейнардом — как мне показалось, с разочарованием произнесла Рози.

— Выходит, что да — подтвердил я, слезая с кровати — Вот только надо будет уточнить, все ли он получил, что хотел?

— Ты сейчас о ком именно речь ведешь? — Рози села на кровати, не обращая внимания на то, что одеяло почти не скрывало ее обнаженное тело. Хотя оно и понятно — какие секреты между нами могут быть? Ну, конкретно в этой связи? — О Монброне или о моем брате?

— Об обоих — ответил я, натягивая штаны — Одевайся, пошли новости узнаем.

Глава 15

Помимо Гарольда за дверью обнаружился и брат Рози, он стоял рядом с моим другом, и что-то негромко ему объяснял.

Скажу честно — на душе сразу стало как-то неуютно. Нет, он вроде дал понять, что ему до наших отношений дела нет, но все же...

— Гейнард, ты даже вышел к людям? — изумилась Рози, поправляя волосы — Это событие надо отпраздновать. Ну, или занести в какие-то фамильные хроники.

— Всегда ценил в своей сестре умение своевременно пошутить — невозмутимо произнес Гейнард — Да вот хоть бы даже если вспомнить, как остроумно она в свое время разделась с задачкой, у которой, казалось, нет ответа. Фон Рут, вам это будет особенно интересно. Задумали нашу малютку Рози выдать замуж. Нашли хорошего жениха, разумеется, из старой фамилии, связи и положение которой были бы полезны нашему семейству. Ну, а что ей он не понравился, само собой никого не волновало...

— Гейнард, замолчи — потребовала Рози — Я все поняла. Извини.

— Да? — опечалился ее брат и подошел к ней — А по-моему очень интересная история, тебя великолепно характеризует. Какой безукоризненный был расчет, как ты тогда все спланировала. А как нашего кузена Жерара обвела вокруг пальца! Он ведь потом, по слухам, с собой покончил, когда получил письмо от тебя. Ну, то, в котором было сказано, что все бывшее между вами для тебя ничего больше не значит. Или это все-таки не самоубийство? Мне кто-то говорил, что ты по дороге в свой Вороний замок заворачивала на денек в Туавиль, где красавчик Жерар Литон-Фюрьи в то время обретался.

— Я все поняла, братик — почти по слогам проговорила Рози, опустив глаза вниз — Прости меня.

— И помни, кто ты есть — мягко, по-отечески посоветовал ей Гейнард и легко, почти невесомо хлестнул ее кончиками пальцев по щеке — Всегда помни.

— Если вы еще раз так сделаете, то я вас убью — сделав шаг вперед, и оказавшись лицом к лицу братом моей суженой, сказал я — Дела семьи — это дела семьи, я это знаю, и про то, что посторонним в них лезть не след, тоже осведомлен. Но, тем не менее, никогда так больше не поступайте.

Крепко сомневаюсь, что у меня получится подобное провернуть, а тем

более после оставаться в живых, но промолчать я не мог. Сам бы себе этого потом не простил. Не знаю, чем там у нас с Рози все закончится, но пока это моя женщина, ее никто пальцем не тронет.

— Эх, молодежь — вздохнул Гейнард, которого, казалось, мои слова ничуть не тронули — Все у вас так просто, все либо черное, либо белое. Не желаете вы понимать, что иногда цвета смешиваются, и образуют новую, совершенно невообразимую гамму, в которой не разберешь уже, где какая краска. Я сейчас не обидеть ее хотел, а напомнить, с кем, о чем и как следует разговаривать.

— И все-таки — я старался выдерживать максимально дружелюбный тон я — Вы ей старший брат, вы имеете полное право высказывать ей свою недовольство и требовать покорности, но бить не смейте.

— Эраст, я не в обиде на Гейнарда — подергала меня за рукав Рози — У нас в Асторге подобное нормальное явление. Меня вообще до тринадцати лет розгами пороли.

— Это правда — подтвердил Гейнард — У нас при экзекуции не делают различия между мальчиками и девочками. Если оплошал в чем-то, а после еще и попался, то будь любезен, заголи зад, ложись на лавку, и получи свои заслуженные десять-двадцать розог. Причем при свидетелях. Иногда даже специально слуг сгоняют, чтобы они это видели. Отец считал, что так мы лучше прочувствуем свою вину.

— Не столько больно, сколько унижительно — добавила Рози — Когда меня пороли в последний раз, я чуть не умерла от стыда. У меня уже грудь была, а отец взял, и определил мне наказание в двадцать розог, причем не по заднице, а по спине. По пояс голой на лавке лежала, а все слуги дома вокруг стояли и смотрели.

— А некоторые еще и реплики отпускали — подтвердил Гейнард — Правда, потом самых разговорчивых какая-то болезнь за год всех прибрала. Лег слуга вечером спать, а утром и не проснулся. Особенно отец, помню, переживал смерть мажордома, незаменимый был человек. Даже расследование учинил, помнишь, сестренка?

— И ничего не выяснил — улыбнулась Рози как-то по-детски — Да и старый он был уже, мажордом. Сам умер, что там было расследовать?

— К чему я это сказал, милейший Эраст — по-дружески положил мне руку на плечо Гейнард — Не спешите защищать Рози. Она сама прекрасно сможет о себе позаботиться. Но не могу не отметить то, что теперь мне стало гораздо спокойнее. Моя сестра под надежной защитой, и это очень хорошо.

Если издевка в этих словах и имелась, то она была изумительно

глубоко запрятана. Я ее, по крайней мере, не почувствовал. Правда, Рози после этого изрядно покраснела, что для нее несвойственно.

— Итак — еще раз похлопав меня по плечу, продолжил ее брат — Господа, вам пора отправляться к королю. До дворца вас довезут в карете, ну, а дальше ножками, ножками. Еще раз повторю то, что говорил месьору Монброну — никому во дворце не верьте, ничего там не ешьте и не пейте, если вам будут предлагать какую-то помошь какие-либо придворные, то тактично отказывайтесь от нее, напирайте на то, что верите в королевское правосудие. Дескать — король мудр, он и так во всем разберется.

— Ясно — кивнул я — А если пребывание там затянется, то нам что есть и пить?

— То, что соберут вам заботливые руки моей сестры — Гейнард цапнул одну из упомянутых конечностей Рози и облобызal ее — У мистресс де Фюрри будет полное право навещать своего жениха, пребывающего в Палатах Раздумий. Оно, к слову, обговорено даже в законах Силистрии.

Монброн после этих слов негромко хмыкнул, но говорить ничего не стал.

— И вот еще что, фон Рут — продолжил Гейнард — У меня для тебя есть небольшой подарок. Ну-ну, не стесняйся. Мы же почти родня, потому ничего такого в этом нет. Может ведь брат твоей будущей жены что-то преподнести в дар своему будущему шурину, разве нет? Например, вот эту шпагу. Не скажу, что это клинок из нашей фамильной оружейной, но это добрая асторгская сталь. В любом случае, она всяко лучше, чем то безобразие, с которым ты пришел в наш дом.

И он протянул мне шпагу, которая секундой раньше стояла прислоненной к стене. Я сразу ее приметил, как только вышел в коридор. Еще, было, удивился тому, что тут оружие вот так запросто везде лежит. А оно вот, оказывается, что.

Эта шпага была длиннее чем та, которую мне когда-то подарил Агриппа, не намного, но все же. И гарда была у нее не витая, как водится в Центральных королевствах. Это была так называемая «чашка», причем украшенная чеканкой, изображающей переплетенных между собой змей. Ну, или каких-то других тварей, на них похожих.

А еще к рукояти за кожаные ремешки была прикреплена дага в ножнах.

— Спасибо — я склонил голову. Низко склонил — Вот за это спасибо. А то как голый хожу.

— Ну, вообще-то, магу шпага и не очень нужна — заметил Гейнард —

У вас другие способы уцелеть в потасовке должны быть. Даже у подмастерьев.

— Иной раз сталь надежнее — возразил я ему, взявшись с пряжкой ремня — Она меньше внимания привлекает и неприятных последствий позволяет избежать.

— Не без этого — согласился брат Рози — Да и вообще ты в чем-то прав — достойному человеку как без шпаги существовать? Да никак. Опять же именно шпага «защитница чести благородной», про то даже в Уложении написано. Случись чего, а ты без хорошего клинка.

«Случись чего». А чего именно должно случиться? Уж не то ли, о чем Гарольд мечтает? Тогда становится понятно, с чего это Гейнард решил мне подарок сделать. А еще это значит, что эти двое точно договорились.

— Еще раз — спасибо — приложил руку к сердцу я — И, надеюсь, моя фраза относительно ваших отношений с сестрой не послужит причиной ссоры.

— Красиво изложил — сообщила всем Рози, обхватила ладонями мое плечо, а после приложила к нему еще и свою щеку — А два года назад пару слов толком связать не мог. И скажу вам так — поверьте, то ли еще будет.

— Если будет — заметил Гейнард — Скажу вам так, друзья мои. Если вы продолжите влезать в подобные истории, то никакого: «то ли еще будет» не случится. Вы умрете до его наступления. А с учетом того, что времена в Рагеллоне наступают смутные, то вероятность потерять голову у вас возрастает многократно.

— Мы чего-то не знаем? — заинтересовался Монброн — Вроде война кончилась, нордлиги уползли на свои острова, и, думаю, теперь долго носа на континент не сунут.

— Нордлиги? — поморщился Гейнард — Это просто разбойники, чтобы там мне ни писали эти олухи, наши с Рози братья. Истинная причина грядущих перемен в другом, просто не все ее видят. Кто-то по недомыслию, кто-то по глупости, а кому-то это безразлично. Но коснется это всех.

Это он о чем? О тех странных воинах-магах, которые нордлигам помогали? Или про Орден Истины?

Монброн глянул на меня, и по его лицу я понял, что он тоже правильного ответа не знает. Малого того, даже Рози смотрела на брата с тем выражением лица, завидев которое я всегда немного напрягался. Эдакая смесь неудовольствия и раздраженности. Не любит она, когда чего-то не знает, это ее задевает.

Влип Гейнард. Теперь она с него живого не слезет. Но это уже без нас,

нам, хвала богам, пора в путь.

— Ладно, не забивайте свои головы — окинув взглядом нашу компанию, произнес брат Рози — Просто запомните то, что бессмысленное геройство и глупость чем-то похожи. В основном тем, что обладатели этих качеств быстро находят свою смерть.

Сдается мне, что этот умник и наш наставник нашли бы, о чём поговорить. Вот непосредственно сейчас у меня возникло ощущение, что мы уже дома, и нам выдают очередную порцию наставлений.

— И еще — Гейнард заложил руки за спину и покачался на носках сапожков с мягким голенищем — Когда запахнет паленым, то не валяйте дурака и убирайтесь из герцогств куда подальше, хоть бы даже и к нам в гости. Асторг, по мнению многих, не лучшее место на континенте, но зато достаточно безопасное. И вам всем там будут рады.

— Я почти ничего не поняла, братик — прощебетала Рози — Но мы еще пообщаемся на этот счет.

— Не пообщаемся — покачал головой Гейнард — Что я хотел сказать — то уже сказал. Если тот момент, для которого это говорится, наступит, вы вспомните мои слова. Если же нет, то и ладно. На этом я с вами прощаюсь. Карета во дворе, она отвезет вас в королевский дворец. И — удачи.

Гейнард развернулся к нам спиной, и вскоре исчез за ближайшим поворотом.

— Вот такой у меня брат — развела руками Рози — Как всегда, наговорил массу непонятных вещей и ушел, ничего не объясняя.

— Да уж — потер лоб я — Вопросов больше чем ответов. Гарольд, как ты думаешь, что он имел в виду под наступающими смутными временами?

— Понятия не имею — задумчиво произнес Монброн — Есть у меня предположение, но не знаю, не знаю...

— Если не секрет? — оживилась Рози.

— Линдоны — коротко ответил наш друг — Может, дело в них?

— Айронтская династия? — Рози задумалась — А что, вполне вероятно. Я слышала, старый Линдон Седьмой, отец нынешнего короля только и думал о том, чтобы сколотить империю, по образу и подобию тех, что в старые времена были. Ну, еще до Века Смуты. Опять же, вспомните, чем война закончилась? Правильно, Айронт прирос новыми землями. Причем между ними и Миклайтом, где сидит король, лежат земли чужих герцогств, а это не может не раздражать.

— Ну, с учетом того, что наместником там теперь сидит Айгон, то я бы не стал уверенно говорить о том, кто чем прирос — вмешался в разговор я

— Поверьте, я достаточно времени провел в его компании, и могу вас

заверить, что он с полученным добром в жизни не расстанется. Что ему в руки попало, то пропало. И на месте его родителя я бы вообще охрану усилил, от греха.

— Возможно — не стала спорить со мной Рози — Но это более-менее похоже на правду. Хотя — много ли мы знаем о том, что где происходит? Если бы нас на войну не занесло, мы бы и про нее проводили только этим летом. Или вообще не узнали.

— Может, оно и к лучшему было бы — вздохнул я — Столько мы времени на ней потеряли, столько неприятностей на свою голову нашли.

— Загрустил — Рози прижалось к моей щеке своей, а после повернулась к Гарольду — Монброн, может, ты сначала пообедаешь, а? Иди в залу, перекуси, поболтай с Фальком, а мы попозже к вам подойдем.

— Нет уж — решительно заявил наш друг — Знаю я это ваше «попозже». Сначала это, потом «следует поужинать», а после: «Куда вы на ночь глядя поедете?». Не волнуйся, де Фюрьи, скоро все закончится и верну тебе Эраста в целости и сохранности.

— Разумеется, вернешь — уверенно заявила Рози — Потому что если он по твоей вине умрет, то и тебе не жить. Слушай, кстати, а ты прав. Вещи из разряда тех, что вы задумали, лучше делать с утра. Может, в самом деле заночуем здесь, а потом, по утреннему холодку...

Гарольд похлопал глазами, слушая ее, потом поднял руки вверх, потряс ими, как бы призывая богов на свою голову, а после развернулся и скомандовал:

— Все, фон Рут, нам пора.

— Попомню я это тебе, Монброн — деловито сообщила нам в спину Рози — Ох, попомню! Эраст, помни, во дворце ничего ни ешь и не пей!

Вообще-то Ворон учил нас работе с ядами. Ну, определять их, создавать противоядия и так далее. Ну, и делать их, понятно, тоже учил. Вот только проверять на себе, насколько хорошо мы усвоили эту науку, мне не хотелось. Одно дело, когда он тогда подмешал в половину мисок с ужином разной отравы, и велел тем, кто не повалился на пол, пуская слюну, распознать, кого каким ядом отравили, и как умирающим надо жизнь спасать. Выглядело это жутко, но умереть он все равно никому не дал бы. По крайней мере, мы потом так рассудили.

А тут совсем же другой расклад. Здесь нас никто выручать в последний момент не станет. Наоборот — убедятся, что мы мертвые и пойдут за наши жизни оплату получать. Так что лучше поголодать, чем к Престолу Владык отправиться.

— Не буду — крикнул я ей.

Провожать нас Рози не пошла. Не иначе, как сразу к Гейнарду побежала, узнавать, что к чему.

А вот Карл с Эбердин вышли во двор, где нас и вправду ждала черная карета без гербов на дверях, запряженная парой гнедых лошадей.

— Де Фюри говорила, что там все решено уже — басил Карл, хлопая то меня, то Гарольда по плечам — Так что нормально все будет, не волнуйтесь.

— Мы спокойны — заверял его Монброн — Если кто нервничает, так это ты.

— Да вот еще — Фальк сдвинул брови — Просто давно не виделись, и снова как брызги в разные стороны разлетаемся. Не дело это. Может, я тоже с вами? Ну, а чего? Тут, конечно, неплохо, но скучновато уже.

— Ты ешь всё то время, которое не спишь — вмешалась в разговор Эбердин — Как тебе может быть скучно?

— Сильно — с обидой в голосе ответил ей Фальк — Очень сильно скучно. Даже еда может надоест.

Через минуту эта парочка занималась своей любимой забавой — ругалась. Из рассказов Рози я уже знал, что они таким образом развлекаются чуть ли еще не с «Крыльышка и ножки». Но при этом она однажды утром, еще до рассвета, в коридоре сама видела, как Карл выходил из спальни Эбердин. И лицо у него было довольно донельзя.

В принципе — предсказуемо. Жить в гостинице в одном номере, и в результате не оказаться в одной постели — это дикость какая-то. Другой разговор, что это все у них закончится, как только мы вернемся домой. Карлу не нужна ответственность, а Эбердин не нужен Карл. Ей вообще никто не нужен, она по характеру одиночка. Ну, разве только что дружба Рози, которая дает ей возможность не ощущать совсем уж пустоту вокруг себя.

Они так увлеклись, что почти пропустили тот момент, как открылись ворота, как мы залезли в карету и как возница щелкнул кнутом.

— Все хорошо будет — в дверцу кареты бухнул кулак Фалька — А если что, то я всех поубиваю.

Карета скрипнула колесами, раздался еще один щелчок кнута, и мы снова остались вдвоем.

— Грустно? — через пару минут езды в тишине, спросил у меня Гарольд.

— Есть немного — не стал скрывать я — Только среди своих понимаешь, как ты устал.

— Осталось совсем чуть-чуть — пообещал Монброн — Гейнард

обещал, что все случится так, как нужно мне, и я верю ему. Он заломил такую плату за свои услуги, что ему нет смысла не держать слово.

— А ты согласился на его условия? — уточнил я, понимая, что сейчас, возможно, мне придется выполнять данное брату Рози обещание.

— Да — как-то так просто ответил Гарольд — Плата велика, но при этом она никак не ущемляет интересы моего семейства и даже практически не сокращает его благосостояние. Более того, одно из основных условий очень даже выгодное. Я вот никогда не понимал отца в его стремлении вести торговые дела в одиночку, без партнеров. Хотя тебе это, наверное, неинтересно.

— Главное, что вы поладили — уклончиво ответил я — Слушай, а то что ты сейчас не глава семейства, да и потом им не станешь, его не смущает?

— Нет — покачал головой Монброн — Луара показала свои зубки, это да, но это ничего не значит. Она — женщина, и ее слово пока не значит ничего. И потом — все происходящее выгодно ей самой, а за подобное надо платить.

— Слушай, а после того как мы твоего брата и дядюшку... — я помялся — Когда все закончится, мы ведь сразу отсюда домой рванем? Ну, понятное дело, заскочим в Алессию, но потом-то?

— А отпраздновать? — как-то даже обиделся Монброн — Ты знаешь, как наши повара готовят? Опять же в винном погребе надо пару дней провести, там меньше не получится. Ну, и с де Фюрри тебе надо несколько ночей провести не в придорожных гостиницах, а в моем доме, в одной из спален, где созданы идеальные условия для безумств двух любящих сердец.

— Красиво сказал! — восхитился я — Да ты поэт!

— Ты правда хочешь быть с ней? — неожиданно серьезно спросил у меня Гарольд — Это все не дурачества, не шутки?

— Не знаю — признался я — Когда мы рядом — да. Когда мы порознь... Не знаю я, короче.

— Просто хорошо бы тебе определиться — пояснил свой вопрос Монброн — Это надо знать ей, потому что я знаком с де Фюрри давно, и могу тебе сказать, что такой ее никогда не видел. Такой, какая она рядом с тобой. Это надо знать мне, потому что раньше я не был готов за нее умереть, но если она твоя женщина, то это все меняет. Да и потом, есть еще одна причина...

Он имел в виду Аманду. Имя не прозвучало, но речь шла о ней.

— Давай потом — попросил я его — У нас впереди увлекательный вечер, который невесть чем закончится, кто бы там что ни обещал, так что

давай пока все эти разговоры отложим в сторону.

— И это правильно — одобрил Гарольд мои слова — Кстати, мы почти приехали.

Мы были уверены, что карета довезет нас прямо до дворца, но она остановилась значительно раньше, в каком-то переулке, даже не доехав до площади, за которой начиналась королевская резиденция.

— Выходите — распахнул возничий дверцу — Месьор Гейнард сказал, что не следует давать пищу для пересудов.

— Верно — покладисто согласился Гарольд — Гербов здесь нет, но кто захочет узнать истину, тот до нее докопается. Передайте месьору наши благодарности и повторные заверения в том, что Монброны Силистрийские всегда держат свое слово.

— Непременно — заверил нас возница, закрыл дверцу, влез на козлы и в очередной раз щелкнул кнутом.

Мы проводил взглядом карету, которая шустро исчезла из вида.

— Врать не буду, там, в доме, мне все это казалось более безопасным — глянул на друга я.

— Страшновато? — спросил у меня Монbron сочувственно.

— Противоестественно — пояснил я.

А что, так и есть. Мне, бывшему вору, доброй волей идти сдаваться в руки правосудия кажется не просто диким поступком, а чем-то таким... Да я даже слова не подберу подходящего для этой ситуации.

— Понимаю — Гарольд обнял меня за плечи — Мне тоже кажется странным идти держать ответ за то, что я не совершил. Да и в целом — ни один Монbron никогда не участвовал в королевских судах в качестве обвиняемого. Защитником чьей-то чести мы бывали, працадед, по рассказам отца, как-то судился с одним из Алиенте, что-то они не поделили. Причем дело закончилось тем, что наше семейство и Алиенте породнились, после чего на долгие годы стали очень близки. Сейчас, правда, этот род совсем захирел, в нем почти не осталось мужчин. Там два поколения подряд одни девочки рождаются, а единственный сын, Доминик, несколько лет назад погиб на поединке. Мне прочили в жены одну из его сестер, но как-то не сложилось.

Да, Луара называла эту фамилию. Этот Доминик был его другом.

— Ну да, что-то в этом роде — покивал я — Пошли уже, пока я не передумал и не задал стрекача.

— Все бы тебе шутить, Эраст — укоризненно сказал Монbron.

Какие шутки. У меня ноги в сторону дворца идти отказываются. Все могу понять и пережить — тюрьму, драки, войну. Но этот поступок разум

не может расценить как хоть сколько-то рассудительный.

И тем не менее я зашагал вслед за другом, который уверенно двинулся в сторону большой площади, с которой открывался потрясающий вид на красоты королевского дворца.

В этом городе было много прекрасных зданий, с белоснежными стенами, с округлыми куполами, но дворец — это было что-то особенное.

Он стоял на возвышении, на искусственно созданном холме, и к нему вело несколько лестниц, причем каждая из них была отделана разными видами камня. Центральная была создана из золотистого мрамора, она начиналась прямо на площади и вела к ажурной золотистой ограде с гостеприимно распахнутыми воротами. Правда, войти на дворцовую территорию вот так запросто было бы затруднительно — рядом с ними маячили рослые фигуры целых шести стражников, да и на лестнице я тоже заметил посты, правда, уже более малочисленные. Да и то, скорее всего не все, потому как, и лестницы, и сам дворец, буквально утопали в яркой южной зелени.

— Куда? — преградили нам дорогу стражники, как только поняли, что мы собираемся пройти внутрь, а не просто поглазеть на красоты — Есть разрешение?

— Негодяй — непритворно удивился Гарольд — Ты меня что, не узнал? Я Монброн. Представители моей семьи могут посещать дворец тогда, когда им этого захочется, таково наше родовое право, подтвержденное и нынешним королем.

— Монброн? — опешил один из стражников, тот что был постарше — И вправду, вы и есть. Вот тебе и на!

— Да-да-да — недовольно произнес Гарольд — В данный момент имеет быть... Как бы так сказать... Некоторая неприятная ситуация, которую надо разрешить. Да вообще — что такое? Почему я должен что-то объяснять какому-то стражнику? А ну, веди меня во дворец! Именно ты и веди, а то будут на каждом посту останавливать.

— Вам бы, милсдарь, через южный вход идти, через золотую лестницу — жалобно сказал старший стражник — Там все ваши всегда заходят и выходят.

Надо будет глянуть. «Золотая лестница». Звучит.

— Там вопросами замучают — поделился с ним Гарольд своими печалями — И фальшивым сочувствием. Ну что, идем?

— Ох — было заметно, что стражнику все это очень не нравилось, он боялся попасть впросак.

— Мы пришли чтобы предать себя в руки королевского правосудия —

решил прекратить я этот балаган — Веди нас куда следует, и тебе, авось, еще и награда какая выйдет.

Было видно, что и награда ему никакая не нужна, лишь бы не влезать в это мутное дело. Везде стражники одинаковы, честное слово, у нас в Раймилле такие же были. Как торговцев трясти и долю свою от воров получать — это они первые. Но если какую ответственность на себя брать — так это без них.

Гарольд победил и вскоре мы зашагали вверх по мраморной лестнице. На самом деле вокруг была красота необыкновенная. Короли Силистрии, похоже, не чуждались красоты, потому и слева, и справа в аллеях между лестницами были видны разнообразные статуи и памятники, тут и там приятно журчали фонтаны, зачастую украшенные архитектурными изысками. Да и садовники тут, похоже, здесь трудились не покладая рук.

Чем выше мы поднимались, тем больше я понимал, насколько велик королевский дворец. Три башни, что я видел с площади, были лишь фасадом, входом, и не более того.

Окончательно я в этом убедился, когда мы попали внутрь. Пожилого стражника с нами уже не было, у входа он передал нас какому-то изящно одетому молодому господину, который сразу учтиво раскланялся с Монброном, оказавшись его знакомцем, приветливо кивнул мне, и тут же повел нас по извилистым коридорам дворца.

Я только успевал вертеть головой, разглядывая местные красоты. У Монброна замок хоть куда, но это... Слов нет просто! А сколько это все стоит, даже представить невозможно!

— Франсиск, король в городе? — сразу спросил у него Гарольд на ходу
— Эти болваны у входа наверняка ничего не знают, но ты-то в курсе?

— Здесь — благожелательно ответил Франсиск — Правда настроение у него со вчерашнего дня скверное, имей в виду.

— Что такое? — заинтересовался мой друг — Что случилось.

— Да сразу три коня в ночь пало — объяснил его приятель — С позавчера на вчера. Главный конюх утверждает, что он вообще не понимает, как такое могло случиться. И еще говорит, что они, похоже, изначально были больны каким-то лошадиным заболеванием.

Выдав последнюю фразу, Франсиск остановился, уставился на Гарольда и подмигнул ему.

Стоп. А дядюшка Тобиас-то у нас ведь как раз лошадей на королевские конюшни поставлял.

Лошадок жалко, это да. Но как красиво сработано!

— Господин Отиль, постельничий его величества, предположил, что

некто — Франсиск сделал движение бровями, причем настолько резкое, что я даже перепугался за кожу на его лице, а после снова бодро потопал дальше по коридору — Некто. Ну ты понял. Так вот — некто просто хотел нажиться на доверии и благорасположении к нему нашего славного доброго Эдуарда.

Так звали местного монарха. Эдуард Четвертый, если точнее.

— И что король? — тут же спросил я.

— Всегда прислушивается к мнению господина Отиля — расплылся в улыбке Франсиск — Он один из мудрейших людей Силистрии.

Насколько я понял из дальнейшего разговора, Франсиск был одним из ближних слуг его величества. Нечто среднее между порученцем и мальчиком на побегушках. А еще этот шустрый малый некоторое время назад крутил любовь с одной из сестер Гарольда, а потому симпатизировал его семье.

— Я сам слышал, как король говорил: «Монброны столпы моего королевства. И не эти, а те». Ну, в смысле старшая ветвь — время от времени оглядываясь, трещал шустрый юноша — Так что правильно ты сделал, что пришел.

— А разве есть другие варианты? — изумился Гарольд и остановился
— Все, пришли. Франциск, доложи.

Один из коридоров, я уже сбился со счета, который именно, привел нас к огромным, размером с подвесной мост, и изумительной красоты дверным створкам. Около них мялось человек двадцать в дорогих камзолах, которые заметив моего друга тут же начали шушукаться.

Стражники же, стоящие около них на страже, даже не пошевелились при нашем появлении.

— Сейчас — понятливо кивнул юноша — Жди.

Он подошел к дверям, толкнул их вперед, и они неожиданно легко распахнулись. Надо же, был уверен, что они тяжеленные.

— Ваше величество, позвольте доложить — гаркнул Франсиск — Гарольд Монброн, из старшей ветви Монбронов Силистрийских нижайше просит принять его.

Про меня он вообще даже не упомянул. Как видно, не дотягиваю я пока до такой чести.

— Проси — донесся до меня басовитый голос.

— Ну, пошли — толкнул меня Монброн — Чего встал?

Глава 16

Король Эдуард оказался вовсе не таким, каким я ожидал его увидеть. Голосина-то у него ого-го какая, вот мне и представился плечистый здоровяк, вроде папаши Аманды. Ну, может, только помоложе, и без бороды. В Силистрии, насколько я понял, и усы, и бороды не в чести.

А вот и нет! На троне, который, к слову, более всего был похож на простое кресло, только позолоченное, сидел невысокий мужчина средних лет, довольно упитанный и, вдобавок, со здоровенной залысиной.

Да у него даже короны на голове не было!

Но это точно был король, потому что Гарольд склонился в изящном поклоне и произнес:

— Ваше величество, позвольте поприветствовать вас!

Я, само собой, тут же попробовал повторить его движения, но, как видно, справился с этой задачей не очень-то. По крайней мере, следом за этой моей попыткой по тронной зале пробежали смешки. Зрителей-то тут хватало, человек двадцать стояло и сидело вдоль стен, и, как видно, я их изрядно повеселил.

Впрочем, кое-кто не смеялся, а именно — два человека в черных, надвинутых на лицо капюшонах.

Орден Истины, этих ни с кем не спутаешь. Экая неприятность.

— Гарольд Монброн — зычно произнес Эдуард — Красавец, бретер, женский любимец. Ай-яй-яй, Гарольд Монброн, ай-яй-яй. Одно дело развлечения, пусть даже иногда и возмущающие общественное мнение, и совсем другое, когда тебя обвиняют в серьезных преступлениях.

Вроде бы и ругал король моего друга, но сказано это было таким тоном, что у меня на сердце стало поспокойнее. Его величество явно не гневалось, тут некие отеческие нотки слышались, вроде: «Ну, ты что же такое натворил, сынок?».

— Ваше величество, это оговор — с достоинством ответил Гарольд — Вы ведь знаете меня с той поры, когда я был еще ребенком, не так ли?

— Так — милостиво кивнул Эдуард.

— И даже тогда я, сотворив шалость или глупость, никогда не прятался за спины других, и не сваливал на них свою вину.

— Это правда — сообщил король придворным — Помню, как-то посетил дом его отца, так вот в тот день этот славный юноша, тогда, правда, бывший еще совсем мальчиком, разбил старинную вазу. И, заметим,

тут же сознался в этом. Крепко тогда ему всыпал старый Монброн, причем собственноручно и на моих глазах. Я даже попросил его не быть столь строгим. Правдивость и открытость должны быть вознаграждены.

— Собственно, по этой причине я и мой друг позволили себе прийти во дворец, не имея на то вашего соизволения или приказания — продолжил Гарольд — Ни он, ни я никогда не преступали закона, ни людского, ни божественного, наши помыслы всегда были чисты. Нам нечего бояться, мы невиновны ни в одном преступлении, приписываемом нам, потому без страха вверяем наши жизни вашему величеству. Пусть свершится королевский суд.

— Пусть свершится — не стал спорить с ним король — Хорошо сказано, да, господа?

Окружающие зашумели, соглашаясь с ним.

— Вот только странно — сказал кто-то скрипучим старческим голосом — А что же это вы столько времени ждали? Почему сразу к королю не пришли? Или надо было кое-какие следы спрятать?

— Я был ранен — не полез за словом в карман Монброн — Если желаете, виконт Скорца, то могу вам показать рану в боку, она до сих пор не зажила. Как только я смог встать на ноги, то немедленно направился сюда.

— А что твой спутник все молчит? — спросил вдруг король, уставившись на меня — Он нем?

— Нет мне прощения, ваше величество — снова склонился в поклоне Гарольд — Я забыл представить вам своего друга, одного из самых благородных людей, что мне встречались в жизни. Это Эраст фон Рут, барон.

— Ваше величество — снова скопировал движения Гарольда я — Счастлив служить вам!

Еще мастер Гай в своих наставлениях мне говаривал: «Если не знаешь, что сказать высокопоставленной особе, говори, что готов ей служить. Всегда срабатывает».

— Барон — прищурился Эдуард — Из Лесного Края, поди? Я знал пару тамошних уроженцев, это были славные парни.

— Оттуда — без особого стеснения ответил я — А что за люди? Может, я их знаю? А то и привет от вас при случае передам.

Король рассмеялся, а мне стало совсем легко. С чувством юмора у него все в порядке, а значит наши шансы на успех стали еще больше.

— Ты нашел себе хорошего друга, Монброн — заметил Эдуард — Может жители Лесного Края и простоваты, но зато среди них никогда не

встречается ни трусов, ни предателей.

— Фон Рут доброй волей последовал за мной и в тюрьму, и сюда — заметил Гарольд — Его жизнь моему дяде была не нужна, и он дал бы ему уехать из Форессы.

Король снова посмотрел на меня.

А я в это время думал о том, как все-таки в этой жизни все запутанно.

Передо мной король. Самый настоящий. Больше скажу — это даже не первый король, которого я так близко вижу. Правда тот, первый, больше орал, чем говорил. Но этот-то вон общается со мной, и даже хвалит. Меня, воришку из подворотен города Раймилла. И все это происходит лишь потому, что я присвоил чужое имя. Пусть не своей волей, но тем не менее. Неужели всего одно слово, обозначающее титул отеляет оборванца из трущоб от тронной залы дворца? То есть достаточно только сменить лохмотья на камзол, повесить на бок шпагу и сказать всем, что ты благородный? Нет, у меня и грамота есть, но кто ее смотрел? Хотя — вру, случилось такое разок, но там ситуация другая была.

Вот и выходит, что Ворон прав. Не так и велика между нами всеми разница. Она, по сути, только в том, кому повезет больше при рождении, а кому нет. И только.

А если ты попадешь в подмастерья мага, то ее вовсе не станет.

— Итак, Гарольд Монброн — повысил голос Эдуард — Ты хочешь моего правосудия?

— Да, мой король — громко ответил Гарольд.

Он стянул через голову перевязь со шпагой, отцепил от пояса дагу, и кивнул мне, давая понять, чтобы я сделал то же самое.

После мой друг подошел к трону короля, встал перед ним на одно колено и положил свое оружие к его ногам.

— Моя жизнь в ваших руках — громко произнес он — Если вы решите, что я преступник, то меня ждет эшафот, на котором я без единого возражения положу голову на плаху. Если вы счтете меня невиновным, то я буду вправе убить любого, кто позволит себе усомниться в моем добром имени.

Присутствующие тихонько начали переговариваться, похоже, они были в курсе происходящего.

Я сделал то же, что и мой друг, но говорить ничего не стал. А зачем? Все и так ясно.

— Твои слова услышаны, Монброн — сообщил нам король — Ты хочешь правосудия? Хорошо, оно свершится, причем уже завтра. А чего откладывать? Ты здесь, твой дядя тоже в городе, вот в полдень на Судной

площади все и устроим. Дерье!

— Здесь, ваше величество!

Из толпы вышел молодцеватый господин, в котором я безошибочно узнал главу королевской стражи. Есть в лицах главных стражников что-то такое, из-за чего их с другими королевскими служителями не спутаешь.

— Пошли человека в дом Монбронов — распорядился Эдуард — Пусть передадут Тобиасу, что завтра в полдень он должен быть... Ну, ты понял?

— Будет сделано! — гаркнул Дерье.

— Мой старший брат Генрих тоже повинен в случившемся — глухо произнес Гарольд — Грустно признавать, но это так. Его присутствие на площади мне видится необходимым.

— И его тоже предупреди — не стал спорить с моим другом король — И вот еще что.

Король поманил Дерье пальцем и что-то шепнул ему на ухо. Страж выслушал его, понятливо кивнул и быстро удалился.

Сдается мне, он отдал приказ, чтобы за Тобиасом и Генрихом пригляд поставили. А ну как те в бега подадутся? Разумно, ничего не скажешь.

Ну, вот и славно, время неясностей и непонятностей наконец-то истекло. Завтра все так или иначе закончится. Если повезет, то мы убьем двух человек и станем свободны в своих желаниях и передвижениях, ну, а если нет, то завтрашнего заката нам не видать.

— А пока, господа, отправляйтесь в Палаты Раздумий — сообщил нам король — Выспитесь, перекусите, вам завтра понадобятся силы.

И он совершенно не по-королевски подмигнул нам.

А мне нравится этот Эдуард. Хороший венценосец, не то, что некоторые, бородатые, которые только орать горазды. И наш, из Раймилла, ему в подметки не годится, потому что жадина. Даже в свой день рождения, когда самое время проявлять щедрость, он толпе медяки кидал, а не серебро.

Этот же очень ничего. С таким королем не жизнь в государстве, а сказка.

— Ваше величество — подал голос человек в капюшоне — Вы будете не против, если мы зададим этим господам несколько вопросов?

— А, да — поморщился Эдуард — Помню, вы что-то такое мне про них говорили. Эти мальчишки использовали магию.

— Не просто использовали — прошелестел голос чернеца — Они убили ей трех человек.

— Преступников — уточнил постельничий Отард, которого я тоже

давно приметил — Эта троица была из «Гильдии Убийц».

— Верно-верно — оживился король — Есть такое. И, по всему выходит, Монброн и его приятель действовали верно. А что? Отбивались, как могли, и даже без оружия троих профессиональных убийц прикончили. Защита собственной жизни — это не убийство.

— Магия крови — помолчав, произнес человек в капюшоне — Один из них использовал магию крови.

— Н-да? — Эдуард посмотрел на нас, и в его взгляде четко читалось: «Что же это, ребята, вы столько проблем себе создали».

— Применение магии крови считается нежелательным, это так — подал голос я — Но запрета на ее использование нет. Кроме, разумеется, некромантических заклинаний и еще тех, которые подавляют волю и рассудок человека. Я использовал заклинание «ножи крови», которое никак нельзя причислить к этим исключениям. Боевая магия, не более. К тому же более сложных заклинаний из этого раздела я и не знаю, поскольку являюсь только подмастерьем.

— Ну вот — поддержал меня король — Юноша все разложил по полочкам. Да тут даже из названия видно, что это заклинание боевое. Ножи же!

— Нам будет позволено поговорить с этими молодыми людьми? — все так же тихо спросил чернец — Вы не дали ответа, ваше величество.

— Поговорите — без особой охоты разрешил король — Вас пустят в Палаты Раздумий. Монброн, фон Рут, надеюсь, вы сможете удовлетворить любопытство представителей Ордена Истины, и все вопросы разъяснятся к всеобщему удовлетворению.

— Мы всегда готовы всячески содействовать Ордену Истины — громко сказал Гарольд — Ибо главной целью как для них, так и для нас, магов, является покой и порядок во всех землях Рагелона.

— Истинно так — поддержал его я.

Ну вот, теперь никто не сможет сказать, что мы сопротивлялись представителям Ордена или уклонялись от беседы с ними. Свидетелей полно вокруг.

Люди в черных балахонах обозначили поклон королю, а после покинули залу, двигаясь практически бесшумно.

Король Эдуард шумно вздохнул, когда за ними захлопнулись дверные створки, что-то хотел сказать, но не стал этого делать, только рукой махнул. Было видно, что симпатии эти двое у него не вызывают.

— И вы идите — сказал он нам — Стыдобища! Нет, чтобы как полагается, кинжалом или шпагой управиться с этими негодяями, как и

положено людям нашего сословия.

— Так не было ни того, ни другого — расстроенно объяснил ему Гарольд — И еще кандалы на запястьях. Чудо, что вообще отбились.

На этом, собственно, для нас аудиенция и закончилась. Монброн, а вслед за ним и я, снова изобразили поклоны (причем мне практически удалось сорвать овацию), и откланялись.

У входа нас ждал все тот же Франциск, который сразу радостно сообщил:

— Уже все знаю и буду на площади непременно. Гарольд, уверен, что тебя оправдают.

— Быстро же у вас разносятся новости — изумился я — Ты подслушивал, что ли?

— Только то, что вы друг Монброна, останавливает меня от вызова на поединок — непрятворно обиделся юноша — Как даже подумать про такое можно?

— Не обижайся — попросил его Гарольд — Мы очень вымотаны. И потом мой друг из Лесного Края, у них там более простые нравы.

— А, понятно — с сочувствием глянул на меня Франциск — Тогда я вас извиняю.

— Благодарствую — шаркнул ногой я — И прошу прощения за то, если вас нечаянно обидел.

— Можно снова на «ты» — опять повеселел юноша — Да все просто. Дерье, когда вышел из залы, сначала велел мне вас сопроводить до Палат Раздумий, а после еще встретил Монику ле Фан, свою любовницу, ну, и, конечно же, рассказал ей последние новости. А уж она...

— Известная всему двору болтунья — закончил за него Монброн — Эраст, можешь быть уверен, что и часа не пройдет, как про то, что завтра состоится королевский суд над нами, узнает весь дворец. А до заката и весь город. Франциск, ставки уже делают?

— Разумеется — хохотнул юноша — В основном на то, как быстро ты прикончишь своего дядюшку. В поединке между вами никто не сомневается. Да и справедливо это, все же знают, что он на руку нечист. И в смерти твоего отца от естественных причин все крепко сомневались.

— А чего тогда разбирательство по этому поводу не устроили? — спросил у него я — Если все знали, все сомневались. Почему?

— Дела Монбронов — это дела Монбронов — неожиданно серьезно ответил Франциск — Если никто из его дома не пришел к королю, не потребовал выяснить правду, значит, все происходит так, как должно. Не знаю, как у вас в Лесном Краю подобные вопросы решают, а у нас свой нос

в чужие дела совать не принято. Могут его отрезать. В прямом смысле.

И Гарольд кивком подтвердил его слова, чиркнув ладонью по основанию носа.

В некоторой логике ему не откажешь. Да и если напрямоту, то я бы и сам в подобной ситуации поступил именно так. В смысле — не в свое дело не полез бы.

Палаты Раздумий оказались в другом крыле дворца. Даже не крыле, это я неверно выразился. Дворец короля Эдуарда состоял из нескольких зданий, соединенных между собой эдакими крытыми мостами, из которых открывался вид то на море, то на город. Очень необычно и красиво, доложу я вам.

— Ну все — сказал Франциск, когда мы приблизились к черной с позолотой двери, около которой переминались с ноги на ногу два мордатых стражника — Вам туда, а я обратно. Господа, удачи вам завтра!

— Спасибо — поблагодарил его я — И еще раз — извини, если обидел.

Франциск широко улыбнулся, сообщил стражникам, что король велел нас разместить в Палатах, и куда-то помчался со скоростью ветра. Он, похоже, медленно вообще ходить не умел.

— Проходите — буркнул один из стражников, распахивая перед нами двери — Вон, в третью слева комнату заселяйтесь, она вам и отведена. Уже приходили, про вас предупреждали.

Сами по себе Палаты Раздумий были не так уж и велики. Десяток дверей в не очень длинном коридоре — вот и все. Ну, и отхожее место в самом его конце.

— Интересно, а много тут вообще сейчас народу обитает? — спросил я у Гарольда, подходя к двери.

— Пойди, у стражников уточни — посоветовал он мне — Может, они тебе и ответят. Мне вот лично все равно.

Я подумал, и решил что мне тоже.

За дверью оказалась довольно просторная комната с широкими окнами без каких-либо решеток, с круглым столом посередине, парой на вид довольно удобных кресел и двумя широкими низкими кроватями. В принципе, все что нужно для жизни, здесь было.

Даже более того. Стол был заставлен разнообразными кушаньями, а в его центре стояло полдюжины бутылок вина, причем, несомненно, очень неплохого. Я точно знаю — в таких запыленных бутылках всегда отменный напиток плещется.

— О нас позаботились — заметил Гарольд, подходя к столу — Ты

смотри, чего тут только нет. И паштеты, и оленина, и даже зажаренный поросенок. Пир горой.

— Вопрос только один — кто это о нас так позаботился? — слогнулся я — Если друг — то хорошо. А если нет, то это не пир горой, это начало поминальной трапезы. Лично я к этому всему не притронусь.

— Я бы поел — признался Гарольд — Нет, не этой еды, а вообще.

— Тоже не отказался бы перекусить — зевнул я — Но, если честно, то спать хочется больше, чем есть. Я сейчас и на пустой желудок сутки проспать смогу. Вот прямо с ног валюсь.

— Так ложись и спи — показал мне на кровать Монброн — И я, может, вздрежну. Мы под стражей, так что вряд ли нас побеспокоят. В тюрьме, пусть даже и такой, незваных визитов можно не опасаться. А даже если кто и пожалует, то нам об этом сообщат.

Согласившись с ним, я стянул сапоги, колет, повалился на кровать и уснул еще до того, как голова коснулась мягкой подушки. Мне и так здорово досталось за последние дни, а потом Рози выжала из меня последние силы.

Нет, все-таки в тюрьмах есть свои плюсы. В них можно выспаться.

Когда я проснулся, на дворе уже стояла ночь, и здоровенная круглая Луна заливала комнату своим призрачным светом.

Приподняв голову с подушки, я увидел, что мой друг уже не спит, а сидит за столом и, вроде как даже потягивает вино из бокала. По крайней мере, по-другому движения темной фигуры, находящейся в центре комнаты расценить было нельзя.

— Не удержался! — обвинительно сказал ему я хриплым спросонья голосом — Так я и знал! Небось, и хрюшки уже откушал?

— Я не ем свинину с некоторых пор — свистяющим полуслепотом отозвался тот, кто сидел за столом — Не имею возможности.

Это был не Монброн. Кто угодно, только не он.

А кто тогда?

И что с Гарольдом?

— Не переживай за своего дружка — посоветовала мне темная фигура и закхекала. Как видно, так звучал ее смех — Он спит. Вы оба вообще порядочные сони. Я уже четвертый час сижу и жду, когда вы соизволите продрать глаза.

— Мог бы и растолкать, если мы так тебе нужны — дружелюбно сказал я, спуская ноги с кровати на пол и разминая запястья — Я бы точно не обиделся.

— А эффект неожиданности? — возразил мне ночной гость — Знаешь,

как забавно ты сейчас выглядишь. Вон, к бою готовишься, я же вижу. Нет-нет, не надо этого делать. Этой ночью я ни тебе, ни твоему приятелю вреда не причиню.

— Оставишу это на какую-нибудь другую ночь? — уточнил я, гадая, с кем имею дело. Что-то знакомое в этом шипящем голосе проскакивало, но я никак не мог уловить, что именно.

— Ночь не мое время — охотно ответил мне загадочный визитер — Я предпочту день. Желательно солнечный, летний, упоительно славный, в который так не хочется умирать.

— Чем же это мы тебе так насолили? — вступил в разговор Монброн — Будь любезен, ответь, раз уж ты меня разбудил.

— Вы есть и вы живы — ответил гость — Этого достаточно. Я хочу, чтобы вы умерли, и вас не стало. И, желательно, ваша смерть должна быть долгой и мучительной. По крайней мере твоя, фон Рут.

— Эраст, чем ты так насолил этому господину? — озадачился Монброн — Или я чего-то не знаю?

— Сам ничего не понимаю — ответил ему я — Просыпаюсь, здесь этот человек сидит, пьет вино и говорит мне гадости. Но имени своего не называет. Уважаемый, вы хоть представьтесь.

— Вина? — фигура за столом взяла в руки бутылку — Присоединяйтесь, господа, присоединяйтесь ко мне.

Скрипнула кровать, по полу прошлепали босые ноги Монброна, чиркнуло кресало и неяркое пламя свечи озарило стол, все так же уставленный тарелками с едой, бутылки с вином и фигуру в черном балахоне, с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Уже какая-то ясность — произнес Монброн, глядя на нашего гостя — Орден Истины.

— Именно — подтвердил тот — Орден Истины. Впрочем, дело не только в тех вопросах, которые я, как клерик Ордена хотел бы задать вам. Есть еще кое-что.

Гость повернулся к Монброну и скинул с головы капюшон.

— Великие боги — Гарольд поморщился — Жуть какая.

— Жуть, говоришь? — снова закхекал незнакомец — А ты взглянись в меня, Монброн. Может, узнаешь?

Монброн приблизил к нему свое лицо.

— Ты? — я впервые видел своего друга настолько изумленным — Погоди, но... Это невозможно, я же сам все видел, своими глазами!

Да кто это такой?

У меня, было, мелькнула кое-какая догадка, но я ее отбросил как

невозможную. Этот человек мертв, давно и бесповоротно.

— И невозможное бывает — прошипел визитер — Правда, я до сих пор не уверен, что это можно назвать жизнью.

Человек на кресле повернулся ко мне. Я как раз поднялся на ноги, но, увидев то, что было у ночного гостя вместо лица, снова сел на кровать.

По сути, это было вообще не лицо. Более всего ЭТО больше напоминало проржавевшую сталь. Знаете, когда ее проедает время, просверливая тысячи желтых и коричневых дырочек в когда-то надежном клинке. Вот и здесь имело место нечто подобное.

Возникало ощущение, что множество муравьев поработало над лицом этого существа, или кто-то многозубый его пожевал и выплюнул. Единственное, что роднило его с человеком, были глаза, все остальное выглядело омерзительно и пугающе.

— Нравится? — безгубый рот визитера растянулся в улыбке, его щеки при этом существовали как будто отдельно от лица — Красив я?

Я понял, что знаю если не этот голос, то интонации точно.

Но этого не может быть!

— Да ладно — даже отмахнулся от страшного гостя я — Ерунда какая.

Ерунда, не ерунда, но это он. Тот, о ком я подумал.

— Форсез — Монброн смог сказать то, что не отважился произнести я — Виктор Форсез, верно?

— Верно — клерик встал с кресла и подошел ко мне — А если точнее — тот, кто когда-то им был.

Он нагнулся, положил свои холодные, почти ледяные ладони мне на щеки и приблизил свое лицо к моему.

— Смотри, фон Рут — требовательно прошипел безгубый рот — Смотри на меня. И представь, каково мне жить таким, какой я теперь есть.

Мне очень хотелось зажмуриться, а еще лучше — проснуться, и поверить в то, что это все просто ночной кошмар.

Но, увы — это был не сон.

— Да отпусти уже — оттолкнул я его от себя — Вцепился как клещ.

— А вот тут ты угадал — почти дружески сказал мне Форсез — Вцепился. И уже не выпущу, пока не увижу, как вы все корчитесь в огне. Все! И ты, и ты, и Фальк, и де Лакруа. И, конечно же, все ваши шлюшки-подружки.

Бум! Монброн успел раньше меня, и удар в челюсть, ну, или то, что было у Форсеза вместо нее, отбросил его в угол комнаты.

— Выражения выбирай — посоветовал ему мой друг — В следующий раз я тебе что-нибудь сломаю за такие слова.

— Ах, извините — Виктор встал с пола и сплюнул — Я лично предам костру всех ваших соучениц. А накануне аутодафе я каждой из них еще прощальный вечер устрою, с участием десятка-другого городских стражников. Они очень любят побаловаться с магичками, это тешит их самолюбие.

На этот раз его ударил я, причем без особых раздумий и сомнений. Страх прошел, ведь пугает неизвестность. Это был всего лишь Форсез, причем совершенно не изменившийся внутренне. Да, лицо изуродовано, но нутро прежнее. Разве что только злобы добавилось, а так все то же самое.

Хотя как он выжил, мне было непонятно. Флик его раза три, или даже больше ударили кинжалом в живот, такие раны и магу залечить непросто, а он им не был. Даже если он не умер сразу, то долго в пустыне точно протянуть не смог бы, просто истек кровью.

И вот здесь я вспомнил ту тварь, что выползла в стенной пролом, тварь с тысячью лиц. Как там ее Ворон назвал? «Многоликий червь».

Уж не она ли над ним поработала? Вот только тогда все совсем непонятным становится. Эта мерзость, насколько я понимаю, еще более смертоносна, чем несколько ударов кинжалом в живот.

— Ах, как же вы нелюбезны — попенял нам Форсез, снова поднимаясь с пола — Я честно рассказываю им про будущее, оказываю такую честь, а они меня кулаком по лицу. Ладно учтивость, но где ваши манеры, господа? Я все-таки благородный человек, со мной так нельзя обращаться, это оскорбление моему роду.

— Не уверен, что ты вообще человек — сказал Гарольд — Я же сам Флика помогал из-под твоего тела доставать, ты был мертвее мертвого. Да и внешне в тебе ничего людского не осталось.

— Невозможно — согласился с ним Виктор — Я и умер, представь себе. Почти умер. А потом пришел он...

По телу нашего бывшего соученика прошла дрожь.

— Кто «он»? — уточнил Гарольд.

— Он — Форсез уставился на меня — Ты же видел его, фон Рут? Видел, я знаю. Ты заметил его тогда, когда добил Августа Туллия, который был еще жив, и обчистил его карманы. И заодно обрек меня вот на такую жизнь.

— Ты чего-нибудь понимаешь? — спросил я у Монброна.

— Ну, так — ответил мне он, задумчиво вертя в руках шелковый шнурок, который непонятно откуда у него взялся — Не совсем. А ты в самом деле этого Августа Туллия добил? Он еще был жив?

— Не понимаю, о чём он говорит — немедленно сказал я — Чушь

какая-то.

Ага, так я и рассказал, как оно было на самом деле. Это, по факту, признание в убийстве клерика Ордена. А если за дверями пара слухачей стоит?

— Конечно же чушь — насмешливо просипел Форсез — Монброн, если ты не забыл, то у Августа были бумаги, связанные с вашим любимым наставником, Герхардом Шварцем по прозвищу «Ворон». А твой дружок фон Рут на все готов ради него, как, впрочем, и любой из вас. Даже пустить в ход кинжал и добить раненого.

— Ты, кстати, тоже не прибедняйся, и жертву из себя не изображай — с вызовом спросил я — Кто нас в Гробницах к стенке припер? И до того ты нам палки в колеса совал. Да, Флик тебя подрезал, это правда, но за дело же? Да к тому же ты нам шансов не оставил. Либо подписывайте бумаги, либо умрите.

— Жертва? — Форсез весело закхекал — Я не жертва. Я теперь проклятие, которое всегда будет висеть над вашими головами.

— Какой слог — Монброн сложил довольно длинный шелковый шнурок вдвое и задумчиво посмотрел на меня — Красиво говоришь, сразу видно, риторике тебя учили на совесть.

— Да риторика тут не при чем — Виктор засопел — Просто боги за меня, и судьба тоже. Даже странно, что вы этого не понимаете. Вы обречены. Вы все.

— Становится скучно — показушно зевнул я.

— Меня прислали сюда, на край света, чтобы я оправился от того, что пережил — продолжил Форсез — И как же я удивился, узнав от братьев по Ордену, что двое подмастерьев мага, прибывших откуда-то с Запада, устроили в Форессе изрядный переполох, да еще и пустили в ход магию. Я сразу подумал, что один из них Монброн, и ведь не ошибся! Боги привели вас сюда, ко мне. И не беда, что пока я не могу сделать с вами все то, что хочу. Я подожду. Я умею ждать.

— По-моему ты немного свихнулся — уже без наигрыша сказал ему я — В том, что с тобой случилось, винить надо только себя. Ты сам ушел из замка, ты сам связался с Орденом, и ты сам пришел к Гробницам. Не надо свои ошибки перекладывать на нас.

— Я всегда теперь буду где-то рядом с вами — говорил Форсез, по-моему, даже не слыша меня — Я буду в тенях, я буду вочных сумерках, в тумане. Я буду там, пока не придет время выйти на свет и поднести факел к костру.

Монброн явно боролся с собой. Было видно, что ему очень хочется

накинуть шелковый шнурок на шею Виктора и как следует затянуть его.

Хорошо бы так сделать, но — нельзя. Убить этого полуидиота, конечно, дело благое, но вот только тогда на всех наших остальных планах можно поставить жирный крест.

— Каждого — бормотал Виктор, похоже, уже даже не осознавая, где он находится. Он заламывал руки и его скрюченные пальцы, казалось, давят чье-то горло — Лично! Каждого из вас сожгу! Фон Рут, Монброн, де Лакруа, де ля Мале...

— Хватит — сказал Монброн, бросил шнурок на кровать и тряхнул его за плечо — Давай, выметайся отсюда. И так все слюной забрызгал.

Виктор вздрогнул и его рот снова раздвинулся в улыбке.

— Я уйду — пообещал он — Но сначала мы поговорим об еще одной вещи.

Глава 17

— О какой именно? — холодно поинтересовался Гарольд.

— Скажи мне, Монброн, кого бы ты выбрал — своего друга Эраста или наставника? — прогнусавил Форсез.

— Я не понимаю, о чем идет речь — неприязненно бросил мой друг — Форсез, не обижайся, но, по-моему, ты заговориваешься.

— Нет, просто я начал с конца — засипел вновь развеселившийся Виктор — Я не сказал, что надо выбрать того, кто умрет. Кого бы ты спас — друга или учителя?

— Я предпочел бы убить того, кто представляет для них угрозу — медленно и четко ответил Гарольд — А если придется — умер бы в этом бою. Между родными людьми не выбирают.

— Как это... — Форсез потряс в воздухе кулаками, изображая восхищение — По-мужски. Осталось только дождаться того солнечного дня, когда я предоставлю тебе такой выбор. Кстати! Ты, Монброн, уйдешь из этого мира последним из тех, кто мне задолжал смерть.

Гарольд бросил взгляд на кровать, где лежал отброшенный им шелковый шнурок.

Если честно, я бы и сам с радостью прикончил этого человека, но ситуация никак не позволяла нам сделать это. Слишком много «куда» и «как». Куда девать тело, как объяснить тот факт, что в Палаты Раздумий он вошел, а из них не вышел, как потом будет выкручиваться наставник, объясняя отчего его подмастерья взяли, да и убили клерика Ордена Истины?

Если бы не это, он бы уже был мертв. На этот раз окончательно.

— Договорились — шагнув к Монброну, я положил ему руку на плечо — Идет. Я лично ничего не имею против. Одно плохо — я не увижу, как мой друг будет убивать тебя.

Форсез смерил нас взглядом и достал из рукава черную матерчатую полумаску.

— Покрасоваться решил? — с приторным сочувствием спросил у него Монброн — Таинственности нагнать? Дамам это нравится.

— Смешно — просипел Форсез — Очень смешно пока.

И он закрыл свое лицо до глаз, а после завязал ее на затылке.

— Виктор — поколебавшись, обратился я к нему — И все-таки. Как ты выжил? И как ты стал таким... Каким стал?

Дело не в сочувствии. Мне правда интересно.

— Уродом — неожиданно спокойно, без недавней истеричности, уточнил Форсез — Называй вещи своими именами. Нет, фон Рут, я не выжил. Я мертв. Ты же подмастерье мага, неужели ты этого не ощущаешь?

— Мертвец не может служить Ордену — возразил ему Монброн — Тебе ли этого не знать. Любой немертвый подлежит немедленному уничтожению, как существо неугодное светлым богам и добрым людям.

— Отменное знание постулатов Ордена — похвалил его Форсез — Но я мертв. Да, я хожу, я дышу, я испражняюсь, моя кровь горяча. А жизни во мне нет и никогда больше не будет. Она осталась там, в Гробницах Пяти Магов. Фон Рут, ты знаешь, как называлась та тварь, что выползла из-за стены, учуяв кровь и смерть?

— Многоликий червь — чуть помедлив, ответил я.

— Верно — сверкнул глазами Виктор — Многоликий. И каждое лицо — это его добыча, его победа над человеком.

— Те, кого он сожрал? — предположил я.

— Нет — покачал головой Форсез — Пищей для его плоти служат трупы. А пищей для его души — живые. Мое лицо теперь красуется на спине этой твари, а моя душа вечно будет ему служить. Червь забрал их у меня. Остальным повезло, они были уже мертвы, и он их просто съел — кого-то в ту ночь, кого-то, скорее всего, потом. Просто заглатывал их, как питон — ам, и труп в его желудке. А меня... Меня он поглощал долго. Вечность. Он смаковал меня как бокал вина, отрывая по лоскутку то от тела, то от души. А потом, с рассветом, уполз за стену, оставив меня на песке. Причем, видимо в насмешку, еще и исцелил мои раны. Мол — иди отсюда, если есть на то желание. Но какие желания могут быть у мертвеца? Нет, я убрел в пески тем же утром, но этот «я» был уже не я.

— Так и повесился бы там — посоветовал ему Монброн.

— Повешусь — покладисто согласился Форсез — Непременно. И именно там. Но сначала мне надо убить каждого из тех, кто выжил тогда у стен некрополя. Ну, и ваших друзей, за компанию. Пусть их там и не было, но это неважно. Желаний у меня нет, а вот жажда мести — есть.

— Значит, ты уже не мертвец — сообщил ему я — Мертвые не мстят. Они просто всегда хотят жрать.

— Не убей ты тогда Августа, червь выпил бы его сущность, не мою — глухо произнес Форсез — А я бы за это время успел умереть. И все были бы в выигрыше.

— Ну, так и мсти только мне — предложил я — При чем тут остальные?

— Они были слишком глупы и слишком отважны — пояснил Форсез, берясь за ручку двери — Надо было просто сказать «да», но они этого не сделали, а значит тоже виновны. До встречи, друзья. И вот еще что — у Ордена Истины пока к вам нет вопросов. У вас очень хорошие заступники, чьи интересы совпадают в настоящее время с нашими. Но в этом мире нет ничего постоянного, все может измениться. Особенно если учесть, что скоро вы покинете эти гостеприимные края.

И он вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Мы еще некоторое время с Монброном постояли молча, а после он подошел к двери, приоткрыл ее и выглянул в коридор.

— Ушел? — спросил я у него.

— Ушел — подтвердил мой друг — Слушай, это что такое сейчас было?

— Если тебе хочется поговорить о том, что мы только что видели и слышали, вовсе не обязательно задавать мне глупые вопросы — произнес я — Но изволь — это был вконец спятивший Форсез.

— А, так тебе тоже показалось, что он не в своем уме? — почему-то обрадовался Гарольд.

— Не в своем уме — не то слово — уставился я на него — Ты слышал, как он фамилии перечислял? Как молитву богам, с приыханием. И каждую со своей интонацией. Не удивлюсь, если он это делает каждый день, и не по разу. Как его такого вообще в Ордене-то держат и одного на улицу отпускают?

— Ну, в Ордене и не такие служат — резонно заметил Гарольд — Вон, того же Августа Туллия вспомни. Он нашу Флоренс ненавидел только за то, что та глупо пошутила. И убил ее за это. Если всех сопливых девчонок убивать за шутки о мужском достоинстве, то скоро их вовсе не останется.

— Это да — признал я — Но тут все совсем плохо.

— Вот потому я сейчас думаю — может, все-таки надо было его удавить? — Монbron подошел к своей кровати, взял с нее шелковый шнурок и проверил его на разрыв — Выдержал бы. А то имелись у меня сомнения.

— Ты только потому его не убил? — уточнил я — Из-за сомнений в крепости шнурка?

— Да нет — Гарольд сел в одно из кресел — Если бы дело было только в этом. Да и руками, если что, можно шею свернуть, это несложно. Просто я так и не решил для себя, в какой ипостаси от него будет больше вреда — в живой или мертвый. Я и сейчас этого не знаю. То ли надо было эту гадину удавить, пока она не ужалила, то ли нет.

— О том же самом думал — признался я — И тоже не знаю правильного ответа. Но одно мне предельно ясно — труп его мы спрятать не смогли бы. Ну, не под кровать же его запихивать? И потом — ладно бы речь шла только о том, что потом за это ответим только мы. Тут ведь и королю вашему перепадет от Ордена, а он на самом деле славный малый. Не хотелось бы навлечь на него вражду с этими ребятами.

— «Славный малый» — фыркнул Гарольд — Фон Рут, ты все-таки о монархе говоришь, имей к нему почтение. Тут не Лесной Край.

— Но я же прав?

— Прав, прав. Ладно, в любом случае все уже случилось так, как случилось — Монброн взял со стола бутылку, из которой наливал себе Форсез — Но одно полезное дело этот полуумный для нас сделал. Вот это вино точно не отравлено. Он его пил и не умер.

— Жизни во мне нет — скорчив страшную рожу, захрипел я, изобразив Виктора, и продолжил уже своим обычным голосом — Если он мертв, то ему яд всяко не повредит.

— Он безумен — укоризненно глянул на меня Монброн и начал разливать вино по бокалам — В остальном он не отличается от тебя и меня.

— Сомнительное сравнение — не согласился я — Мы с тобой не самые лучшие люди, это да, но тут ты перегнул палку. Паскудой он был еще до того, как стал уродливым полуидиотом.

— Завтра, если нам повезет, я убью своего дядю и буду смотреть на то, как ты заколешь моего брата — парировал Монброн — Причем последнее я сам попросил тебя сделать, а ты не отказался. Ну и как, сильно мы с ним разнимся? Он, по крайней мере, не скрывает того, что хочет нас убить. Хотя, конечно, сволочь Форсез редкая, это да. Так ты выпьешь?

И он жестом показал на бокалы, в которых лучилась рубиновая терпкая влага.

— А если это медленно действующий яд? — с сомнением произнес я.

— Исключено — покачал головой Гарольд — Если бы нас задумали отравить, то яд был бы быстрый, это наверняка. У короля тоже есть маги в служении и они, если надо, нас бы не пустили за Грань. Медленный яд, если ты забыл, обладает рядом побочных признаков, которые мы различили бы без труда. Так что только мгновенность, это единственный шанс на успех.

Этот довод меня убедил, я сел во второе кресло и взял бокал.

— Все-таки поражаюсь, до каких пределов безумия может человека довести злоба. Твое здоровье — Монброн отпил из бокала — Хорошее вино. Вот прямо хорошее.

— Злоба, помноженная на сумасшествие — поправил его я — Твое здоровье!

— Знаешь, а я думаю, что он не просто так тут оказался — еще раз отпив вина, сказал Гарольд — В Силистрии.

— Только не говори, что его сюда отправили по нашу душу — попросил его я — Это будет перебор.

— Нет, конечно — засмеялся мой друг — Он ведь сам сказал, что его послали на край света, чтобы он пришел в себя. Ну, или что-то в этом роде. Полагаю, что его сюда фактически сослали. Силистрия всегда была не слишком интересна Ордену Истины. Здесь нет резиденций Конклавов магов, здесь вообще никогда ничего привлекающего их внимания не происходило. У нас даже в Век Смуты ни одной серьезной резни не случилось. Тут люди просто живут, радуются солнцу, ловят рыбу, делают вино. Вот его сюда и отправили. А что с ним таким еще делать? Явно же свихнулся человек, пользы от него ни на грош. Но и за двери не выкинешь, все знают — Орден Истины никогда не избавляется от тех, кто ему служит или служил, даже от калек и старииков. Что, кстати, можно поставить им в заслуги, это достойно уважения.

— А знаешь, может и так — помолчав, согласился с ним я — И тогда, выходит, наша встреча это просто совпадение высшего порядка.

— Ну, прямо уж высшего — усмехнулся Гарольд — Ты еще про божественное вмешательство скажи. Просто совпадение.

Мы еще немного посидели молча, допили бутылку вина, с тоской посмотрели на подернувшуюся жирной пленкой жареную хрюшку, по очереди посетили отхожее место, да и разошлись по кроватям досматривать сны.

— А, может, надо было все-таки его... — услышал я слова Гарольда, засыпая.

— Может, и надо — подтвердил я.

Ну, или мне показалось, что я это сказал.

Самое забавное — мы чуть не прозевали королевский суд. Серьезно. Накопившаяся усталость дала о себе знать, и мы разоспались не на шутку.

— Вставайте, барон — кто-то потряс меня за плечо — Вставайте! Вам уже надо отправляться на Судную площадь! Эраст же!

— А? — прохрипел я, не желая открывать глаза — Чего? Дайте поспать!

— До суда осталось всего-ничего — сообщил мне смутно знакомый голос — Да вставайте же, безобразник эдакий! Уже двадцать минут одиннадцатого!

«Безобразник»? Так меня еще никто не называл.

Я открыл глаза, и чуть не заорал от удивления. На меня, сочувственно моргая, глазел Борн.

— Вы? — только и смог сказать я.

— Ну, а кто же? — изумился приятель Унса — Я еще вчера вас приметил, в тронной зале. Просто вы меня не видели. Если честно, не понимаю, почему в «Старом городе» вы мне не открылись, я не давал вам повода к недоверию. Но обиды я за это не держу. И знайте — я на вашей стороне, мой мальчик.

И шаловливо хлопнул меня ладонью по лбу.

— Это наполняет меня уверенностью в том, что наше дело правое — пробормотал я. В этот момент его слова дошли до моего сознания, и я заорал — Монброн, вставай! Время поджимает!

Гарольд оторвал голову от подушки и сонно сообщил:

— Мы не в поле ночуем, а во дворце. Нас разбудят заранее, и куда надо отвезут.

— Не разбудят и не отвезут — всплеснул руками Борн — Я случайно узнал, что виконт Скорца заплатил кое-кому, чтобы этого не случилось. И очень хорошо заплатил. Стражи правосудия, которые должны вас сопроводить на суд, попросту сбежали из дворца, Дерье уже на площади, король отбыл туда же. Дворец вообще словно вымер, только на половине королевы-матери кто-то на лютне играет. А больше про вас никто и не вспомнит, по крайней мере, до той поры, пока вы на суд не опоздаете.

— Старый пес! — Монброн вскочил с кровати и цапнул с кресла свою одежду — Не иначе как у него какие-то дела с моим трижды клятым дядюшкой есть. Иначе зачем ему это? Опоздать на суд, это все равно что проявить неуважение к королю. Я уж молчу про то, что это вообще могут расценить как признание нашей вины нами же самими.

— Племянник виконта Скорца уже год как ведает королевскими выездами — подал голос Борн, а после встал, и подал мне мою одежду — Эраст, не медли.

— Благодарю вас, месьор Борн — застегивая пояс, не забыл поблагодарить нашего спасителя Гарольд — Ранее мы не очень общались, но отныне и навсегда я ваш покорный слуга.

— Вы друзья моего Унсика — было заметно, что толстяку приятно слышать эти слова — Он на вас отчего-то жутко зол, но все равно просил меня присмотреть за вами. Как он там сказал? «Я их сам хочу убить, потому не вправе допустить, чтобы это сделал кто-то другой».

— Он точно друг Ворона — эту фразу мы с Гарольдом сказали

одновременно, переглянулись и засмеялись.

Борн, само собой, ничего не понял, но тоже смущенно заулыбался.

— Карета стоит у южного выхода — сказал он нам, как только мы привели себя в порядок — Вот только не знаю, кто вас туда отведет. Стражи, которым это поручено, как я сказал, куда-то пропали, а новых искать времени нет. И у меня нет уверенности в том, что где-то в переходах не стоят люди, только и ждущие того, чтобы вы без сопровождения направились к выходу из дворца.

— Побег — скривил рот в усмешке Монброн — Стража имеет право обнажать клинки во дворце, исполняя свои обязанности по защите королевской резиденции. И убивать без разговоров.

— Именно — подтвердил Борн грустно — А я не стражник, вас сопроводить не могу. Даже если захочу. Нет, с вами пойду, я не брошу вас в беде, только толку вам от меня большого не будет.

— Месьор Борн — Гарольд положил руку на плечо Борна — Знаю, что так не делают, знаю, что сейчас могу показаться вам крайне неучтивым, но выхода нет. У вас с собой деньги есть?

— Ну да — толстяк тряхнул кошельком, привязанным к поясу, тот издал мелодичный звон — Десятка три золотых, не меньше.

— Одолжите мне пять... Нет, десять монет — попросил Монброн — Я вам отдам их сразу же, как появится такая возможность.

— Право, какой пустяк — немного обиженно произнес приятель Унса — Вы меня обижаете, молодой человек. Что деньги? Это пыль. Друзья — вот главное сокровище. Вы же дороги моему Унсику, а, значит, и мне.

Он отвязал кошель от пояса и сунул его в руку Монброна.

— Благодарю вас — от всего сердца сказал мой друг и вылетел из комнаты, на ходу бросив — Эраст, проснись уже! Время не ждет!

Стражники у входа в Палаты Раздумий сильно опешили, когда из дверей выскочил один из узников, и рявкнул:

— Ребята, по десять золотых каждому за то, чтобы нас сопроводили до тюремной кареты прямо сейчас, мы на суд опаздываем. А может и на свою казнь. Южный выход из дворца — и быстро!

Для наглядности Монброн тряхнул кошельком.

— Оба не можем — живо ответил один из стражей — Не положено. Но, ежели вы одному из нас заплатите как за двоих, то он отведет вас куда следует. Тем более что служить правосудию наша обязанность.

— Здесь даже больше, как за троих — сунул стражнику кошелек Гарольд — Пошли, пошли уже.

Скорее всего стены королевского дворца такой картины никогда не

видели — два подсудимых стремительно мчатся по переходам, а за ними бежит стражник, прося их чуть сбавить скорость, и аргументирует это тем, что палачи люди основательные и никогда никуда не спешат.

Собственно, эта спешка чуть нас и не погубила. Прав был Борн, кто-то из наших недругов, уж не знаю кто именно — то ли костлявый виконт Скорца, то ли дядюшка Тобиас и впрямь предпринял очередную попытку отправить нас к Престолу Владык. За одним из поворотов, совсем рядом с южным выходом из дворца, мы наткнулись на четверых поджарых молодцов в форме королевской стражи.

— Побег из Палат Раздумий! — тут же завопил один из них, радостно скалясь — Преступники сбежали! Король в опасности.

Моментально прошуршили клинки, выходя из ножен, у меня неприятно похолодело в животе, но все обошлось. Из-за поворота появился усатый страж, держащийся за солнечное сплетение, и, отдуваясь, сообщил своим сослуживцам:

— Все в порядке, они не сбежали. Я их сопровождаю до кареты, она этих двоих на Судную Площадь повезет.

Четверо крепких парней не спешили убирать оружие, они переглядывались и катали желваки на скулах. Нет, я их понимаю, всем хочется подзаработать. Тем более, что золота за наши жизни им, скорее всего, обещали отсыпать немало. Да и времени спрятать труп нашего сопровождающего у них было предостаточно.

Мы с Гарольдом не сговариваясь встали плечом к плечу, предчувствуя то, что у Ордена Истины вновь могут появиться к нам вопросы по незаконному применению магии. Да и наш сопровождающий почуял что-то неладное.

Как ни странно, обстановку разрядил Борн, который, оказывается, и в самом деле последовал за нами. Вот только скорость такую же развить не мог, потому и задержался в пути.

— Уффф — тяжело дыша, вывалился он из-за поворота — Я и в юности бегать не любил, а уж сейчас-то... Что тут у вас происходит?

Эти четверо явно знали, кем является наш спаситель, и прекрасно понимали, что главный постельничий короля Эдуарда будет всерьез расследовать исчезновение своего брата. И потом — им платили за смерть государственных преступников, а не собратьев по оружию и высокопоставленных персон. Тут и спрос другой, и цена тоже.

— Подумали, что обвиняемые в преступлении сбежали — сказал один из них — Но теперь видим, что ничего такого нет и в помине. Можете проследовать дальше.

— Только чуть медленнее, пожалуйста — взмолился Борн — У меня сейчас сердце из груди выскочит!

— Правильно — одобрил его слова стражник — Это дворец, здесь по коридорам бегать нельзя. Да и годы мои не те, чтобы за вами, сорванцами, спешить!

Когда мы садились в карету, часы на одном из зданий мелодично проиграли третью четверть двенадцатого.

— Почтеннейший, вы получите столько же, сколько я вам уже заплатил, если сопроводите нас до площади — сказал Гарольд стражнику — Кто знает, куда нас этот возница задумает завезти? А вы свой долг точно выполните честно.

Стражник замялся.

— Мое слово тому порукой. Да я вам сам и заплачу — быстро проговорил Борн — И еще пара бутылок «Силистрийской лозы» из моего винного погреба.

Как видно, погреба его семейства славились своими винами, поскольку этот аргумент и решил дело.

— А ну, вали отсюда — стражник столкнул возницу с облучка и занял его место — Буду я еще гадать, куда он правит. Сам довезу до площади.

— Господа, а можно с вами? — вытирая пот с лица и размазывая по нему белила, спросил у нас Борн — Я никогда не ездил в тюремной карете. И потом мне очень нравится в вашей компании!

— Сделайте милость — распахнул перед ним дверцу кареты Монброн — Конечно же. Но только до площади. На эшафот мы вас с собой не возьмем, уж не обессудьте.

— Какой эшафот? — просопел Борн, залезая в карету — Брат сказал, что все уже решено, и волноваться решительно не за что. Я больше вам скажу — уже ищут нового поставщика лошадей на королевские конюшни.

— Господин Борн, я жалею об одном — Гарольд впихнул меня внутрь, состроив свирепую рожу — Эраст, ну что такое, кого ты ждешь? Так вот — жалею об одном, о том, что мы не слишком много общались раньше. Вы положительно прекрасный человек! Любезный, гони! Да так, чтобы ветер в ушах гудел!

Стражник совершенно по разбойничьи свистнул, карета, скрипнув, сорвалась с места.

Занавески в окнах развевались от скорости, открывая прекрасные виды на город, но я старался на них не глядеть. Мне было страшновато. Карета, подпрыгивая на булыжниках мостовой, мчалась по узким улочкам Форессы так резво, что у меня возникло ощущение, что мы непременно врежемся в

один из домов. Я прекрасно знаю, что раньше или позже умру, но одно дело если это случится от яда, клинка или руки наставника. А вот скончаться от множественных переломов или свернутой шеи — это совсем другое. Это нелепо, комично и, вдобавок, очень болезненно.

— Весело! — сообщил нам тем временем улыбающийся во весь рот Борн, и в очередной раз подскочил на подушке сиденья — Господа, как с вами весело! Вы молоды, отважны и совершенно ничего не боитесь! Я так рад, что попал в вашу компанию!

— То ли еще будет, месьор! — заверил его Гарольд — У нас с Эрастом на сегодня много разных развлечений намечено.

— А сразу после них прошу ко мне в гости — притворно пригрозил нам пальцем толстяк — И попробуйте только не пойти. Не в моих правилах напоминать людям об оказанных им мной услугах, но в этот раз я это сделаю. А чтобы совсем уж вас убедить, скажу вот что — мой повар уже готовит барашка на вертеле с восточными специями. Месьор Монброн, вы же знаете, в чьем доме в этом городе готовят барашка лучше всего!

— Истинно так — заверил меня Гарольд — Сам не пробовал, но слышал про это дивное блюдо от отца. Даю слово, милейший месьор Борн, если мы с бароном останемся живы, то непременно отправимся к вам в гости.

— Правда, я сразу хочу извиниться за то, что в одиночку съем половину барашка — добавил я — А то и три четверти. Очень есть хочется просто.

— Это вряд ли — усомнился Гарольд.

— Я ем быстрее чем ты — заявил я, что, кстати, было чистой правдой.

— Месьор, вы же не будете против, если мы прихватим с собой трех друзей? — весело спросил у брата постельничего Монброн — Мы давно не виделись, и вряд ли они захотят снова с нами расстаться.

— Чем больше молодых лиц будет в моем доме, тем лучше! — всплеснул руками толстяк — Мне это нравится! Вы такие открытые, такие славные!

— Тогда да — признал я — За Фальком мне не угнаться.

— Фальк — это один из наших товарищ — объяснил Борну мой друг — Славный человек, тоже барон, как и Эраст. Они вообще земляки. И он очень любит жареную баранину.

— И свинину — подтвердил я — И говядину. И гусятину. Подозреваю, что если камни зажарить, то он и их съесть сможет.

В стену кареты что-то бухнуло, похоже стражник подал нам какой-то знак.

— Подъезжаем — сообщил нам Гарольд, высунувшись в окно — Вроде успели!

Насколько я понял, азарт гонки раззадорил даже стражника, потому как тот, громко и весело сквернословя, чуть не задавил десяток зевак, которые не хотели дать ему подъехать как можно ближе к тому месту, где нас должны были судить.

Этих ротозеев он распугал, но вот до цели мы так добраться и не смогли. Экипаж все-таки остановился.

— Все, господа — зычно сообщил он нам, распахивая дверцу кареты — Дальше ножками. Удачи вам. И поспешите, до полудня несколько минут осталось.

Гарольд выскочил первым, я последовал за ним, и выбравшись наружу, на мгновение замер.

Нет, я слышал, что это площадь, но думал, что она вроде той, где банк стоит, фонтаны журчат и парочки прогуливаются.

Как бы не так! Это место было как пять, а то и семь тех площадей. Или даже еще больше. И народу-то, народу!

А в самом центре ее стоял огромный... Как его назвать-то... Помост, скорее всего. Только вот размером этот помост был как двор Вороньего замка. Хочешь — танцы на нем устраивай, хочешь лошадиные бега. Хотя нет, с бегами я переборщил. Но вот столь любимые нашим наставником испытания в мастерстве — запросто.

На этом помосте хватило места всем, и еще свободного пространства было хоть отбавляй. На отдельном возвышении расположился король Эдуард со свитой в пару дюжин человек, чуть поодаль от него стояли, переговариваясь, Тобиас и Генрих. На другом краю помоста с комфортом расположился обнаженный по пояс голый здоровяк в красном колпаке с прорезями для глаз, который водил точильным камнем по лезвию здоровенного двуручного меча. О его профессии мне гадать не приходилось. Кстати, дыба и виселица там тоже имелись. Так сказать — забавы на любой вкус.

— Бегите — толкнул меня в спину Борн — Что ты встал, Эраст?

И правда, что я замер? Ну площадь, ну, помост, ну, палач. Чего из этого я не видел? Тем более что Гарольд уже пропустил вперед.

Чем ближе к помосту, тем сложнее становилось пробираться сквозь толпу. Казалось, что здесь собралось полгорода. Похоже, народ в Силистрии любил смотреть на суды, пытки и казни больше, чем работать.

— Да пропусти — вовсю работал локтями Монброн, пробивая себе путь — Что? Я тебе сердце вырежу, если еще раз мне такое скажешь!

Извините, милая девушка, я не нарочно!

Я двигался следом за ним, время от времени получая тычки под ребра от тех, кого толкнул он. Спасибо, хоть кулаком били, а не нож в дело пускали.

Мы были уже около самого помоста, когда король посмотрел на солнце и громко сказал:

— Однако, полдень. И где же эта парочка, а? Дерье?

— Я отдал распоряжение доставить их сюда — бодро доложил начальник охраны — Странно, что до сих пор экипаж с ними не прибыл.

Как мне показалось, там еще противный Скорца что-то говорить начал, но уверенности у меня в этом не было — больно толпа вокруг гудела.

— Мы здесь! — громко крикнул Монброн — Ваше величество! Мы прибыли! Пробраться к вам не можем!

— Дерье! — приказал король и через пару секунд стражники создали для нас нечто вроде коридора, по которому мы взобрались на помост.

— И как это понимать? — поинтересовался у нас король — Почему мы все вынуждены вас ждать? Я приехал сюда раньше, чем вы! Я! А должно быть наоборот!

— Мы проспали — невинно моргая, и вызвав этой фразой взрыв народного хохота, сказал Гарольд.

Усиливая эффект, он еще и руки в разные стороны развел.

— Проспали? — переспросил Эдуард, после забавно сморщил нос и тоже расхохотался — Посмотрите на них! Они проспали.

— Молодые организмы, волнение, напряжение последних дней — как бы размышляя произнес месьор Отиль — И еще, мой король, я скажу вам так. В ночь перед судом крепко спят только те, кто уверен в себе и своей невиновности. Посмотрите на этих славных юношей, они выглядят взъерошенными, но спокойными. А вот про тех двоих я бы такого не сказал.

— Это все поэзия, мой дорогой Отиль — топнул ногой Эдуард — Поэзия. Но — пора, пожалуй. Чего тянуть? Скоро станет совсем жарко, а выяснить надо многое. Стороны, подойдите ко мне.

Дядюшка Тобиас и Генрих приблизились к креслу короля, встав напротив него с левой стороны помоста. Мы так и остались там, где стояли.

— Мне нужна тишина! — громко сказал Эдуард и народ тут же смолк. Как видно, его и простой люд здорово уважает, раз так слушается. Потребуй подобное наш раймилльский монарх, так никто бы и внимания не обратил на его слова — Итак — начнем!

Глава 18

— Кто начнет? — деловито поинтересовался король у сторон — Мне, по сути все равно.

— Старший должен начинать — тут же влез с советом виконт Скорца, обнаружившийся за спиной Эдуарда с остальными придворными — То есть — достопочтенный Тобиас.

Он явно хотел сказать что-то еще, думаю, вроде «да и веры ему побольше, чем этому юнцу», но не стал. Просто пожевал тонкими губами и замолчал.

— Разумно — согласился с ним король — Пусть будет так. Я слушаю.

Было заметно, что дядюшка готовился к произнесению своей речи. Хотя я очень бы удивился, не окажись оно так. Он же не совсем дурак, правда? Потому к этому делу подошел тщательно, с умом. Впрочем — может, и не он, может — Генрих. Но, по сути, это одно и то же.

Я не большой знаток риторики и всего такого прочего, но должен признать — речь была составлена очень и очень грамотно. С неотразимыми аргументами, с намеками на использование магии, причем, возможно, даже черной, и прямыми обвинениями в разнообразных злодеяниях, вроде попытки убить своего дядюшку и брата.

Тобиас даже расстегнул камзол и рванул на груди белую рубаху, после чего потыкал пальцем в почти заживший шрам.

И вообще его речь очень даже понравилась толпе, поскольку в ней имелось несколько шуток, которые люди встретили смехом, а мудреных слов почти не встречалось. Я же говорю — все очень, очень по уму сделано.

А мы с Монброном даже не обсудили, что он вообще говорить-то будет...

Пока дядюшка Тобиас распинался, я с интересом глазел на все, что нас окружало, в том числе на приспособления для казней. Кстати, тут не только дыба, плаха и виселица имелись. Тут даже было что-то вроде переносной пыточной, я просто сразу ее не разглядел. Там имелось и кресло, полностью утыканное стальными шипами, и «колесо страданий», и «козлы», около которых лежали мешки с песком. Страшная это штука — «козлы». Вроде бы, какой пустяк — деревянный треугольник на ножках, острым углом повернутый вверх. А вот как разденут тебя, как привяжут к каждой ноге по мешку с песком, да посадят на этот острый угол верхом, так

все расскажешь, что знаешь, и что не знаешь.

Нет уж. Лучше сразу под топор. Хуже пыток только на костре гореть. Да и то — не факт.

По коже пробежал мороз, и я стал разглядывать толпу. И, что приятно, сразу увидел знакомые лица.

Рози, Эбердин и Карл стояли совсем рядом с помостом. Заметив, что я смотрю на них, они оживились, а Фальк даже замахал руками, причем настолько радостно, что локтем чуть не выбил челюсть стоявшему рядом мужчине. Тот было попробовал возмутиться, но глянул на Фалька — и передумал это делать.

Мало того — неподалеку от своих друзей я увидел еще одного своего знакомца, на этот раз недавнего. Причем, разглядев его выражение лица, понял, что в том случае, если я выпутаюсь из этой переделки, то сразу же попаду в новую.

Это был Унс Два Серебряка. Поймав мой взгляд, он свирепо выпятил вперед небритый подбородок и погрозил мне кулаком. Причем — не шутейным образом, как это иногда бывает, а на полном серьезе.

Вообще-то есть за что. Прямо скажем, поступили мы с ним по-свински. Даже записки ведь не оставили — куда идем, с кем, зачем. Хотя нет, такую писать — дураком надо быть. Но тем не менее.

А он, похоже, за нас волновался. И, между прочим, изрядно нам помог. Кабы не Борн, мы бы до сих пор дрыхли.

— Убийца, преступник — громил тем временем дядюшка Тобиас словами моего друга — Хуже того — маг! Маг! А Орден Истины, эти защитники спокойной жизни честных людей, всегда говорят — не верь магу! Маг — враг!

Король хлопнул в ладоши и подал Тобиасу знак замолчать.

— Не след перебивать говорящего, тем более на королевском суде — произнес он — Но это тот случай, когда подобное оправдано. Просто сразу надо закрыть данный вопрос. Господин клерик, прошу вас.

Из толпы придворных вышел человек в черном балахоне и капюшоне, надвинутом на лицо и громко произнес:

— Орден Истины в моем лице официально заявляет, что никаких претензий к подмастерьям мага, именуемого Герхард Шварц, господам Монброну и фон Руту в той части, которая касается их пребывания в королевстве Силистрия, не имеет.

Однако, какой изысканно тонкий ответ. И, естественно, дядюшка не мог к нему не прицепится.

— Ага! — торжествующе заорал он — Значит, все равно за ними

какие-то грехи есть! Не зря сказано «в той части»! Я же правильно понял, господин клерик?

— Неправильно — сообщил человек в капюшоне — В рамках этого судебного разбирательства рассматривается только их времяпрепровождение в королевстве Силистрия. До всего остального вам дела быть не должно. Или вы хотите сунуть нос в дела Ордена?

Генрих подошел к своему родственнику и что-то шепнул ему на ухо.

— Нет-нет — тут же замахал руками Тобиас — И в мыслях не было.

— Вот и славно — бесстрастно проговорил клерик — Более мне сказать нечего.

Это точно был не Виктор, голос не тот, и рост тоже. Но этот представитель Ордена знал про нас все. Или почти все. Мы ведь никому здесь не называли имя нашего наставника, кроме, разве Унса. Но даже предположить то, что Два Серебряка сотрудничает с Орденом, было невозможно.

Впрочем, с другой стороны — это вовсе не тайна. Вероятнее всего где-то в канцеляриях Ордена есть полные списки всех подмастерьев всех магов со времен Века Смуты. Мы только учиться начали, а нас уже в них записали.

А вообще — повезло нам. И особенно в том, что привратник язык не развязал. Если честно, я именно этого боялся больше всего, упомяни он про ужасного «Мозгоеда», и все здорово бы усложнилось.

Но — обошлось.

Король дождался, пока клерик встанет обратно, и скомандовал:

— Продолжаем. Тобиас, вам есть что еще сказать?

— Вроде все — подумав, ответил дядюшка — Да и потом — неужели уже перечисленных злодеяний мало?

— Злодеяний — задумчиво произнес Эдуард — Месьор Тобиас, решение о том, злодеяния это или нет, буду выносить я, это моя королевская привилегия. Или вы готовы заявить свои права и на престол Силистрии, так же, как на наследство Монброна-старшего? Судя по всему, у вас это отлично получается.

— Оговор — истово произнес дядюшка — Оговор это, мой король. Генрих доброй волей признал право моей родовой ветви на старшинство в роде.

— С этим я не спорю — король с брезгливостью взглянул на невозмутимого Генриха — Вот только мнением Гарольда вы забыли поинтересоваться. И, надо же такому случиться, как только этот вопрос был поднят, он сразу стал преступником короны. Впрочем, я забегаю вперед.

Монброн, мальчик мой, тебе слово.

На дядюшку было больно смотреть. Он уже все понял. Хотя, тут не следует быть гением, чтобы сообразить, что дело, по сути, решено. «Мальчик мой», поведение клерика Ордена, интонации короля — все говорило об том, что теперь следует не о возвышении младшей ветви рода думать, а о том, чтобы голову свою сберечь.

— Да особо поведать и нечего — Гарольд встал перед королем — Дядя уже все рассказал. Правда, он поменял кое-какие события местами, да о паре мелочей не упомянул.

— Каких именно? — уточнил король.

— Ну, например, о том, что именно Генрих все это придумал — Гарольд бросил взгляд на брата — Или о наемных убийцах, которых он ко мне подослал. А еще о том, как именно умер мой отец. У меня есть все основания полагать, что он был убит. Вот только я все это не смогу доказать.

— Нельзя доказать то, чего не было — подал голос Генрих.

— Действительно? — король закинул ногу на ногу — А я слышал, что любое совершенное злодеяние непременно оставляет следы. Дерье, давай душегуба.

Бравый страж кивнул и через пару минут подвел к королю порядком потрепанного и совершенно незнакомого мне юношу.

— Монброн, сколько убийц напало на тюремную карету? — требовательно спросил король.

— Четверо — тут же ответил Гарольд — Троих мы прикончили, четвертый сбежал.

— Верно — кивнул король — И, как ты уже, конечно, догадался, этот самый беглец сейчас перед тобой. Вот, поймали вчера.

Дядюшка тяжело засопел и немного попятился. На такое развитие событий он не рассчитывал. Одно дело кто кого переорет, другое — свидетель твоей вины.

— Ну, будем говорить? — лениво спросил Эдуард у убийцы.

Тот промолчал.

— Как хочешь — оживился король — Оно и к лучшему. Вон, народ заскучал, да и я тоже. Палач, давай, раздувай угли, доставай свой инструмент. И не переусердствуй гляди, мне надо чтобы он говорил, а не умер.

— Все скажу — тут же передумал убийца — Не надо палача.

— Поздно — расстроенно сказал Эдуард — Надо было сразу соглашаться. А теперь все, теперь нам всем охота на пытку поглядеть.

Убийца бухнулся на колени.

— Ладно — смилиостивился король — Говори, кто тебя нанял?

— Вон тот — связанными руками негодяй показал на Тобиаса — Он с нашим старшим договаривался.

— О чём именно?

— Надо было убить молодого Монброна, его спутника и тюремную охрану — торопясь и проглатывая окончания слов, тараторил убийца — Карету следовало отогнать за город, нагрузить камнями и утопить вместе с трупами.

— А вот тот молодой человек? — король ткнул пальцем в Генриха — Он при этом был?

— Нет — помотал головой головорез — Я его впервые вижу. Но вон тот упоминал, что его племянник настаивал на том, чтобы карета была утоплена. Два раза это повторил. Наш старший просто не хотел связываться с такой работой. Одно дело горло перерезать, другое днем через весь город на тюремной карете прокатиться.

— Племянник — поднял указательный палец вверх король — Запомним. Итак, Тобиас, что скажете?

— Вранье — заявил дядюшка — От первого до последнего слова. Гарольд специально это все подстроил.

— Из тюремной камеры, надо полагать — покивал король — Напомню, он на свободе в Силистрии и нескольких часов не пробыл, практически прямо с корабля вашими заботами отправившись в Башню на Площади. Кстати, в высшей степени интересен и тот факт, что все участники ареста как-то очень быстро и дружно отправились к Престолу Владык.

Тобиас трубно засопел, но промолчал.

— А вообще мне на все происходящее смотреть грустно — продолжил Эдуард — Не сказать — противно. Тобиас Монброн, где ваша честь? Где ваше достоинство? Даже последнему идиоту уже понятно, чьих это рук дело. Так скажите уже: «Да, я хотел возвысить свое семейство. Да, я хотел, чтобы мои потомки были старшей ветвью, и заняли место у трона». Будьте мужчиной.

— В смерти служителей закона я неповинен — тихо сказал дядюшка — Остальное... Будь все проклято, да! Да, это сделал я. Но, повторюсь — стражники не на моей совести.

— А на чьей? — полюбопытствовал король.

— Его — дядюшка показал на Генриха.

— Врет — холодно парировал тот — Я вообще тут ни при чём.

— Да как же! — заорал Тобиас — Ты все придумал. Ты меня уверил в том, что мне это нужно!

— Докажи — предложил ему Генрих — Есть какие-то письма, записки, свидетели? Нет уж, дядюшка, сам эту кашу заварил, сам и расхлебывай. Я, между прочим, вообще пострадавший. Я своего любимого младшего брата преступником считал, и теперь не знаю, как ему в глаза смотреть. И вообще — эта история мне урок на всю жизнь. Нельзя разувериваться в родных людях. Гарольд, брат, прости меня.

Что примечательно — он даже не потрудился изобразить на лице скорбь.

— Ловок — с легким восхищением произнес король — Тобиас, ты можешь доказать то, что именно Генрих Монброн подбил тебя на участие в этой отвратительной истории?

— Нет — выдавил из себя дядюшка — Если только вон, его мать и сестры это подтверждают. Только я в этом сильно сомневаюсь.

— Прямые родственники не могут быть свидетелями — развел руками король — И ты это знаешь. Итак, подытожим.

Он встал и заложил руки за спину.

— Я, король Силистрии Эдуард Четвертый, выслушав стороны и свидетелей, своей властью выношу следующее решение. Тобиаса Монброна признать виновным в оговоре и мошенничестве. В связи с тем, что и то, и другое не привело к чьей-либо смерти, смертную казнь по отношению к нему не применять.

Народ разочарованно загудел, он, как видно, настроился на кровавое зрелище.

Что до меня, я лично не стал бы так уверенно говорить о том, что обошлось без смертей. Королевские стражи, трое убийц — это ведь тоже были люди. Хотя, с точки зрения короля, может, и нет. Речь, как видно, шла о тех, в чьих жилах текла благородная кровь, а остальных он просто не брал в расчет.

— Но это не значит, что правосудие не покарает означенного Тобиаса Монброна — продолжил король — Наказание должно воспоследовать. За совершенные преступления я приговариваю его к десяти... Нет. К пятнадцати ударам кнутом, к суточному стоянию привязанным к позорному столбу, и высылке из столицы. Пожизненной высылке. Стража!

Два стражника подошли к Тобиасу и прихватили его за локти.

— Генрих Монброн — король мрачно посмотрел на брата Гарольда — Твоя вина не доказана, но это не значит, что я не стану за тобой присматривать.

— Как будет угодно вашему величеству — склонился в поклоне тот.

— Гарольд Монброн — тон короля потеплел — Я всегда знал, что ты честный и отважный юноша, достойный потомок славных отцов. Твоя невиновность доказана, хотя у меня в ней сомнений и не было. Подойди сюда.

Кто-то подал королю шпагу и дагу Гарольда, те, что он вчера положил к его ногам.

Монброн приблизился к нему, встал на одно колено и, протянув руки к королю, принял от него свое оружие.

А я? Про меня забыли, что ли?

— Эраст фон Рут — словно отвечая на мои мысли, сказал король — Я рад знакомству с тобой. И, признаюсь, даже немного завидую Гарольду. Вокруг меня полно людей, которые рады составить мне компанию за столом или на охоте. Но я не знаю, найдутся ли среди них, клянущихся в вечной верности, желающие последовать за мной на эшафот. Впрочем, я надеюсь, что такую прогулку мне и не придется совершать. И, тем не менее — ты большой молодец, барон. Оставайся таким же. А ты, Гарольд, гордись дружбой этого человека.

Мне прямо неловко даже стало, если честно. Но и приятно. Понятное дело, что король забудет про меня через минуту, но все равно — приятно.

— Я горжусь — ответил ему Гарольд — Правда, он иногда бывает жутким занудой, но это можно и стерпеть.

В руках короля появилось мое оружие, и я повторил действия своего друга, с коленопреклонением и всем прочим.

Вот только мне, в отличии от Монброна еще кое-что перепало.

— Это тебе — Эдуард снянул с безымянного пальца правой руки золотой перстень с приличных размеров рубином — Увы, ты увидел Силистрию не такой, какая она есть на самом деле. Вместо солнца, пиров и красивых девушек тебе довелось столкнуться с семейными дрязгами и наемными убийцами. Да еще и свести знакомство с Башней на Площади. Неравноценная замена.

Народ поддержал своего короля дружным смехом.

— Так пусть этот перстень напоминает тебе о том, что Силистрия — она разная — продолжил король — Впрочем, если ты его продашь, а деньги спустишь на вино и женщин я не обижусь. В конце концов, для чего еще жить мужчинам?

— Благодарю, ваше величество — я надел перстень на палец, он сел как влитой — Сначала поношу его, похвастаюсь, а потом видно будет.

— Молодец — Эдуард потрепал меня по щеке — Хороший ответ.

— Ваше величество — обратился к нему Гарольд, затягивая ремень, на который он повесил дагу — Вы позволите мне кое-что вам напомнить?

— Не вижу причин для отказа — заинтересовался Эдуард — Напоминай.

— Вчера, когда мы с бароном пришли во дворец и сдались в руки правосудия, мной было сказано, что если вы признаете меня невиновным, то я буду вправе убить любого, кто позволит себе усомниться в моем добром имени.

— Было такое — кивнул король — И?

— Этот человек только за последний час измарал мое имя в грязи как только можно — Гарольд показал на Тобиаса — Согласитесь, я имею полное право убить его. Не в подворотне, не тайком, не в спину, а здесь и сейчас, на глазах вашего величества, жителей Форессы, и под взглядами богов.

— Справедливое желание — согласился король — Люди, как вы думаете, это честно?

Народ, которому надоело стоять и слушать разговоры дружно заорал «Да!». Ему зрелище подавай, а детали не сильно важны.

Гарольд подошел к дядюшке Тобиасу, и что-то сказал ему на ухо, отчего тот побагровел невероятно.

— Этого достаточно, чтобы ты взял шпагу и сразился со мной? — ласково спросил он у него — Или ты стал дерьямом настолько, что и это проглотишь?

— Ты моложе и сильнее — проворчал дядюшка — Это не поединок. Это убийство.

— Это справедливость — возразил ему мой друг — Мне ты вообще никакого шанса не давал. И моему отцу тоже.

— Я не убивал твоего отца — твердо произнес Тобиас — Не противился этому, но и пальцем его не тронул.

Гарольд перевел взгляд на Генриха, тот мило ему улыбнулся, как бы говоря: «Не понимаю, о чем речь».

Вот ведь где истинный гадючик-то. А я еще считал, что подворотни большого города — это дно миров. Да там на фоне этого просто рассадник благочиния, пусть даже и дурно пахнущий. По крайней мере, если и доходит дело до ножей, так их втыкают в грудь, а не в спину.

— Повторю свой вопрос — Гарольд приблизил свое лицо к дядюшкому, и я уже еле-еле различал, что он ему говорит — Ты будешь драться? Или я всем расскажу о том, как ты развлекался со своими дочерьми?

Тьфу ты, пропасть. Лучше бы я этого не слышал.

— Буду — Тобиас тяжело вздохнул и громко произнес — Но вообще — несправедливо. Все было задумано вот этим гаденышем, а шпагой махать мне.

— Еще раз говорю — это все твои домыслы — мягко ответил ему Генрих — Или даже болезненные фантазии. Ты не знаешь меры в вине, дядя, да и другие твои забавы не способствуют душевному здоровью. Даже король признал, что осудить меня не за что.

— Я сказал, что вина не доказана — перебил его Эдуард — Нет, господа, но каков наглец, а? В моем присутствии мои же слова передергивает. Может, мне его просто так казнить?

Лицо Генриха перекосилось, он бухнулся на колени и рассыпался в извинениях. Выглядело это более чем правдоподобно, вот только взгляд у него не изменился. Он остался тем же, что и был. Я поймал его всего на секунду, но этого было достаточно.

— Я никому не желал зла — вещал Генрих — Да, возможно мой брат и имеет какие-то поводы для обиды, но это наше семейное дело.

— Увы — бросил Гарольд, снимая колет — Прямые родственники не могут не только свидетельствовать друг против друга, но и вызывать на поединок. А жаль.

— В тебе бурлит злоба, и я это понимаю — встал с колен Генрих — Тюрьма, навет, подлость дядюшки... Это все так тяжело, так неприятно. Так что я тебя не виню, брат.

— Хорошо говорит — сказал я Гарольду — Заслушаешься.

— Не то слово — ответил мне он, доставая из ножен шпагу — Знает, что ему ничего не угрожает.

И вот тут я порадовался за то, что надо этого поганца убить. В смысле — Генриха. На мгновение губы его искривились в улыбке и столько в ней было превосходства над нами, столько гордости за себя умного. И ожидания того, что все равно все будет по его. Вот только мы уедем — и будет.

Меня прямо передернуло всего от отвращения. Нет, я сам не подарок, но это...

— Это спорный момент — я подошел к Генриху, который снова выглядел как приличный юноша, случайно попавший в дурную компанию — Ты никогда не бывал в Лесном Краю?

— Нет — Генрих чуть попятился назад.

— Зря — я склонил голову к плечу и внимательно посмотрел на своего собеседника — У нас красиво. Много лесов, много озер, отличная охота.

Это, возможно, лучшее место на континенте.

В тишине из толпы раздался выкрик Фалька «Лесной край!». Речь шла о его родине, и просто так он это оставить не мог.

— А еще мы, тамошние жители, обладаем одной интересной чертой — продолжал я — Мы упертые. Вот если во что поверили или к кому привязались, то все, назад пути нет. Лесные жители, что тут еще скажешь? Я вот с твоим братом дружу, если надо — умру за него не задумываясь.

Генрих молчал, но я заметил, как забегали его глаза.

— Но то твой брат. А ты — другое дело — улыбнулся я — Мне все равно, есть доказательства твоей вины или их нет, я точно знаю, что это так. Потому что сам все видел и слышал. А еще — я не твой родственник, мне никто не может запретить тебя убить.

— Закон запретит — быстро сказал Генрих — Между нами нет вражды и обиды.

— Да как же нет? — я два раза хлестнул его ладонью по щекам — сначала по левой, потом по правой — Я неотесанный барон из Лесного Края, приличий не знаю, и только что нанес тебе оскорбление. Надо смыть его моей кровью. По-другому уже никак.

Дерье расхохотался и крикнул:

— Молодец!

Генрих помолчал, а потом вдруг обратился к королю:

— Ваше величество, я...

— Даже слушать не стану — отказался Эдуард — Вам, Генрих Монброн, как верно было сказано, только что нанесли оскорбление, и вы должны действовать согласно «Уложению о чести дворянской». Все верно. И сразу напомню, что если вы прямо сейчас не бросите вызов барону фон Руту, то через десять минут я лишу вас всех привилегий, прав и титула. После вы будете публично высечены плетьми и изгнаны из нашего королевства навеки. Таковы правила.

— Ну вот — я подмигнул Генриху — У тебя есть пара-тройка минут, чтобы размяться. На большее я бы не рассчитывал, твой брат не станет тянуть. Он уже неделю с лишним только и думает о том, как выпотрошить твоего дядюшку.

— Не уверен — отозвался Гарольд, несколько раз взмахнув шпагой — Удовольствие надо растягивать. Мой дражайший родственник, вы готовы?

— Да — сказал Тобиас, который тоже скинул камзол — Давай быстро с этим всем закончим.

Ну да, шансов у этого толстяка против поджарого Гарольда не было никаких. Может, будь он лет на десять моложе, результат поединка был бы

непредсказуемым, но сейчас все было ясно с самого начала.

Я, кстати, думал, что там не все жир, что там и мышцы есть. Вон, наш Карл тоже выглядит со стороны достаточно внушительно. В смысле упитанности. Но там жира нет, там одни мускулы. А тут сало с боков свисает, брюхо под рубахой трястется. Камзол все это скрывал, а без него картина стала совсем уж жалостливая.

К чести Тобиаса могу сказать, что как за шпагу держаться, он знал. Думаю, в молодости хорошим фехтовальщиком был. Он даже умудрился продержаться целую одну минуту, отражая атаки Гарольда.

Но и только. После этого дыхание у Тобиаса сбилось, пот заливал лицо, а тут еще и полуденная жара...

Он пропустил один удар, потом второй, его рубаху запятнала кровь.

Я видел, что задумал Гарольд. Он хотел растянуть победу, он хотел заставить умирать своего врага снова и снова. И я душой принимал это его решение.

Потому я и не понял, отчего третий удар был нанесен точно в сердце Тобиаса.

— Как-то так — крутанул шпагу Монброн — Один долг выплачен.

В толпе, рядом с помостом кто-то заплакал, надо думать родные дядюшки. Кому еще рыдать по этому человеку?

— Отличный удар, Гарольд — Эдуард несколько раз хлопнул в ладони — «Полет скворца», любимый выпад твоего батюшки. Видишь, я помню.

Монброн поклонился королю, благодаря за эти слова.

Тем временем пара стражников подхватила тело дядюшки Тобиаса за ноги и оттащила в сторону.

— Вперед — подтолкнул я Генриха — Чего ждем? Иди туда. Я добрый, я тебе позицию получше уступаю. Пусть мне солнце в глаза светит.

— Не хочу — пробормотал тот еле слышно — Давай разойдемся миром. Пожалуйста!

— Скажи об этом вон, Гарольду — посоветовал ему я — Ты же умеешь хорошо говорить. Как там? «Я испытываю давно ожидаемую огромную радость, глядя на то, как тебя четвертуют на Судной площади». Ничего не перепутал, так ведь ты говорил? Ну так теперь моя очередь испытывать давно ожидаемую радость. Пошел.

И я уже не особо скрываясь, толкнул брата Гарольда в спину.

— И шпагу не забудь достать — посоветовал я ему во весь голос — Хоть умри достойно. Да и нет у меня желания просто перерезать тебе глотку.

Народ одобрительно зашумел. Вообще — мы явно пришли по душе толпе. Вот только интересно — если бы не мы убивали, а нас, они бы также радостно шумели?

Проходя мимо Монброна, который вытирал клинок шпаги платком, я остановился.

— Если ты передумал, скажи мне это сейчас — произнес я — Одно твое слово, и я оставлю его в живых.

— Сделай это быстро — попросил он меня — Это моя единственная просьба. Пусть он не мучается.

— Этого ты тоже так пожалел? — кивнул я в ту сторону, где лежало тело Тобиаса.

— Знаешь, он пытался сражаться — ответил мне мой друг — Да, он был подлецом, но умер как воин. Это достойно уважения.

— Такой взгляд на вещи тебя когда-нибудь в могилу сведет — недовольно буркнул я — Слишком это возвыщенно, слишком романтично.

— Иди, Генрих уже ждет — подтолкнул меня к центру помоста Монброн — Удачи.

Только взглянув на то, какую стойку принял Генрих, я мысленно вздохнул. Вот все-таки забавная шутка жизнь. И прав был Ворон, утверждая, что всякое происшествие в ней всегда повторяется дважды, причем во второй раз как балаганная комедия.

Полтора месяца назад напротив меня уже стоял очень умный и талантливый молодой маг, который совершенно не умел владеть шпагой. Его звали Прик. И я, заметим, не хотел его убивать. Точнее — убить-то его я был не против, но делать этого не собирался. Мне было невыгодно отнимать его жизнь.

И вот это повторилось снова. Напротив меня снова стоит очень умный, и по-своему очень талантливый молодой человек, который ни разу не боец. Вот только ситуация изменилась. Теперь мне не надо думать, как бы не убить своего противника. Напротив, мне это надо сделать очень быстро.

Жизнь — кольцо, без начала и конца.

Я отсалютовал Генриху шпагой, как того велели законы поединка. Он, заметим, даже не подумал мне ответить.

Быстро сократив расстояние между нами я сделал выпад, и был полностью уверен, что он его даже толком не отобьет.

И чуть не получил удар дагой в грудь. Он мой выпад не просто парировал. Он предпринимал ответные атаки, причем очень даже уверенно.

Мы обменялись парой ударов, сталь мелодично звякнула о сталь.

Вот всем хорош подарок семейства де Фюрьи — тут тебе и отменный

баланс, и удобная рукоять, и чашка, закрывающая руку. Но она длиннее моего старого клинка и это мне немного мешает. Скажем так — будь со мной та шпага, которую когда-то мне купил Агриппа, лежать бы уже Генриху в луже крови.

Я пытался обвести защиту брата Гарольд уколами в руку и грудь, но он держал дистанцию, достаточно ловко парируя мои удары.

Надо думать, что он предвидел нечто подобное, и занимался с каким-то мастером боя втайне от всех. Ну и потом — все-таки он из семьи с традициями, каким бы умником он ни был, все одно азы фехтования он дома получил.

Потому и продержался еще пару минут. Уроки с наставником — это хорошо, но мой, пусть пока и небольшой, опыт настоящих боев, тех, что не на жизнь, а насмерть, дал себя знать.

При очередном обмене ударами мне удалось зацепить его гарду своей, благо она у него была в виде витых колец. Убедившись, что все идет как надо, я рванул шпагу на себя, выдирая оружие у него из рук. Этот трюк в свое время мне показал Гарольд, назвав его достаточно грязным, но действенным.

В принципе, Генрих мог выйти из этой ситуации, достаточно было опустить шпагу вниз, и тогда наши клинки, скорее всего, расцепились бы, но он этого не сделал. Наоборот, он вскинул руку с шпагой вверх, что было верхом глупости, и я немедленно воспользовался этой ошибкой, вогнав свою дагу ему в бок по самую рукоять.

Брат Гарольда удивленно, как-то прямо по-детски охнулся, выпустил шпагу и прижал руку к стремительно набухающему на рубахе красному пятну.

Я не стал ждать пока меня остановит окрик короля или Гарольда, у которого вдруг проснутся родственные чувства. Я просто нанес еще один удар, на этот раз шпагой, так как некогда учил меня Агриппа — коротко и быстро, прямо в ту точку, где билось сердце брата моего друга. Что-что, а расположение внутренних органов внутри человеческого тела любой из нас, подмастерьев Ворона, знал хорошо.

Генрих на мгновение застыл, а после упал навзничь на доски помоста.

Глава 19

— Удивил — король даже привстал со своего кресла, наблюдая за поединком — Нет, барон, не ты. Твой противник. Я был уверен, что он шпагу даже держать в руках не умеет, ни разу его ни на одном турнире не видел, а тут гляди-ка!

— И не говорите, ваше величество — я стер пот со лба, солнце палило немилосердно — Хотя... Кровь Монбронов есть кровь Монбронов.

Гарольд тем временем приблизился к телу Генриха, лицо его было печально. Ну да, его брат оказался подлецом, он хотел нашей смерти, но это все-таки был его брат. Семейные узы такая вещь, скажу я вам. Хотя нет, не скажу. Не сильно я в них разбираюсь, если совсем уж честно. У меня до Вороньего замка вообще никакой семьи не было.

— Вот какая штука, барон — вещал тем временем король — Попрошу мне бы надо тебя как следует проучить. Да-да, проучить. Это же все-таки был юноша из очень хорошей семьи. Нет, поединок был выигран честно, но почему он вообще имел место быть? Ты оскорбил моего подданного. Действием! Пощёчиной! Ай-яй-яй, барон, ай-яй-яй.

— Виноват, ваше величество — потупился я.

Нет, ну тут все понятно. Король дает всем понять, что он хоть и добряк, каких мало, но за справедливость. Ну, и потом — одобряют ли родовитые господа, что одного из них убил какой-то заезжий барончик из Пограничья? Пусть даже и обласканный королем?

— Вот что я сделаю — Эдуард снова уселся в кресло — Придется тебе выплатить в казну штраф. Двадцать пять золотых. Нет! Даже пятьдесят. И не меньше!

— Ого — неподдельно расстроился я — У меня столько и нет сейчас.

— Но — продолжил король — Но! Я как раз собирался пожаловать тебя кошельем с золотом, а теперь этого делать не стану. Оно пойдет на погашение твоего штрафа.

В толпе раздались смешки, причем одобрительные. Все всё верно оценили.

— Я сам — раздалось за моей спиной — Уйдите.

Это Гарольд сказал королевским стражам, которые хотели перетащить мертвого Генриха в сторону.

Мой друг подхватил тело брата на руки и понес его туда, где уже лежал труп Тобиаса.

Ох уж эта мне его сентиментальность. Вот откуда она у него берется?

Ладно, не моего это ума дело. Мне вон, надо королю что-то ответить.

— Спасибо, ваше величество — поклонился я Эдуарду — Ваша доброта сопоставима только с красотой вашего королевства.

— Как? — и король почему-то рассмеялся — Н-да. Согласен, как-то так оно и есть.

Один из стражей поднял оружие Генриха и отдал его мне.

— С чего бы? — удивился я.

— Традиция — ответил тот — Победитель забирает оружие побежденного.

— А, ну да — вспомнил я — Спасибо.

Я бы предпочел его кошель. Проку от него больше.

Одно хорошо — теперь-то уж точно все кончилось. Дальше все будет просто. Мы поедем домой.

Правда, еще предстоит объяснение с Унсом, но это ладно. Пригласим его на ужин, накормим и напоим, авось он и смилиостивится, не станет нас убивать.

— Ну, что? — зычно гаркнул Эдуард — Королевский суд закончен, как всегда победили правда и разум. Хотя нет, погодите. Еще вон тот душегуб остался.

— Милости! — тут же закричал работник «Гильдии Убийц», стоящий на коленях поодаль от нас — Милости прошу!

— Это можно — согласился король — Я вообще очень мягкосердечен, хоть и король. Мог бы колесовать или чего похуже учудить, а так мы тебя просто четвертуем. Согласись, этот вариант лучше, чем умереть под пытками или на дыбе?

— Пошли уже отсюда — попросил я Гарольда, который подошел ко мне — Не хочу я на казнь смотреть, надоела уже кровь, и своя, и чужая. И на вот, держи. Мне это не нужно.

Я сунул ему шпагу Генриха.

— Молодец — сказал мне Монброн — А то я с этой круговертью совсем забыл наше оружие потребовать обратно.

Он подошел к королю, который азартно наблюдал за тем, как с бедолаги-убийцы сдирают одежду, и что-то ему сказал. Тот ткнул пальцем в направлении Дерье, как видно, давая понять, что подобные мелочи его не интересуют.

— Вернут — сообщил мне Монброн, переговорив с начальником королевской охраны — Ко мне домой пришлют.

— Очень хорошо — обрадовался я — Эта тоже ничего, но я к своей

привык.

Если честно, я очень хотел получить обратно свою старую шпагу. За эти годы она стала частью меня, если можно так сказать. И потом — и ее, и дагу мне подарил Агриппа. С учетом отвратительного характера моего наставника по благородным забавам, любой его дар ценен втройне.

Мы покинули помост, и на это никто не обратил внимания — ни король, ни его свита, ни толпа. Оно и понятно — дальше на нас смотреть было неинтересно. Ни мы никого не убиваем, ни нас никто не казнит. Скука смертная.

Что примечательно — внизу лестницы, если можно так назвать пять ступенек, отделяющих помост от площади, нас ждали. Причем встречающих было больше, чем я даже мог предположить.

Кроме наших радостно улыбающихся соучеников там обнаружились и родственники Гарольда, а именно пять сестер, шмыгающих носами и промокающих платочками уголки глаз, и мертвенно-бледная мать.

— Зачем? — сразу спросила она у него — Убивать — зачем? Генриха могли просто выслать из города, и все.

— На год? На два? — попытался объяснить ей ход своих мыслей мой друг — А после все началось бы снова.

— Ты ничего не понимаешь — женщина покачнулась, Гарольд успел прихватить ее под локоть — Мой бедный мальчик! Мой Генрих!

— Это было необходимо — упрямо повторил Монbron почти себе под нос — У нас не было выбора.

— У тебя — сказала его мать так, словно плонула ему в лицо — У тебя его не было. Ты боялся его. И ненавидел. Ты даже не отважился сам это сделать, и напустил на моего маленького Генриха своего цепного пса.

А вот и мне перепало. Не скажу, чтобы совсем уж безосновательно, но все равно мне стало очень неуютно.

Похоже, так и не погостить мне в гостеприимном доме Монбронов Силистрийских. Я теперь туда сам не поеду. У меня нет ни малейшего желания умереть от яда, изготовленного по стариинному фамильному рецепту. А что меня там попробуют отравить, я не сомневался. Или прирезать, что менее вероятно.

Нет, я уж лучше до отъезда отсижу в резиденции Асторга. Хорошо укрепленный дом, неплохая кухня, мягкая постель, в которой, к слову, я буду спать не один, а с Рози. Опять же, с Карлом выпью нынче вечером от души.

Я бы и Гарольду не советовал домой соваться. От греха. Жаль только, он меня не послушает.

— Мама, выбирай выражения — потребовал Гарольд, щеки которого налились румянцем.

Кстати — как бы не впервые на моей памяти.

— Почему я должна это делать? — звенящим голосом сказала женщина, повернулась ко мне и обожгла взглядом — Будь ты проклят! Навеки проклят!

— Боюсь, вы опоздали, добрая госпожа — я и не подумал отводить глаза в сторону — Мы все, знаете ли, уже прокляты. Куда бы мы ни пошли, за нами постоянно следует смерть. Как-то так повелось.

— Истинная правда — пробасил Карл — Так и есть.

— Тогда желаю, чтобы она побыстрее тебя догнала — истово произнесла женщина, развернулась и пошла прочь, не выбирая дороги.

И толпа, радостно галдящая и с интересом наблюдающая за началом четвертования незадачливого убийцы, расступалась перед ней.

Дочери последовали за матерью.

— Эраст, не знаю, что и делать — замялся Монброн — Понимаешь ли...

— Иди за матерью — хлопнул я его по плечу — А я к де Фюрьи поеду. Все же понятно, чего зря говорить? И вот еще что — с телом брата не тяни. Солнце вон как лупит, на такой жаре он уже к вечеру может начать подванивать.

Рози укоризненно посмотрела на меня, правда я так и не понял, почему. Все же вроде правильно сказал?

Но немедленно покинуть площадь нам не довелось, потому что сразу после того, как Гарольд направился вслед за родней, к нашей небольшой компании приблизилась знакомая мне до боли парочка.

— Я знал! — торжествующе заявил Борн и, по-моему, даже попробовал подпрыгнуть на месте, хоть и безуспешно — Ты не мог не победить, дорогой барон!

И толстяк полез ко мне обниматься.

— Это кто? — холодно поинтересовалась у меня Рози, которой выбеленные щеки и многочисленные мушки нашего с Гарольдом нового приятеля явно не внущили доверия — Эраст, я тебя спрашиваю?

— Это Борн — ответил ей вместо меня Унс, а после отодрал от меня притоптывающего на месте брата постельничего, и сердито сказал — Ах ты маленький паршивец!

— Почему маленький? — поинтересовался я.

— По размеру ума — пояснил маг — И совести.

— Совести у него сроду не было — не согласилась с ним Рози —

Значит, это Борн. А вы кто?

— Это приятель нашего наставника — буркнул я — Мастер Унс Два Серебряка. Я тебе про него рассказывал.

— Рада знакомству — произнесла Рози, с сомнением глядя на потрепанную фигуру мага.

Карл и Эбердин решили от нее не отставать и тоже поприветствовали Унса, который и не подумал им ответить тем же. Не в его это было характере. Ну, и потом он несомненно ждал моих объяснений.

— Мастер, спасибо за то, что попросили Борна присмотреть за нами — сердечно сказал ему я — Если бы не он, все так удачно не сложилось бы. Мы бы попросту проспали суд.

— Проспали суд? — вытаращила глаза Рози, в то время, как Карл одобрительно захахотал — Эраст, как такое вообще возможно?

— Не понимаю, юная госпожа, что вас удивляет — желчно заметил Два Серебряка — Учитывая тот хаос, который у нашего общего друга в голове, это вполне ожидаемо.

Толпа вокруг радостно взывала — работнику Ночной Гильдии отрубили правую руку.

— Как тут шумно — поморщилась Эбердин — Ужас просто!

— Так поедемте ко мне! — тут же предложил Борн — Я тут рядышком живу. Перекусим, побеседуем. Барашек, которого я обещал Эрастику и Гарольду, еще не на вертеле, но это не значит, что мне нечем угостить гостей!

— Эрастику? — переспросила Рози и уставилась на меня.

Я знал это выражение лица. Хуже того — она начала сдувать пряди волос со лба, а это означало одно — дело плохо. Еще чуть-чуть, и на Судной Площади станет на один труп больше. А то и на два, меня де Фюрьи тоже может прикончить.

— Месьор Борн... — было начал строить я оправдательную фразу, но не нашел подходящих слов. Их не было. Что бы я не сказал, это все одно выйдет нам боком.

— Не забивай себе голову — посоветовал Рози Унс — Ну, вот такой он, наш славный Борн. Я вообще не понимаю, как он на белом свете существует со своими принципами. Для него любой человек друг, и он искренне рад помочь всем, кого встречает на своем пути, ничего не прося взамен. Таких как он, почти несталось. Но зато, глядя на него, я понимаю, что у этого мира все-таки есть шанс.

— Ох! — дослушав его, Борн приложил ладони к сердцу и застенчиво потупился.

— Кстати, этот славный человек является братом постельничего короля, месьора Отиля — добавил я — Вон того вельможи, что рядом с его величеством стоит.

Толпа вновь взвыла — убийце отрубили вторую руку.

— Н-да? — заинтересовалась Рози моими словами — Это любопытно.

— Жарко — сообщил нам всем Карл и передернул плечами — Даже рубаха к телу прилипла. Поедемте уже хоть куда-то, где тень есть. И, желательно, охлажденное вино. Или пиво.

— Ну что же — улыбнулась Рози — Месьор Борн, мы счастливы принять ваше предложение.

Вот в этом она вся. Любовь — любовью, а дело — делом.

— Так вперед — обрадовался Борн — Пошли-пошли-пошли! Правда, моя карета все еще стоит у королевского дворца, кучер ведь не знает, что я здесь, и ждет меня там. Но что-нибудь придумается.

— Не беспокойтесь — прощебетала Рози — Мы не на своих двоих сюда пришли. Фальк, поедешь рядом с кучером, тебе места внутри не хватит.

— Чуть что, так сразу Фальк — проворчал Карл — Вечно я крайний. Все, все, не смотри так. Я же не против? Так оно даже лучше, с «ветерком» поеду.

Борн и в самом деле жил не так и далеко от площади. Разумеется — в «белом» городе, разумеется — в роскошном доме. Ну, с учетом положения его семьи, это и не удивительно.

Хотя размеры комнат меня поразили. Каждая была размером с главную залу в Вороньем замке, если не больше. И потолки высоченные.

— Прошу вас — гостеприимно тараторил Борн, шустро семеня по коридорам — Друзья мои, как я рад, что смог вас уговорить посетить мое скромное жилище! Эй, слуги, живо накрывайте на стол! Вина, пива и мяса для господ, сладостей и фруктов для дам! Бегом, лентяи! И барашка на вертел, живо!

Слуги, стоявшие навытяжку в зале, которую я определил, как обеденную, и в которой запросто можно было разместить на проживание пару отрядов наемников, шустро засновали, расставляя на столах посуду.

— Мне здесь нравится — сообщил всем Карл — И хозяин этого дома мне по душе.

Он хлопнул Борна по плечу, отчего тот даже присел.

— Н-да — сказал Унс мне — Любопытных учеников набрал себе Ворон, что уж там. Я-то думал ты у него один такой, со странностями, а, оказывается, там и остальные не лучше.

— Вам просто не повезло — Рози одернула Карла, который после этих слов начал нехорошо щуриться, глядя на мага — Так уж вышло, что сюда приехали самые... Эээ... Сливки. Ну да, это слово подойдет лучше других. А так у нас и посредственостей много, смею вас заверить. Та же Грейси. Вот она бы вам понравилась. Серенькая, никчемушная, неинтересная. Самое то.

Унс был не дурак, и прекрасно понял иронию, заложенную в ответе Рози. Он было сдвинул брови и собрался ей что-то сказать, но тут я перехватил инициативу.

Хватит с меня конфликтов всех мастей. Хочу хоть один вечер провести спокойно.

— Милейший Борн — для начала я решил перевести разговор в другую плоскость — Я вынужден перед вами извиниться за своего друга Гарольда. Он обещал, что непременно навестит вас нынче вечером, но, боюсь, этого не случится. Семейные дела, знаете ли.

— Все видел, все понимаю — засопел толстяк — Смерть брата, еще бы. Нет, Генрих оказался весьма пакостным юношей, я был крайне удивлен, наблюдая происходящее на помосте. Такой славный молодой человек, гордость семьи, и на тебе! Но все-таки — стоило ли его убивать, милый барон? Проколол бы ему бедро, плечо, потребовал признаться в совершенных проступках. В былые времена благородные люди всегда так и поступали, когда искали правду. Как там это называлось?

— Суд Богов — подсказал ему Унс, плюхаясь в кресло, стоящее у стены.

— Я сделал то, что было нужно сделать — уклончиво ответил ему я.

— Да-да-да — покивал Борн — А что до Гарольда, то какие тут могут быть обиды? Семья, как ты верно заметил, это семья. Но — прошу за стол. Сначала еда, а уж потом беседы. Прошу прощения за скучное угощение, на дворе день, повара еще не начинали готовиться к вечернему пиру.

Ну, не знаю. Если это скучное угощение, что же будет вечером? Как по мне — стол ломится от снеди. Да что по мне. Вон, даже Карл полностью счастлив, а уж ему угодить трудно.

Мало того — это все еще и очень вкусно было. Так, что можно язык проглотить. Хотя, ради правды, мне сейчас любая еда вкусной покажется. Просто в последний раз я ел от души даже не помню когда.

— Прожорлив — глядя на то, как я упиваюсь холодной телятиной, сказал Рози Унс и отпил вина — Я так понимаю, ты собираешься его захомутать? Смотри, на еде разоришься.

— Ничего, у меня состоятельная семья — холодно ответила ему де

Фюри — Как-нибудь прокормим.

Интересно, что ее больше задело — то, что Унс абсолютно верно и буквально с лету определил статус наших отношений, или слово «захомутать»? Или и то, и другое?

— Ну-ну — насмешливо произнес Унс и обратился ко мне — А скажи мне, вечно голодный юноша, что с моей наградой? Когда я смогу ее получить?

— Монброн придет — скажет — прожевав кусок, пообещал я — Все по-честному будет.

— Надеюсь — Унс подставил опустевший бокал слуге — Налей еще. Так вот — надеюсь. А то некрасиво выйдет. Сами посудите — и я без заслуженного золота, и вас Герхард в черном теле до конца учебы держать станет.

— С чего это? — не донес вилку с куском телятины до рта я — В смысле — в черном теле?

— А как ты думал? — заулыбался Два Серебряка — Я ведь не поленюсь и подробно отпишу какие его подмастерья неумехи, интриганы и обманщики. И как они его имя опозорили перед всей Силистрией. Или даже перед всем Югом. Ну, и еще чего-нибудь выдумаю, особо для него мерзкое и унизительное. Старина Шварц крайне самолюбив, это мне хорошо известно. На многие вещи ему плевать, но не на чистоту своего имени. Так что вам лучше сразу будет вешаться.

— «Вам» — всем нам? — уточнила Эбердин — Или «вам» — Эрасту и Гарольду? Просто я тут вроде как ни при чем, я вас вообще сегодня первый раз в жизни вижу. И, скорее всего, последний.

Унс задумчиво посмотрел на нее, поболтал вино в кубке, а после сказал:

— Не знаю, не знаю. В годы моего ученичества мы все были как одна семья. Если кто-то попадал в переделку, остальные за него горой вставали.

— Врете — уверенно заявила Рози.

— Вру — тут же согласился с ней Два Серебряка — Нет, поначалу что-то такое было, но в последние два года обучения каждый был сам за себя. Впрочем, наш наставник Форш делал все для того чтобы нас поссорить. Он считал, что так мы лучше всего будем подготовлены к жизни в большом мире.

— И сколько человек дотянуло до посоха? — заинтересовался этой беседой даже Карл.

— Четверо — равнодушно ответил Унс — Считая меня. А до сегодняшнего дня дожил только я. Стефани сожгли лет сорок назад где-то

на окраинах Фольдштейна, Рагерта занесло в Халифаты, он там приился к какому-то местному князьку и его на куски постругали во время очередного переворота, а Маркуса неупокоенные сожрали. Впрочем, он легко отдался, могло быть хуже.

— Куда уж хуже? — ошарашенно спросил Борн и отодвинул от себя тарелку с копченой рыбой. Как видно, он представил себе эту картину, и она отбила у него всякий аппетит.

— Так некромантия ведь — Унс отпил вина — Он сам этих красавцев и поднял, дурачок такой. Хотел проверить, сможет ли он ими управлять. И главное — нет, чтобы одного для пробы пробудить от смертного сна, так сказать, на пробу. Нет, сразу десяток поднял. Ну, не идиот ли? А теперь представь, что про эти развлечения узнал бы Орден Истины. И все, тогда когти и зубы немертвых за счастье покажутся. Сначала пытки, а потом костер. Бррр... Нет уж, лучше вот так, пищей для мертвяков стать. Неприятно, конечно, но зато быстро.

— А вы откуда про них всех узнали? — полюбопытствовала Рози — Да еще в деталях.

— Вы просто пока не осознаете, насколько тесен магический мир — пояснил ей Унс — К тому же вы пока никто, и звать вас никак. А вот когда получите посох и сможете добавлять к своему имени слово «маг», то есть вольетесь в наши ряды, лет через десять осознаете, что знаете лично или понаслышке почти всех магов Рагеллона. На самом деле нас не так и много, как кажется. И когда кто-то уходит за Грань, это непременно становится темой для обсуждения. А уж если погибший маг относился к тем, чье имя на слуху, то про такое говорят куда как дольше.

А ведь он прав. Я вспомнил, как обсуждали смерть Ностера, которого с подачи мастера Гая убили во время штурма Шлейцера. Даже мои собратья-подмастерья и то про этом судачили, что уж говорить про полноправных магов. И, думаю, разговорами под стенами Шлейцера дело не закончилось.

— Вот, например, я третьего дня общался с одним из наших, он тут проездом был — продолжал разглагольствовать Два Серебряка — От него узнал, что Ностер голову сложил на какой-то войне. Лично знаком с ним не был, но слышал про его свершения очень много. Мощный маг, очень мощный. Был. Новость? Новость.

— А чем Стефани так прославилась? — внезапно спросила Эбердин.

— Она целительницей была — охотно ответил ей Унс — Причем очень талантливой. Еще посох не получила, а такие заклинания плела, что Форш даже зеленел от зависти. Из-за Границ людей вытаскивала, с самой Смертью спорить не боялась. Ну, и допрыгдалась в результате. У какого-то

вельможи жена рожала, да что-то пошло не так. А когда Стефани к ней позвали, там оставался только выбор, кому дальше на свете жить — дитю или матери. Стефани подарила жизнь ребенку, а вельможа оказался не согласен с таким решением. Вот ее и сожгли по его приказу. Мол, специально жену уморила магичка, душу ее себе забрала.

— Вот и делай добро людям — невесело произнес Карл — Хоть бы одна сволочь оценила.

— Верно, приятель — Унс протянул к нему руку с бокалом — Потому я и предпочитаю жить здесь, на краю света. Здесь солнечно и спокойно, а я никому не интересен. Я никуда не лезу и ни во что не вмешиваюсь. Возможно потому еще и жив, единственный из тех, кто вышел с посохом мага из стен замка Крук.

— Так уж и ни во что? — лукаво прищурилась Рози — А эти двое? Разве вы им не помогли, причем зная, что они вне закона?

— Случайность — неприязненно глянул на нее маг — Секундная вспышка эмоций. Такое может случиться с каждым.

— Лукавите, мастер Унс — как всегда прямолинейно заявила Эбердин — Вы помогли нашим мальчишкам, потому что вам самому захотелось это сделать. Вы устали от одиночества, и были даже рады, что все так случилось.

— Дети — насмешливо произнес Два Серебряка, обращаясь к Борну — Романтики. Несут какую-то чушь.

Борн ничего на это не сказал, но зато подмигнул Эби, как бы говоря: «Ты права, девочка».

Через час мы, было, хотели уже рас проститься с нашим гостеприимным хозяином и отправиться в резиденцию Асторга, но он ничего не хотел про это слышать. Вдобавок на его стороне выступил Карл, который непременно желал отведать барашка, который вовсю готовился на кухне.

В результате мы совершили прогулку по дому, посмотрели коллекцию картин, которую начал собирать еще прапрапрадед Борна, потом побывали в оружейной, где Фальк выпросил у радушного хозяина кинжал из какой-то особо прочной стали. Ну, как выпросил? Он его повертел в руках, обозначил пару ударов, и напрямую спросил у Борна:

— Я себе эту игрушку возьму? На память о нашем знакомстве?

— Конечно — не задумываясь, ответил тот и протянул Карлу ножны. А потом еще и новый пояс подарил.

В результате, барашка подали тогда, когда солнце уже село. Причем не просто село, оно словно утонуло в море. Кстати — потрясающее зрелище,

мы наблюдали его с огромной террасы, на которой за время нашей прогулки по дому, было приготовлено все для продолжения застолья.

Впрочем, это было здорово. Жара спала, воздух был свеж и терпок, сгустившаяся темнота была изгнана с террасы десятками свечей, горящих в напольных шандалах, вино было прекрасно, барашек великолепно зажарен и ароматен.

А самое главное — мне не надо было ни от кого убегать и скрываться. Я был в безопасности. И именно теперь, этим вечером, почувствовал, как меня окончательно отпустило напряжение последних дней.

Правда, где-то на задворках сознания зудело воспоминание о безумном взгляде и скрипучем голосе Виктора Форсеза, но я до поры, до времени выкинул его из своей памяти. Потом, потом, после. Не сейчас.

И беседа за столом текла неторопливо и размеренно, под стать вечеру. Даже саркастичный Унс перестал колоть нас своими остротами и немного обмяк. Хотя, возможно, дело тут было не в атмосфере всеобщей расслабленности, а в изрядном количестве вина, которое маг в себя влил.

— Мастер Унс, а как вы познакомились с нашим наставником? — в какой-то момент спросила у него Рози.

— Все гадал, когда ты у меня попробуешь это выяснить, хитрюшка — погрозил ей пальцем Два Серебряка — Эраст, ты имей в виду, это лиса еще та. Я таких сразу вижу.

— Знаю — отмахнулся я — Для меня это не новость. Привык уже.

— И все-таки — настырничала Рози — Как?

— Лет двадцать назад он мне жизнь спас — благодушно ответил Два Серебряка — Меня занесло в один старый храм давно забытого бога, что стоит в горах... Неважно где. Оно вам ни к чему. Так вот — это место было заброшено еще до Века Смуты и про него мало кто знал.

— А вас-то туда за каким демоном понесло? — оторвался от бараньей ноги Карл.

— Надо было, значит — даже не подумал разозлиться на него Унс. Вот как у Фалька это получается? Если бы это вопрос задал я, то точно получил бы от мага в лоб, как минимум за то, что перебил его. А с нашего обжоры все как с гуся вода — Искал я там кое-что. Но не нашел того, что было нужно, зато наткнулся на совсем другое.

— Эк вы заковыристо выражаетесь — хмыкнул Карл.

— Это да — признал Унс — А все почему? Много читаю потому что, вот и умею фразу хорошо построить. А ты только жрать горазд.

— Каждому свое — философски парировал Фальк — Так чего вы нашли?

— Посмертного стража — мрачно ответил Унс, не увидел на наших лицах никакой реакции на его слова, и возмутился — Слушайте, вас Ворон хоть чему-то учит?

— Чему-то учит — уклончиво ответила Рози — То тому, то этому.

— Оно и видно — проворчал Унс — Посмертный страж — немертвая сущность, привязанная к конкретному месту при помощи очень древнего и очень нехорошего ритуала, который представляет собой смесь магии крови и магии смерти. Это очень, очень опасное существо. Мало того — его почти невозможно убить, поскольку он не принадлежит ни к миру мертвых, ни к миру живых. Магия смерти защищает его от стали, магия крови — от заклинаний. Нет, кое-кто возможно, его и одолеет. Архимаги, например, или те, кто хорошо разбирается в запретных знаниях, и может эти знания применить на практике. Из простых магов Гай Петрениус, думаю, с ним справился бы. Или покойный Ностер. Но я — не они. Страж дал мне дойти до зала, где стоял жертвенный алтарь, а потом начал свою охоту. Ох, и погонял он меня по храму! Развлекался, гад такой. Это вам не тупой мертьяк, у этого существа есть разум, есть даже подобия чувств, он наслаждался властью надо мной и моим страхом. Раз пять дал пробежать мимо выхода, один раз я был в паре шагов от него, но выйти не смог. Гнал, как загонщики оленя, и без остановки тянул из меня энергию, опустошал словно сосуд вина. А когда я совсем ослабел, загнал в один из залов, пол которого был усыпан костями тех, кто пришел в этот храм до меня. По щиколотку усыпан, представляете?

— Жуть какая — выдохнул Борн — Унс, ты мне про это никогда не рассказывал.

— Оно тебе надо, такое слушать? — мягко спросил маг — Ладно эти, пусть ума-разума набираются, но ты другое дело.

— И что дальше было? — азартно спросил Карл, который даже есть перестал.

— А дальше мне повезло — ответил Два Серебряка — Может, единственный раз в жизни повезло по-крупному. В этот храм пожаловал ваш наставник. Мало того — несмотря на то, что храм был велик, он притопал именно туда, где посмертный страж как раз собирался вырвать мое сердце, чтобы положить его на алтарь своего забытого бога. И, надо отдать ему должное, мигом сообразил, что к чему, а после кинул единственное заклинание, которое могло нам помочь, а именно — «круг крови». Ну, неучи, кто-нибудь из вас знает, что это такое?

— Кто-нибудь знает — отозвался я — Сильное заклинание, из запретных. Оно лишает того, на кого направлено, собственной воли, и

запирает на некоторое время в ограниченном пространстве.

— Молодец — неподдельно удивился Два Серебряка — Не совсем дурак, надо же. Вот это заклинание меня и спасло. Воли оно стражи не лишило, но в круге заперло. Ненадолго, на несколько минут, но этого нам хватило, чтобы добраться до выхода. Причем через порог меня Герхард на своих плечах вытащил, так я ослаб. Ох, как страж завывал, глядя на нас! Мы от него в паре шагов были, а уже все, не дотянувшись. Нет у него власти за порогом храма. Вот с тех пор мы с вашим наставником и приятельствуем.

— Теперь все совсем ясно стало — удовлетворенно сказала Рози.

— Что тебе ясно стало, заноза? — устало спросил у нее Унс.

— Все — и де Фюри показала ему свой розовый острый язычок.

Унс хотел что-то сказать, но промолчал, решив не связываться. И правильно. Ее не переспоришь.

Карл гулко захохотал, секундой позже к нему присоединился Борн, и даже Эбердин.

— Хоть где-то царит веселье — раздался вдруг голос, который я не очень ожидал услышать этим вечером — Месьор Борн, надеюсь, вы будете не против, если мы присоединимся к вам?

Глава 20

— Монброн! — радостно рыкнул Карл — Ну, вот теперь все в сбore!
Да ты еще и не один?

— Это Луара — представил Гарольд свою спутницу и строго посмотрел на расплывшегося в улыбке здоровяка — Моя сестра. Ты понял, Фальк? Сестра.

— Не надо мне сто раз одно и то же повторять — возмутился Карл — Я с первого все понимаю. Луара, рад знакомству. Как ваши дела?

— Не верь ему, сестра — посоветовал девушке Гарольд — Он непременно тебя обманет. И тогда мне придется вызвать его на поединок, чего очень не хотелось бы.

— Это потому что он не уверен в том, что со мной справится — подмигнул девушке Фальк — Одно дело заколоть как свинью неуклюжего толстяка, и совсем другое скрестить клинки с таким фехтовальщиком, как я.

— Этот толстяк был моим дядей — холодно произнесла Луара — Родным.

— Эк — икнул Карл сконфуженно и прикрыл рот ладонью — Извиняюсь.

— За что именно? — продолжила его потрошить сестра Гарольда — За то, как вы ведете себя за столом или за то, что глумитесь над памятью моего покойного родича? Не самого порядочного человека в нашем королевстве, но тем не менее?

Все замерли, ожидая ответа Карла. Как ни крути — развлечение в чистом виде.

— Давайте сделаем вид, что ничего не было — подумав с минуту, произнес Фальк — Я просто уже сейчас не знаю, что сказать, а дальше, чую, будет еще хуже. Лучше я буду кушать, хорошо?

— Ну вот, а ты говорил, что он не сильно крепок умом? — уставилась на Гарольда Луара — Нет, не совсем он тупица.

— Как интересно — вступила в беседу Рози, отщипывая от кисти виноградину и отправляя ее в рот — А про меня он что говорил?

— Ничего не говорил — беззаботно ответила Луара — А чего про вас скажешь? Тем более, что мы уже виделись. Правда, вы из нашего дома быстро сбежали, но оно и к лучшему.

Рози закашлялась, как видно, ягода попала не в то горло.

— Эраст, я так рада вас видеть — тем временем Луара обратилась ко мне — Можно, присяду рядом? Все-таки увидеть знакомое лицо в незнакомой компании — это так важно для юной и непорочной девушки. Вам просто не понять этого, вы же мужчина.

И она слегка оперлась на мое плечо, вроде как в шутку, ища поддержки.

Кстати — приятно было это слышать. Да и вообще эта Луара очень славная девушка. Ну да, целеустремленная, знающая, что хочет от жизни, так и мир вокруг жесток, как в нем жить по-другому?. Зато в ней нет той непробиваемой упрямости, которая иногда меня раздражает в де Фюрьи. Вот если ей что в голову втемяшится, то все, не сдвинешь ее с места. А эта — она немного другая.

Монброн посмотрел на красную то ли от кашля, то ли от злобы Рози, скинул руку Луары с моего плеча и сказал:

— Это да, у нас дома совсем нехорошо, вот и сбежал оттуда при первой возможности. Сначала хотел к де Фюрьи поехать, а после отчего-то решил, что вы непременно к месьору Борну направитесь. Вот, угадал.

— Называй вещи своими именами, братец — Луара откинулась на спинку диванчика, на котором мы с ней сидели бок о бок — У нас дома похоронное настроение. Нет, при наличии двух мертвых тел, лежащих в леднике, это совершенно нормально, но так уж убиваться, по-моему, не стоило бы. Жаль, матушка и сестры считают иначе. Они льют слезы, причитают и винят во всем Гарольда и его злодея-дружка. Это не я так думаю, это они тебя, Эраст, так называют. Хотя, поверь, это не верх их лицемерия. Я даже слышала фразу «Мы были еще вчера так счастливы». Это вообще ни в какие рамки не лезет.

— Не хотел бы показаться непочтительным — неуверенно сказал Борн
— Но, может, ваша мама и сестры просто любили господ Генриха и Тобиаса?

— Вчера они проклинали этих двоих — язвительно заявила Луара — И призывали на их головы все возможные бедствия, отлично осознавая, что именно эти люди станут причиной их скорой смерти. Ни мамочка, ни мы этой парочке живыми нужны не были. Но стоило Генриху и дядюшке устроиться в виде бездыханных тушек в наших погребах, и они немедленно стали самыми-самыми-самыми. Тьфу! Ненавижу!

Кого именно она ненавидит, Луара не уточнила, но мне подумалось, что, если, родня Гарольда за ум не возьмется, то планы покойных запросто все-таки могут осуществиться. А почему нет? От этой девушки всего можно ожидать.

— В общем, когда я понял, что мое присутствие в замке более не является необходимым, то сразу же его покинул — подытожил Монброн — У меня нервы тоже не железные. И, клянусь, кабы не похороны, на которых я должен присутствовать, то уже завтра утром нас в Форессе не было бы.

— А моя свадьба? — возмутилась Луара — На похороны ты, значит, сходишь, а свадьба сестры так, мелочь какая-то?

— Похороны завтра днем, а твоя свадьба только через три недели — устало, и, похоже, что не в первый раз, произнес Монброн — Ну, я не могу столько времени пробыть в Силистрии. Нам надо обратно ехать, нас там ждут.

— Да-да-да — подтвердила Рози, нехорошо глядя на сестру нашего друга — Очень ждут. Мы даже к нам в Асторг не сможем заехать. А повод есть, и он более чем веский, мне жениха родителям представить надо.

— Я помню, что Эраст твой жених — сообщила Луара де Фюрьи — Не беспокойся. И не волнуйся, никто на него не посягает. Тем более, что он приятель моего брата, то есть лицо неприкосновенное.

— Я? Беспокоюсь? — Рози, как по мне, достаточно неестественно засмеялась — Вот еще!

А после этого она осушила бокал вина. Залпом. А потом еще один.

Чудно, никогда ее такой не видел.

— Ну — Монброн присел перед сестрой на корточки — Мы никак не можем остаться. Правда — никак.

— А кто меня введет в храмовый зал? — печально спросила девушка — Это должен сделать мужчина. Что, троюродного брата просить? Чтобы над нами весь город смеялся? А второго стража вообще взять неоткуда.

Я слышал про эту традицию. Когда невеста входит в храм, где совершается бракосочетание, слева и справа от нее должны шествовать мужчины с обнаженным оружием, как правило — родственники. Ну, или очень-очень хорошие друзья семьи, причем желательно высокопоставленные вельможи. В этом случае семейство невесты как бы говорит: «Вот какие у нас друзья». И называются эти сопровождающие очень красиво и образно — «Стражи невинности».

— Месьор Борн — обратился я к сочувственно шмыгающему носом толстяку — Скажите, а вы не сможете принять на себя эту обязанность?

Луара и Гарольд сначала дружно посмотрели на меня, потом на Борна, потом друг на друга.

Мне стало не по себе. А ну, как я чего не то сказал?

Да вообще в это лезть не стоило. Семейные дела они на то и семейные, что между родней обсуждаются.

— А мне нравится — сказала вдруг Луара — Матушка, конечно, орать станет, но на нее мне плевать.

— Ну, выбирай выражения, ты все же не о подруге говоришь, а о матери — сурово сдвинул брови Гарольд, но тут же хихикнул — Но да, веселье будет еще то! Потом напишешь, как это все было!

— А я еще брата попрошу нам компанию составить — пообещал сияющий от радости Борн — Вот вам и второй «страж невинности».

— Тогда, может, и не будет орать — призадумалась Луара — Месьор Отиль, это, знаете ли...

— Вот только согласится ли он? — озабочился Гарольд.

— Согласится — вместо Борна ответил Два Серебряка — Отчего же нет? Насколько я понял, он к тебе расположен, причем не менее, чем, например, я.

Более тонкий намек на достаточно толстые обстоятельства придумать было бы сложно.

И Гарольд, разумеется, его понял.

— Мастер Унс, одну минуту — сказал магу Монброн и покинул террасу.

— Куда это он? — похлопала ресницами захмелевшая Рози — Фальк, налей мне еще вина.

— Уверена? — с сомнением произнес Карл — Я тебя такой еще ни разу не видел, в смысле — от вина уставшей. Может, не стоит?

Рози с презрением глянула на него, и взмахом руки подозвала к себе слугу.

Наверное, мне следовало бы что-то ей сказать, но, с другой стороны — а зачем? Я ей пока не муж. Опять же — это Рози. Любой запрет распалит ее упрямство, и она все сделает в точности наоборот, иногда даже во вред себе. Знаю я этот ее взгляд, она так смотрит, когда твердо для себя что-то решила. В данном случае, видимо, напиться до состояния «павший лист».

Ну и потом. Скорее всего, дело вовсе не в Луаре или мне. Просто у нее тоже есть нервы, сейчас ее с головой накрыло ощущение «слава богам, все кончилось».

Как и любого из нас.

— Вот — вернувшийся за стол Монброн плюхнулся на стол перед Унсом увесистый и приятно звякнувший мешок — Здесь пятьсот золотых.

— Не двести в месяц, но тоже неплохо — Два Серебряка потыкал пальцем в кожаный бок мешка — Монброн, ваш долг оплачен и закрыт. В конце концов, в процессе окончательного разрешения ваших родовых разногласий я участия не принимал, так что никаких претензий не имею.

Надо же, к нему он на «вы». А со мной так и остался на «ты». И где справедливость?

— Разве? — улыбнулся Гарольд — Если бы не ваша забота о нас, негодных мальчишках, то сейчас и этой пирушки не было бы. По крайней мере, мы с Эрастом точно в ней участия не приняли. Сидеть бы нам сейчас в Палатах Раздумий, гадать, на какой день суд перенесли, и гудеть пустыми животами.

— Почему «пустыми»? — возмутилась Рози — Я вчера вам туда еды как на трех Фальков передала! И даже заплатила, чтобы ее на стол накрыли!

Она попыталась изобразить суровость, но выглядело это так забавно, что я еле удержался от смеха. Хотя, теперь понятно, почему де Фюрии избегает вина. Ее хмель забирает практически моментально.

— Эраст, мы дураки — посмотрел на меня Гарольд.

— Нет — возразил ему я — Откуда нам было знать, что эта еда от де Фюрии? Там ни письма не было, ни записочки. Правильно мы поступили.

— Странно — Рози печально вздохнула — А я ведь ее писала. Записочку. Сама. Собственноручно. Там так было, значит. «Дорогие мои». Нет. «Дорогие-предорогие мои». Или это я не вам писала?

Де Фюрии окончательно запуталась в мыслях, да еще, похоже, ее в сон потянуло, поскольку между словами она зевала прямо как котенок, трогательно и как-то очень умильтельно.

— Это не все — Гарольд протянул Унсу одну из двух шпаг, которые он тоже принес с собой — Вы еще тогда, в доме Лавиней, просили нам подарить данный клинок. Он ваш. Мне вернули наши шпаги, так что — вот, как было обещано. Эраст, держи.

Да, это была моя шпага, родная донельзя. И дагу вернули, ту, в которой из одного клинка при нажатии кнопки три получалось. Прямо как старых друзей встретил.

— Вот за это спасибо — Унс выдвинул клинок из ножен до середины, удовлетворенно посопел, и задвинул его обратно — Хорошее оружие. И для дела сгодится, и продать всегда можно, если что.

— Думаю, «если что» вас более не будет беспокоить — Монброн подошел к Луаре и положил руки ей на плечи — Между нами была договоренность, если вы забыли. Вы обещали поступить на службу к моему семейству, в качестве лекаря.

— Не забыл — с непонятной интонацией произнес Унс — Ну-ну?

— Гарольд рассказал мне о том, как вы помогли ему и Эрасту — вступила в разговор сестра моего друга, встав из-за стола и подойдя к магу

— Ситуация была непростая и без ваших советов мальчикам пришлось бы очень тяжело. Потому я хотела бы видеть вас в нашем доме не только в качестве лекаря, но и как моего советника. Замечу отдельно — тайного советника. Я, знаете ли, не слишком верю в эти простонародные сказочки, вроде «зло повержено, теперь наступит счастье для всех». Эти двое срубили ствол дерева, но корни-то еще в земле. Они сделали грубую работу, и теперь, гордые собой, сбегают куда подальше, а мне предстоит разбираться со всем остальным. И это при том, что я слабая юная девушка. Без связей, без знакомств, без поддержки.

При слове «девушка», почти заснувшая Рози раскрыла левый глаз, оценивающе осмотрела Луару, коротко рассмеялась и снова уснула.

— Я все понял — выставил перед собой ладони Унс — Понял. И согласен. Ну, разумеется, мы еще обсудим условия моего проживания в вашем дворце, размер жалования, иные нюансы.

— Конечно же — даже не стала спорить с ним Луара, и глянула на пустой стул, стоящий рядом с Унсом.

Тот усмехнулся, а после встал со своего места, выдвинул этот стул, дождался, пока Луара неторопливо усядеться на него, и только после этого вернулся обратно за стол.

— Ну что, хоть мы и не в простонародной сказочке, но все вроде закончилось неплохо — заметил Карл — Каждый получил свое.

— Мы еще не получили — не согласилась с ним Эбердин — Но получим наверняка. Сказать, где и от кого?

— Да брось ты — недоверчиво осклабился Фальк — Завтра похороны пройдут, вечером посидим на дорожку, а послезавтра с утра на лошадей — и вперед, в герцогства.

— Почему на лошадей? — изумился Гарольд — Зачем? У моей семьи самая большая флотилия на побережье. И потом — мы изначально собирались возвращаться водой, разве нет?

— Да надоели мне эти корабли — признался Карл — Я не моряк, я по земле ходить люблю.

— Зато так быстрее — назидательно заметила Эбердин.

— Это спорный вопрос — поморщился Монброн — Если вы забыли, нам еще надо заглянуть в Алессию, мы дали слово графу Лотару. Это дня три-четыре, кабы не больше. Застолья, охота, прощальный пир — забав хватит. А потом — плавание. Добро, если будет попутный ветер, а коли нет? Ближе к западному побережью нас тоже могут ждать сюрпризы. Это здесь уже почти лето, а там только-только половодье закончилось, и реки принесли в море массу всякой дряни, вроде топляков, которые в темноте

запросто пробьют днище корабля. Днем их видно, а вот ночью нет. Да погода весной неустойчивая, море то и дело штормит. Это все время, друзья. Так что раньше середины, а то и конца мая нам в Вороний замок не попасть.

— Какая мрачная перспектива — опечалилась Эбердин — И сразу — если что, то я на весла не сяду. И не умею, и не хочу.

— Люблю волевых женщин — неожиданно сообщил всем Борн и отсалютовал девушке бокалом вина — И уважаю! Эй, слуги! Перемена блюд!

— Если честно, в меня уже не лезет — признался я хозяину дома — А ведь нам еще ехать... Ну, куда-то.

«Домом» резиденцию Асторга я назвать не мог, а другое слово подобрать не получилось.

— Никуда не надо ехать — по-моему даже обиделся Борн — Зачем? У меня масса комнат и все они в вашем распоряжении, друзья мои. Тем более, что твоя невеста, Эраст, уже благополучно уснула. Зачем же ее будить? Да и тряска в карете может вызвать у нее... Как бы так сказать...

— Мы поняли — остановил его Унс — В самом деле, чем здесь плохо? А особенно вам, досточтимые Монброны. Что-то мне подсказывает, что дома вас никто не ждет.

— Меня уж точно — подтвердил Гарольд — Месьор Борн, буду рад воспользоваться вашим предложением. Ну?

— Я тоже — отозвалась его сестра, с аппетитом поедавшая жареное куриное крылышко — Ну их всех. Надоели. И потом — мне еще на их постные лица смотреть, когда я выложу новость о том, что вот-вот вступлю в брак.

— Теперь, как ваш советник, пусть и тайный, с полной ответственностью могу сказать — это очень верное решение — негромко сказал Унс — И чем быстрее вы свяжете себя узами супружества, тем лучше. А если еще и понесете незамедлительно, так совсем славно станет. Тогда шансы ваших сестер оспорить первенство в роду будут не очень велики.

— Унсик, не забывай про моего брата, он всегда поможет этой славной девушке — попросил его Борн — К тому же, его величество Эдуард крайне благожелательно настроен к нашему славному Гарольду, и, в случае чего, никогда не откажется помочь его любимой сестре.

— Жалею только об одном — выслушав все это, произнес Гарольд — Мне безумно обидно, что я не смогу даже в сотой доле вернуть вам то добро, которое вы для меня сделали.

Борн замахал руками, как бы говоря: «что за глупости», а Унс знай попивал вино.

А потом все как-то очень быстро закончилось. Первой нас покинула Луара, сославшись на усталость, следом за ней Эбердин увела Рози, сообщив нам о том, что она сегодня, пожалуй, переночует в одной комнате с моей невестой. Ну, мало ли что? Тазик там подставит, что-то еще.

Потом удалились Унс и Борн, причем глаза последнего к концу вечера уже знакомо остекленели. Успел, значит, наш пройдохистый маг сыпнуть этому добряку своей отравы. Надо будет ему сказать, чтобы он с этим делом завязывал. Мало ли какие у нее побочные действия? Нам Ворон рассказывал про один такой порошок. Он и думать помогает, и память так усиливает, что страницы книги наизусть с первого прочтения заучивать можно и другие полезные свойства у него есть. Очень жизнь упрощает, скажем так.

Вот только через пару лет его употребления человек в развалину превращается. Практически в прямом смысле слова.

А мне Борна жалко будет в этом случае. Он хоть и со странностями, но человек хороший.

Карл не стал мудрить, допил остатки вина и бухнулся на кушетку, стоящую в углу залы, та пронзительно скрипнула и затрещала, но все-таки выдержала его вес. А через пару минут оттуда уже раздавались трели, которые он выводил носом.

Я, честно говоря думал, что Монброн тоже уже ушел, потому очень удивился, увидев его стоящим на террасе и смотрящим на море и вечерние огни засыпающего города.

— Подышать перед сном? — понимающе спросил он у меня.

— На море посмотреть — признался я — Мне оно очень нравится.

— Ну да — Гарольд глубоко вздохнул — Понимаю.

Мы постояли молча, причем я правда смотрел на море. Если чего и не хватает в моей новой жизни, так это именно синевы безбрежной глади. Я вырос в портовом городе и море являлось частью меня самого. Его шум всегда звучал в моих ушах, а терпкий запах соли был неотъемлемой частью воздуха, которым я дышал.

— Знаешь, а я теперь Аманду понимаю куда как лучше — сказал внезапно Монброн, и я заметил, что он, оказывается, изрядно пьян — Правда.

— В каком смысле? — не понял я.

— Я же теперь как она — пояснил мой друг — У меня, по сути, нет больше дома. И, скорее всего, вот этот город я вижу в последний раз.

Возвращаться сюда нет никакого смысла.

— Что за глупости? Что ты опять начинаешь?

— Да как раз наоборот, заканчиваю — рассмеялся Гарольд — Все что мог, я уже сделал. Дом теперь в маленьких, но надежных руках Луары, рядом с ней Унс. Он хитрец, но за мою сестру он любого по полу размажет. Лу — гарантия его безбедной старости. Но вот непосредственно я в этом раскладе лишний. Сейчас Лу еще изображает печаль по поводу моего отъезда, но как только осознает то, что теперь она хозяйка всего, эта грусть тут же сменится радостью. И я ей тут буду совершенно не нужен. Я — зримое напоминание того, как ей досталось все, чем она владеет.

— Ну, не знаю — пробормотал я — Опять ты чего-то накрутил, накрутил...

— Зато золото я буду теперь получать исправно — весело сказал Гарольд и обнял меня за плечи — Лишь бы сам тут не появлялся. Согласись, золото это уже неплохо?

— С учетом того, как оно течет сквозь наши пальцы, даже очень — даже не стал спорить я.

— Ну, а если мне понадобится где-то провести вакации или отсидеться, то, надеюсь, твой дом не будет для меня закрыт? — поинтересовался Гарольд, пихнув меня кулаком в бок — Или выгонишь друга в дождь и ночь?

— Да пошел ты! — не выдержал я и сбросил его руку с плеча — Несешь какую-то чушь. Тыфу!

— Извини, брат — виновато глянул на меня Монброн — Просто грустно немного. И в первую очередь от осознания того, что правы те, кто говорит, что маг существо бездомное. Я раньше в это не верил, а ведь так оно и есть на самом деле. Разве что де Фюрри является исключением, но тем самым она скорее подтверждает это правило, чем опровергает его.

— Пошли выпьем, и на боковую — предложил я — А завтра с утра жизнь будет казаться чуть лучше, чем сейчас.

— Послезавтра — поправил меня Гарольд — Завтра у меня похороны. Ну, в смысле...

— Я понял. Тем более пошли выпьем.

Мы осушили по бокалу вина.

— И вот еще что — ткнул мне пальцем в грудь мой друг — Надо ведь нашим про Форсеза рассказать. А то забудем это сделать, а он как опять откуда-то вылезет!

— На корабле расскажем — пообещал ему я — А теперь — баиньки. Утро вечера мудренее.

Кликнув слуг, я передал им совсем осоловевшего после последнего бокала вина Гарольда, и велел сопроводить до той комнаты, которую ему определил радушный Борн.

А после и сам отправился за ними следом. Ну, не сидеть же мне тут одному?

Один из слуг сопроводил меня до покоев, которые, признаться, меня приятно поразили. Я за последнюю пару лет в разных местах побывал, но такой роскоши даже у Луизы в гостях не видал, а ее семейство бедным никак не назовешь.

Да тут одна кровать размером с камеру в «Башне на Площади» была! А, может, и побольше.

Правда, несмотря на размер, мягкой я бы ее не назвал. Впрочем, это меня совершенно не расстроило. Тепло? Удобно? Чего еще желать?

Ответ на последний вопрос я смог дать через пару минут.

Покоя я желаю. Чтобы хоть одну ночь провести так, как все приличные люди. Чтобы заснуть вечером, а проснуться утром, и при этом никуда идти не надо было, и меня никто не беспокоил.

Когда сон уже почти взял надо мной верх, а действительность стала зыбкой, я услышал скрип открываемой двери.

Оторвав голову от подушки, я взгляделся в ночной полумрак, царивший в комнате и увидел, как ночной гость, одетый во все белое, повертел головой, после ухватил один из стульев, стоявших возле стола и подпер им дверь.

Точнее — это была гостья. Это было ясно по тому, как незваный ночной визитер двигался.

Рози, кто же еще. Проснулась, обнаружила мое отсутствие, вспомнила разговоры за ужином и пришла восстанавливать справедливость. Сейчас будет тыкать мне в грудь пальцем и называть дураком.

Фигура в белом приблизилась к кровати, ловко стянула через голову белое одеяние, которое предсказуемо оказалось ночной рубашкой, и нырнула ко мне под одеяло.

— Ночь на дворе — сразу сообщил ей я — Время для сна.

— Полностью согласна — признала правоту моих слов гостья — Но до рассвета еще далеко, успеешь выспаться.

Это была не Рози.

— Луара? — сон с меня как рукой сняло — Ты чего здесь? Точнее — зачем?

— Комнаты перепутала — с еле сдерживаемым смехом ответила девушка — Что, не очень правдоподобно звучит? Ладно. Тогда...

Нуууу.... Мне в моей спальне очень страшно было. К кому мне еще идти? Не к брату же?

Она прижалась ко мне своим горячим и гибким телом, что вполне предсказуемо привело к определенным последствиям.

— Так нельзя — возразил я ей и попробовал отстраниться — Это... Нельзя.

— Ты так верен своей асторгской красотке? — изумилась Луара — Эраст, что за глупость? К тому же мы в Силистрии. У нас чтут супружескую верность, но только после того, как брак заключен, а до твори что хочешь, лишь бы последствий не было. Нет, и в браке всякое случается, главное, чтобы эти похождения не стали достоянием общественности.

В процессе сообщения мне этих, бесспорно важных, сведений ее руки не теряли времени, а моя уверенность в собственной правоте рушилась с невероятной скоростью. Я все же живой человек.

— Да при чем тут это — я пустил в ход последний аргумент — Ты сестра моего друга.

— Хоть дочь — Луара сделала очень умелое и ловкое движение, и я оказался на ней — Ты еще про скорую свадьбу вспомни. Эраст, ты мужчина, я женщина, мы вместе, и, если ты сейчас перестанешь говорить глупости, то в ближайшее время нам будет очень хорошо. Возможно, даже не один раз.

В ее словах был смысл. Впрочем, даже если бы его не было, я все равно уже не смог бы ничего изменить. Да и не захотел. Потому что нам на самом деле было хорошо. И даже не один раз.

Ну, а если уж совсем честно — я бы даже не отказался эту ночь повторить еще раз. Вот только возможности такой у меня не было, в первую очередь потому что Луару до нашего отъезда я больше ни разу не увидел.

Она ушла утром, когда я еще спал, и в дом Борна, где я оставался вплоть до самого нашего отъезда из Силистрии, не вернулась. Да и что ей там делать? У нее много других забот.

Не увидел я больше и Унса, как видно он не отходил от своей новой хозяйки, честно выполняя взятые на себя обязательства. Жаль, я бы с радостью пожал ему руку.

Правда, небольшой подарок от него я получил. Его передал мне Борн, когда пришел провожать нас в порт. Это было небольшое письмо, внутри которого я обнаружил рецепт, написанный каллиграфическим почерком, и с подробными пояснениями рядом с каждым компонентом.

Это был рецепт дурманного порошка, которым он так умело

пользовался.

Кстати — добряк Борн сделал подарки каждому из нас. Мне, Гарольду и Карлу он подарил по новому плащу с ручной вышивкой. Надо думать — дорогущему.

Девушки получили от него наручные золотые браслеты с искусно нанесенной гравировкой, изображающей сцены охоты на оленей. Насколько я понял, такие браслеты были последним пиком силистрийской моды.

Еще я получил от него корзину с медовым печеньем, тем самым, что пекли в заведениях папаши Бронтона. Я как-то упомянул, что очень хотел бы его попробовать, а Борн это запомнил.

И ведь не зря я хотел его попробовать, это печенье. Вкуснятина оказалась первостатейная, во рту оно так и таяло. Приличных размеров корзина опустела в тот же день.

А еще нам всем было очень неловко за то, что мы ничего Борну в дар поднести не смогли. Нечего было, а купить заранее не догадались. Только и оставалось, что махать с кормы корабля рукой до тех пор, пока его фигурка не исчезла из поля зрения.

Дальше же все было именно так, как и предсказывал Гарольд. Пять дней мы провели в Алессии, где выпили много вина и съели не меньшее количество мяса, сходили на две охоты, поплясали на балу, а Карл даже умудрился ввязаться в ссору с каким-то местным виконтом и проколоть ему плечо на поединке.

А чего стоило Гарольду свести к минимуму общение с дочерью графа Лотара. Она, кстати, один в один как Луара попыталась взять его штурмом, но Монброн устоял. По крайней мере так он сам утверждал.

После же путешествие стало просто скучным. Мы сначала шли морем, потом рекой, каждый вечер вставали лагерем на берегу и варили похлебку или кашу. День за днем, день за днем, почти три недели, пока наконец-то, не достигли того места, где пришло время рас прощаться с корабельщиками. Кстати — того самого, где мы в свое время сошли с корабля капитана Муртаха. Ну, мы так подумали — а чего мудрить? И дорогу искать не надо. Опять же — там лошадей можно купить, проверено.

И вот, в конце мая, опять же, в точности со словами Гарольда, мы одним прекрасным утром наконец-то добрались до Вороньего замка.

— Сейчас заплачу — сообщила нам Рози, которая изрядно потрепала мне нервы в первые дни путешествия, но сменила гнев на милость в Алессии, когда увидела, как одна юная графиня строит мне глазки — Мы снова дома. Ну, если это место можно так назвать.

— Я его таковым считаю — сообщил ей Гарольд, соскочил с коня и пару раз бухнул кулаком в закрытую калитку — Странно, тихо как-то вокруг, на дворе никто не шумит.

— Занимаются небось — предположил Карл — Тюба спит там, что ли? Монброн, стукни еще разок!

Только после десятого удара щелкнул засов, калитка со скрипом открылась, и мы увидели заспанную физиономию привратника.

— А вы откуда? — вместо «здрасьте» спросил он нас — Что здесь делаете? Вы давайте, езжайте, а то худо будет!

Глава 21

— Когда уже эта весна кончится? — не выдержал я — Вот уж воистину, права твоя сестра, Монброн, она как есть «черная». Поневоле в приметы поверишь.

— Заговаривается — сказала Эбердин Карлу — Сломался фон Рут, не выдержал.

— Определенно — согласился с ней Фальк.

— Да погодите вы — попросил их Гарольд — Тюба, объясни мне, что ты имеешь в виду? Где наставник и наши соученики? Почему мы должны уезжать? Нам грозит какая-то опасность?

— Само собой — зевнул горбун — Ох, мастер Шварц на вас и ругался перед отбытием. Так честил, так честил — что ты! Как по мне — бежать вам надо. За семь морей, за двадцать земель.

Одно хорошо — до замка после войны Ворон точно добрался. А то я ведь грешным делом подумал, что и этого не случилось. Насмотрелись мы по дороге на то, как принц Айгон порядок на своих новых землях насаждает. Тут и там виселицы вдоль дорог торчат, а на них полусгнившие трупы болтаются, с табличками на шее. И, главное, покойники все как на подбор, злодеи редкостные — один «Насильник», второй «Вор», третий «Разбойник». Не спорю, места близ побережья всегда были неспокойные, но такого количества негодяев там сроду не водилось. И пяток относительно недавних больших пепелищ с одиноко торчащими печными трубами мы тоже видели. Эти деревни, как нам объяснили потом, отказались принцу подати платить, мол, они раньше этого не делали, и теперь не собираются.

Вот он и устроил показательные сожжения, чтобы до остальных дошло, что времена переменились. Чтобы, значит, проняло народ. И, сдается мне, своей цели достиг.

А с учетом того, что наш наставник вообще личность не очень популярная среди власть предержащих, то беспокоиться было за что.

— Куда уезжал? — терпеливо вытаскивал по слову из привратника Монброн — Ты поподробней.

— Куда, куда — Тюба почесал бок, поймал какое-то насекомое, и с хрустом раздавил его желтыми ногтями — Туда, куда же еще.

— Уже хорошо — Монброн достал из кошеля золотую монету — Спасибо тебе за помощь, и вот, выпей за наше здоровье.

— Это можно — обрадовался горбун — Почему нет?

— Само собой — поддержал его Гарольд — Пока наставника нет, он ведь не любит, когда ты под хмельком. А сейчас-то раздолье, благо он далеко-далеко.

— Да какое там! — привратник хихикнул — День пути. На гору Штауфенгрофф он отбыл, и друзей ваших с собой туда потащил!

— Штауфенгрофф — облегченно выдохнул Монброн — Все, выяснили!

Точно. Говорил Ворон про что-то такое еще на войне, особенно когда здорово бывал на нас зол. Мол — отвезу вас туда весной, вот вы там у меня горячего хлебнете!

— Теперь понятно, чего он на нас ругался — глубокомысленно заявила Рози — Небось целый час ждал, вдруг мы вернемся, а этого и не случилось.

— Хорошо, если час — вздохнула Эбердин — А если два?

— Тюба, а когда мастер Шварц отбыл? — продолжил допрос привратника Монброн — Неделю назад, две? Или совсем недавно?

— Недели с полторы будет — подумав, важно заявил горбун — Да, где-то так. А там, на Штрауфенгроффе, раньше делать нечего, и позже тоже. Конец мая, ребятки, конец мая. Самое время!

— И что дальше? — спросила Рози.

— Надо ехать — тоном, не оставляющим возможностей для обсуждений, произнес Гарольд — Разве у нас есть другие варианты?

— Есть — потянулась Рози — Остаться здесь, и дождаться возвращения остальных.

— Я так не думаю — покачал головой Карл — Если наставник узнает, что мы просто сидели в замке, вместо того чтобы доложить ему о нашем прибытии, то он нам такое устроит! Что именно — не знаю, но мало точно не покажется.

— Верно-верно — поддержал его Тюба, с интересом прислушивающийся к нашему разговору — Мастер Шварц подобного не стерпит. Потому как это непорядок.

— Вот — показал на горбuna Монброн — Человек знает, что говорит.

По лицу де Фюри было понятно, что умственные способности привратника она ставит не очень высоко, но вслух Рози подобное высказывать побоялась. Тюба был миролюбивейшим и недалеким созданием, но свои обиды помнил очень хорошо. Как-то Мартин, пребывая не в духе, толкнул его плечом, и не подумал даже извиниться. Это было большой ошибкой. Две недели он находил в своей постели преизрядные кучи деръма, которое невесть как туда попадало, и все это время все мы

кляли его последними словами. А с учетом того, что изучали мы тогда проклятия, то полученные знания немедленно шли в ход, отчего лицо Мартина то краснело, то синело, то покрывалось огромным количеством прыщей.

Хорошо хоть, что он тогда сообразил, откуда ветер дует, и выпросил у горбuna прощение. Что, кстати, для самолюбивого простолюдина было тоже неслабым испытанием, подобные вещи не в его правилах. Ему легче было человека убить, чем с ним договориться.

Но Тюбу убивать было никак нельзя, ему благоволил Ворон. Потому пришлось прогнуться.

— А дорога? — упорствовала Рози — Ты знаешь туда дорогу?

— Более-менее — Монброн сдвинул шляпу на затылок — Из Кранненхерста налево, через лес, потом еще пара деревенек будет, а там и Штауфенгрофф. Я как-то карту видел у наставника, запомнил. Да и потом — что, спросить не у кого будет, что ли? Это же не пустыня, здесь везде люди живут.

— Давайте уже решать — попросила Эбердин — Если едем, так едем. Сколько там до этой горы? День пути? Как раз до темноты доберемся. Ну, или заночуем по дороге и утром там будем. А если нет, то чего здесь стоять, пошли внутрь.

— Я отправляюсь к наставнику в любом случае — заявил Гарольд — Эраст?

— Тоже еду — отозвался я — И думать нечего. Карл?

Рози осталась в меньшинстве, а потому, пусть и с великой неохотой, тоже изъявила желание присоединиться к нам.

— Вот и хорошо — зевнул Тюба — А я пойду еще немного, это... За хозяйством понаблюдаю.

— Тюба, есть просьба — встрепенулся я — Чуть не забыл. Слушай, пока мы в отъезде, присмотри за Филом, а?

— За кем? — потряс головой горбун.

— Ну, за питомцем моим — объяснил я, и снял со спины лошади мешок, в котором мое домашнее растение проделало последний отрезок пути — Помнишь, смешной такой?

— Ноги-веточки, руки-листочки! — обрадовался Тюба — Как не помнить! А что, оставляй, пригляжу за ним. Да и веселее вдвоем. Эти-то из замка со мной не сильно общаются, гордые они. А твой кустик добрый и славный. Давай его сюда!

Фил выбрался из мешка, расправил ветви, по привычке злобно пошелестел листвой, повертел клювом и радостно им же защелкал.

Судя по всему, он узнал эти места. Для него, кстати, самые что ни на есть родные. Он ведь тут появился на свет.

— Попляшешь для меня? — спросил у него Тюба, и радостно начал отбивать ладонями какой-то ритм.

К моему великому удивлению Фил начал под него двигаться, поднимать и опускать корешки, а также весело махать ветвями.

Ему было хорошо. Тюбе, похоже, тоже.

— Иногда мне кажется, что весь мир вокруг меня сошел с ума — невыносимо печально произнесла Рози — Бедная я, когда все это кончится?

— Никогда — бодро ответил ей Карл — Ты еще этого не поняла? Из огня да в полымя, вот наш девиз. Монброн, ты всех подзадоривал, а теперь чего-то тянешь? В седло, дружище, в седло!

— Фальк, я тебя ненавижу — сказала Рози — Ты всегда такой отвратительно бодрый, что мне тебя постоянно убить хочется. И когда-нибудь я это сделаю.

— Тогда поспеши, де Фюрьи — посоветовал ей Карл — Просто ты можешь опоздать. Есть и другие желающие.

Я хотел было спросить, кому может помешать безобидный обжора, вроде него, но потом вспомнил о Викторе Форсезе и промолчал.

Мы с Гарольдом все рассказали нашим товарищам в первый же день плавания, но, к нашему удивлению, всерьез эта история никого не обеспокоила. Впрочем, Рози и Эбердин с нами тогда в Гробницах Пяти Магов и не было, им трудно было представить все, что там произошло. Карл же хрустнул медовой печенькой, попенял Монброну на то, что он не придушил эту гадину прямо там, в Палатах Раздумий и поклялся всеми богами, что сам свернет ему шею при первой же возможности.

Дорога к Штрауфенгроффу и вправду оказалась не очень-то запутанной. К тому же пролегала она через сплошь населенные места, так что мы даже остановились в одной из деревенек пообедать. Ну, а почему бы и нет? Заодно и уточнили дальнейший маршрут, вызвав тем самым сетования немолодой женщины, которая подавала нам еду.

— Погано там — стращала она нас — Место скверное, недобroe. Не просто же так ярмарку с давних времен не проводят? На горе ведь колдун похоронен, черный, и сильно злой. Земля его не принимает, потому он в лунные ночи и шастает меж сосен, что на той горе растут, и шастает. А если кого середь них найдет, то с собой и заберет.

— Куда? — заинтересованно спросила у нее Рози — Заберет куда?

— Туда! — округлила глаза подавальщица — Откель возврату нету, вот куда! Не стоит на Штрауфенгрофф добрым людям ходить даже днем. А уж

ночью — и вовсе.

Мы пообещали на гору эту самую не лезть, а просто мимо проехать. Зачем расстраивать добрую женщину?

— Интересно, сколько в этих рассказах правды, а сколько выдумки? — задумчиво сказал Гарольд, когда мы вернулись в седла и покинули гостеприимную деревушку.

— Поживем — увидим — зловеще предрекла Рози — Вот будет смешно, если все это правда! Сожрут нас, и косточек не оставят.

— Де Фюрьи, ну сколько можно? — рявкнул я, не выдержав — Все понимаю. Ну, не выспалась ты, устала, попросту надоели тебе все наши похождения. Но чего ты нудишь и нудишь сегодня прямо как комар? Оставалась бы в замке, да и все!

В принципе, я мог сказать еще о том, что и в Силистрию ее с собой никто не звал, но это было бы уже совсем невежливо, учитывая сколько она для нас с Гарольдом сделала.

— Дурак! — подпрыгнула в седле Рози — Напугал! Тыфу ты, чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Эраст, больше так никогда не делай!

— А ты не занудствуй — потребовал я — По крайней мере вслух.

— Никогда или только сегодня? — поинтересовалась Рози.

— О «никогда» я даже не мечтаю — признался я — Хотя бы сегодня.

— Уговорил — покладисто сказала де Фюрьи, а Эбердин после этого взглянула на меня со сдержанным одобрением. Я, правда, так и не понял, по какому именно поводу.

Главное — Рози сдержала слово. Она молчала, когда крестьяне, указывающие нам дорогу, советовали «свернуть у третьего поворота, на гору-то не лезть», когда небо над нами начало блекнуть, предвещая скорые сумерки, и даже тогда, когда в последних лучах уходящего солнца перед нами открылся вид на гору Штрауфенгрофф.

Хотя слово «гора» к этому месту не очень-то подходило. Холм — вот так точнее. Нет, для местных крестьян, которые не видели настоящих гор, Штрауфенгрофф, возможно, и казался непреодолимой кручей. Но мне было с чем сравнивать, так что никакая это не гора. Просто возвышенность, поросшая лесом. Я все гадал — если это гора, ее издалека должно быть видно, так чего же ничего подобного нет? А теперь понятно. Вот на родине Луизы горные кряжи мы заметили еще задолго до того, как к их подножью добрались. А потом? Скалы, ущелья, камнепады. Вот это были горы. А тут? Прыщ земляной с полусотней сосен. Да ну, несерьезно это все.

— Хорошо, что до темноты добрались — сообщил нам Монброн — В

потемках тут пойди, найди куда дальше ехать.

Это да, это правда. На том месте, где мы остановились, дорога расходилась в разные стороны. Одна, наезженная, уходила налево, в лес, а другая, порядком заросшая травой и еле различимая, вела вверх, и скрывалась в сумеречной тени сосен.

— Странно — Эбердин хлопнула себя по щеке, убив комара — Такое ощущение, что по этой дороге никто уже лет десять не ходил и не ездил. И тихо вокруг. Там, на горе, почти два десятка человек, их за версту слышно должно быть. Может, Тюба чего перепутал?

— Доберемся до вершины — узнаем — Монброн тронул коня с места — В любом случае мы уже здесь, чего теперь гадать? Поедем и посмотрим.

Темнота наступала стремительно, уже минут через двадцать после того, как мы въехали под сосны Штрауфенгроффа, вокруг царила ночь. Нет, там, внизу, у подножия, еще был теплый и светлый весенний вечер, но не здесь. Тут и луны толком видно не было, разросшиеся до невозможных размеров кроны сосен не пропускали ее призрачный свет.

Впрочем, нас это не очень печалило, с пути тут было трудно сбиться. Лес и дорога, ведущая через него, вот и все. Ну, и темнота вокруг.

А еще — тишина. Даже ветер в ветвях не шумит.

— Меня все больше терзают подозрения, что горбун нас разыграл — сорвалась-таки Рози, но Монброн шикнул на нее, а после вытянув руку вперед, сказал:

— Огни. Вон, впереди.

И верно — не очень близко отсюда, буквально на грани видимости, виднелись отблески пламени.

— Ну вот — обрадовался Карл — А то, если честно, я уж и засомневался. Ну, в смысле, что наши в самом деле здесь обретаются.

Мы чуть пришпорили лошадей, поскольку, если начистоту, вся эта темнота, тишина и неизвестность здорово действовали нам на нервы. Нет, страха как такового не было, чего бояться всего лишь ночи? Но нам хотелось уже увидеть своих друзей, получить заслуженный нагоняй от наставника, и ощутить себя своими среди своих. Ей-ей, я даже Мартина буду рад увидеть.

Но чем ближе мы подъезжали к огням, тем больше становилось осознание того, что с ними что-то не так. Не бывает у обычных костров такого лилового оттенка, да еще и с примесью зелени.

А чуть позже мы убедились в своей правоте. Кстати — это оказались вовсе даже и никакие не костры. Мы ехали на свет четырех факелов, горящих неугасимым мертвенным огнем, и приделанных к столбам, на

которых крепились кованые ворота. И закрывали эти ворота вход на кладбище.

— Да что б вам! — сплюнул Карл — Новое дело!

— Неудивительно, что местные огибают это место седьмой дорогой — менее эмоционально сообщила нам Эбердин — Уж насколько мы всего повидали, а и то у меня в животе как инеем все прихватило. А теперь представьте, что сюда какого-нибудь селянина занесет. Он от страха поседеет весь, а потом к тому, что на самом деле выдел, еще и подробностей насочиняет.

Монброн спрыгнул с коня, подошел к воротам и потрогал один из факелов.

— Однако, магические — с удивлением сообщил нам он — Надо же. И вот так запросто висят? И не украл их никто?

— Может, проклятые? — предположил я — Кладбище-то старое, сразу видно. Да и место не из самых веселых. Вон, створки-то веревкой замотаны, да надежно как.

— Может — не стал спорить со мной Гарольд, и более уверенно подергал факел — Но, скорее потому, что они на совесть приделаны к столбам. Хотя, когда это воров останавливало?

И вот тут началось веселье. Как и полагается — вдруг.

Ворота, как я и сказал, были кованые, причем достаточно искусно сработанные и представлявшие собой чугунные переплетения то ли ветвей, то ли цветов. Вот сквозь эти переплетения внезапно и просунулась конечность, изрядно изъеденная тлением. Мало того — он ухватила Монброна за руку и потащила к себе.

А секундой позже к решетке с той стороны приплюснулась и рожа мертвяка, завращала глазами и залязгала зубами. Точнее — не мертвяка, мертвячки. Нам хорошо видны были остатки платья, в котором ее когда-то похоронили.

Так-то ходячий мертвец не самая опасная тварь из тех, что живут в ночи. Мозгов у него нет, и ходит он медленно, так что с одиноким неупокоенным запросто может справиться даже не маг, а просто в достаточной мере проворный и неглупый человек. Или быстрый, потому что мертвяка не обязательно побеждать, от него можно убежать. Как только вы исчезните из его поля зрения, он про вас тут же забудет.

Нет, если это не просто неупокоенный, если в него вселилась чья-то душа или иная сущность — это другое дело. Там просто не убежишь. На первом году обучения я с таким столкнулся в деревеньке, название которой уже забыл. Ну, той, куда нас Ворон за припасами посыпал.

Но вот тут имел место быть обыкновенный мертвяк. И все бы ничего, но в руку Гарольда он вцепился крепко, и это было плохо.

Мертвяки тупы, это да, но если они что-то схватили — то беда, уже ни в какую не отпустят.

Хорошо еще, что башка неупокоенного сквозь решетку не пролазила, зубы лязгали рядом с рукой Гарольда, но зацепить его не могли.

— Клешню его отсекайте! — заорала Рози, спрыгивая на землю — Тыфу ты, там еще двое!

Гарольд застонал — пальцы мертвеца все сильнее сжимались на его руке, и сила в них была нечеловеческая. Наставник рассказывал, что при желании зомби руками даже иные камни раздробить могут. Боли нет, инстинктов нет, плоть неуязвима для повреждений — чего им бояться?

Я подскочил к воротам и решил вопрос просто — один взмах, и рука неупокоенного отделилась от его же давно умершего тела.

— А? — с гордостью спросил у своего друга я и подцепил еще шевелящуюся конечность острием шпаги — Вот, трофей!

— Зараза! — Монброн перехватил свою пострадавшую руку и даже присел на корточки — Пальцы как стальные, аж кость затрещала!

Он встал, выставил ладонь перед собой и рявкнул известную любому из нас формулу создания «малого огненного шара».

Свет на миг поблек, и мертвячка вспыхнула как факел. Остальные неупокоенные тут же уставились на нее. Любят они на огонь смотреть, есть такое дело. Потому, кстати, на местах старых захоронений или там, где пролилось много крови, лучше костры никогда не разжигать. Неизвестно, что на огонек припрется из темноты. Хотя в таких местах лучше вообще никогда не ночевать. Если, конечно же, вам дорога ваша жизнь.

— Хорошее дело — одобрительно проворчал Карл, повторил жест Монброна, и второй мертвяк озарил собой стройные ряды позеленевших от времени надгробий — Ишь, как славно горит! Эби, ты третьего запалишь?

Карл к концу зимы все же овладел парой заклинаний, относящихся к наиболее несложным, чем очень гордился.

— Я тебе запалю!!!! — раздался злобный вопль у нас за спинами — Вы что творите, недоумки! Кто вам позволил так транжирить учебный материал? А я вас сейчас в пыль, в глину, в пепел! Идиоты!

Тюба нас не обманул. Ворон и наши соученики на самом деле были здесь, на горе Штрауфенгрофф. Только с другой ее стороны, там они разбили лагерь. А здесь у них был учебный класс, а именно — старое кладбище с тремя специально поднятыми, ходячими и вечно голодными наглядными пособиями.

Двух из которых мы сожгли...

Все это мы уяснили из очень эмоциональной и перемежаемой ругательствами речи наставника, которую он произносил на протяжении минут десяти, если не больше. Впрочем, из нее мы много чего другого подчерпнули, в основном это касалось наших умственных способностей, умения прийти не тогда, когда велел учитель, а тогда, когда нам самим этого хочется, ограниченности знаний и многого другого.

Он настолько эмоционально говорил, что последний мертвяк, прильнувший к воротам, даже перестал лязгать зубами и, казалось, слушал его, время от времени одобрительно урча.

— Мы не знали — промычал Монброн, когда Ворон замолчал и уставился на нас.

— Это да — согласился с нами наставник — Это про вас. Неучи, неслухи, недотепы. Кто еще знает слова на «не»?

— Нерюхи ушастые — с готовностью подсказал ему Мартин.

— О как! — наставник посмотрел на него, и почесал левое ухо — Никогда не слышал подобного. Но сказано хорошо, и прямо про этих пятерых. Нерюхи вы ушастые!

— Мертвяки же — показал на неупокоенного Карл — Они Монброну чуть руку не отгрызли!

— Фальк! — Ворон набрал воздуха в грудь, в ярости потряс руками перед его лицом и проорал — Ну нельзя же быть таким.... Таким!!!!

Видимо, он не подобрал подходящего слова. Видимо, слово «тупым» не отражало полностью всю гамму чувств, обуревающих его.

Мне очень хотелось выдать что-то вроде: «И мы рады снова видеть вас, наставник», но я решил промолчать. Руку-то мертвячке я отсек, и тем самым положил начало расправе над учебными пособиями.

— Я этих покойничков холил и лелеял — чуть отдышавшись, продолжил Ворон — Даже когда они де Прюльи платье разорвали и чуть половину волос ей не выдрали, и то их не дал калечить. А они их огнем! Огнем!

Агнес, голова которой была повязана чем-то вроде косынки, после этих слов вздрогнула и спряталась за спину Эль Гракха.

— Упокаивать! — вещал наставник — Не убивать, а упокаивать надо! Я же вас учит этому. Огнем бросаться любой дурак может! Ладно Фальк, с него спрос невелик, у него в голове больше одной мысли за раз не бывает, да и та о еде. Но ты-то, Монброн? Не совсем же ты пропащий!

— Я еще о вечном думаю — обиженно пробурчал Карл.

Что любопытно, мертвяк после этих его слов вдруг страстно что-то

промычал.

— Не с тобой говорят, гниль кладбищенская — повернувшись, сообщил ему здоровяк — Тьфу на тебя!

— Вот — ткнул в него пальцем Ворон — О чем и речь. У него даже круг общения соответствующий, по интересам, так сказать.

Среди учеников плеснули смешки. Но это и на самом деле выглядело забавно, так что ничего такого тут нет.

— Ладно, что уж теперь — Ворон печально вздохнул — Стойте здесь, ждите меня. Пойду, уложу последнего в могилу, пусть до следующего года полежит. А то, не дай боги, еще вот такие же сюда припрутся, и вообще работать не с кем будет.

Он прошептал что-то, и мертвяк шустро потопал от ограды в глубину кладбища. Ворон подошел к воротам, размотал веревку, которая держала створки и направился следом за ним.

— Ну, вы дали! — сообщил нам де Лакруа — Нет, я сам два дня назад оплошал, когда заклинанием сразу три надгробия повалил, вместо того, чтобы мертвеца поднять, но вы — это что-то!

— Да, чтобы он так разозлился, я вообще не припоминаю — подтвердила Гелла — Даже когда Аманда тогда напортачила, и то все попроще было. Хотя это же Монброн, Фальк и фон Рут. Поодиночке они еще туда-сюда, но когда вместе, то как ураган.

Пока она говорила, соученики обступили нас, и я понял, что многие на самом деле рады тому, что мы снова с ними. Ну, или хотя бы не сильно расстроены этим фактом.

Я обнялся с де Лакруа, Эль Гракхом, поцеловал в щеку Луизу и Агнесс, а после обменялся рукопожатием с Мартином. Причем он сам протянул мне руку.

— Ворон ждал вас до последнего — сообщил мне последний — Потому он так и зол.

— Верно-верно — подтвердила Мирилинда — Как утро, так он начинает: «Эти бездельники наверняка там в море плескаются и вино пьют, а мы их здесь ждем!».

Магдалена под эти слова наступила брови и начала строго грозить всем пальцем, здорово в этот момент напоминая Ворона.

— И, думаю, он был прав — сообщила всем Аманда, подходя к нам — Что еще можно делать в веселой Силистрии, где уже лето? Ну, не в тюрьме же сидеть?

Видели бы вы ее лицо, когда мы дружно впятером расхохотались.

А после наши, поскольку как раз в этот момент с кладбища вернулся

Ворон.

— Смеемся? — поинтересовался он у нас, а после потрогал мой плащ
— Ух, какая ткань! Какое шитье! Сразу видно, что времени вы там зря не теряли.

— Вам Два Серебряка привет передавал — бодро сообщил ему я — И поклон.

Вообще-то ничего такого Унс мне не поручал, но проверить это Ворон никак не сможет.

— Ааа, вот в чем дело — наставник понимающе покивал — Я все понять не мог, почему у тебя лицо стало еще глупее, чем раньше. Теперь ясно. Общение с такими, как он бесследно не проходит.

— Вообще-то он нам здорово помог — влез в разговор Гарольд — Достойный человек, зря вы.

— Ответь мне вот на какой вопрос, Монброн — задушевно спросил у него Ворон — Форесса все еще стоит там, где ее когда-то заложили первые поселенцы?

— Да — немного озадаченно подтвердил мой друг.

— Странно — пожевал губами наставник — И никаких разрушений в ней нет, все дворцы и дома целы?

— Конечно.

— Значит, либо Унс постарел, либо вы общались с самозванцем — изрек Ворон — Потому что не может все закончиться хорошо, если вы сумели свести знакомство с этим бедствием в человеческом обличье.

— Ну, не то чтобы хорошо — пробасил Карл — Кое-кто все-таки умер. Что вы на меня уставились? Правду ведь сказал. Родственников Гарольда вы же убили? И еще трех наемников до того тоже.

Как ни странно, но как раз данная реплика разрядила обстановку. Ребята навострили уши, поняв, что мы очень даже неплохо провели время в Силистрии, и даже учителя это все заинтересовало.

— Вот что-то, более-менее похожее на правду — удовлетворенно произнес Ворон — А то я даже уже начал думать, что в вас ошибся. Нет, все в порядке. Смерть по-прежнему идет за вами по пятам. На этот раз она вас не догнала, и это уже неплохо результат. Так, что все уши развесили. Раз упокаивать сегодня уже некого, то пошли на вершину горы. Я вам кое-что покажу, раз уж так получилось. Дело как раз к полуночи идет.

И Ворон бодро зашагал вдоль кладбищенской ограды, соученики потянулись за ним следом, а мы спешно начали привязывать коней, опасаясь, что отстанем от них и после в этой темноте не найдем.

Шли мы долго, поднимаясь все выше и выше. Впрочем, это было даже

неплохо, поскольку новостей у наших друзей накопилось немало.

— А еще к Ворону два раза приезжали гонцы от принца — негромко рассказывала нам Луиза — Письма привозили. А он выходил к ним, и говорил, что его нет дома.

— Нет — перебил ее де Лакруа — Это он так в первый раз сказал. А во-второй по-другому было. Он сказал, что маг по имени Ворон накануне огурцов объелся, пошел в туалет, и там весь вышел.

— Ну, неважно — сердито произнесла Лу — Главное, что на третий раз Айгон сам приехал и они о чем-то говорили в кабинете наставника. Не знаю, о чем точно, но принц оттуда вылетел злой как собака, и моментально уехал.

— Мы думаем, что он звал Ворона на службу — глубокомысленно изрек Робер — Но тот его послал куда подальше.

— Что послал — правильно — заметил я — Но делать это надо было как-то потоньше. Принц на редкость злопамятное и мстительное существо.

— Когда он кого слушал? — добавил от себя Эль Гракх, идущий перед нами — Но с тобой я согласен. Служил я Айгону всего-ничего, но этого мне было достаточно.

— А еще наставник чуть не прибил Аманду — весело хихикнула Луиза — Пока она нас ждала, то от скуки упражнялась в магии, и случайно сожгла его любимое кресло. И еще наш обеденный стол. И переход в левой башне. А еще мы недосчитались половины подушек. Что она с ними сделала, не знает никто, а она не рассказывает.

— Как она жива-то до сих пор? — изумился Карл.

— По случайности — ответил ему де Лакруа — Наставник, когда увидел, что стола и кресла нет, сразу кинул в нее кочергой от камина, но промахнулся. Совсем чуть-чуть промахнулся. Пока он еще чего-нибудь увесистое искал, она успела из зала сбежать, и два дня где-то в замке пряталась. А мы за это время деньгами скинулись и новую мебель в Кранненхерсте у плотников заказали. Как ее привезли, так Ворон более-менее отошел. Но с Грейси еще недели две не разговаривал.

Вот так, за разговорами мы и добрались до самой вершины Штрауфенгроффа. Она представляла собой небольшой зеленый луг, если это можно так назвать. Деревья там не росли, только трава да цветы.

— Из леса не выходим — на редкость серьезно приказал Ворон — И чтобы никакого шума. Сидим, ждем.

— А чего ждем-то? — полюбопытствовала Сюзи Боннер — Если не секрет?

— Увидишь — против моих ожиданий, наставник не уколол девушки

очередной язвительной шуткой, а ответил вполне серьезно — Небо нынче ясное, так что ждите.

Потекли минуты. Мы сидели на хвое под деревьями, пялились на луг и на луну и время от времени махали веточками, отгоняя от себя комаров, которых здесь было немало.

Все произошло тогда, когда мне в голову уже заползли мысли о том, что Ворон, возможно, в очередной раз решил над нами поразвлечься.

Лунный свет, до того просто заливавший собой травяное раздолье, вдруг начал обретать форму. Из него сплетались фигуры людей, судя по всему, простолюдинов, которые махали кулаками и явно кого-то проклинали. Так ведут себя зеваки на площадях во время казней.

Следом за ними возникли благородные господа, они стояли молча и недвижно, держась за эфесы шпаг и глядя в ту же точку, что и простолюдины.

А потом появился тот, кто собрал всю эту толпу вместе.

Я угадал, это была казнь. Причем не просто казнь, это было сожжение мага.

Он был привязан к столбу, как это и водится в таких случаях. Лунный огонь обнимал его ноги, обжигал тело, но он не кривил рот в крике, нет. Напротив, он улыбался. Так, как улыбаются люди после тяжелого, но удачного дня, когда все, что было задумано, воплотилось в жизнь.

Его не трогали крики толпы, не страшило тяжкое посмертие. Этот маг встретил Смерть достойно.

Не дай боги, но, если у меня до такого дойдет, надеюсь, что смогу встретить свой конец так же, как он.

Хотя — вряд ли. Я боюсь боли. На костер взойду, куда деваться, пощады просить не буду, но без криков и воплей вряд ли обойдется.

«Не спеши» — прошелестел в голове незнакомый мне голос — «Никто не знает, что его ждет, и как он встретит свой смертный час».

Я встрепенулся, повертел головой и понял, что не один такой. Почти у всех был ошарашенный вид.

Пока мы глазели друг на друга, и маг, и толпа исчезли, и перед нами был только залитый лунным светом луг.

— Это чего было? — первым спросил Мартин.

— Не «чего», а «кто» — назидательно произнес Ворон, вставая на ноги и отряхивая ноги от хвои — Это был Виталий, один из величайших магов прошлого. Именно тут его казнили, на этом самом месте, аккурат в этот день. С тех пор раз в год, в полночь, если небо чистое, без единого облачка, такие как он сам, то есть маги и их подмастерья, могут увидеть,

как это все произошло. Почему подобное возможно не спрашивайте, не отвечу. Сам не знаю. В мире есть вещи, которые затруднительно объяснить, как ни старайся. А еще он иногда отвечает на невысказанные вопросы тех, кто видит его в первый раз. И даже дает советы. Но последнее совсем уж редко. И, что примечательно, такое он делает только для подмастерьев.

— И вы ничего нам не сказали? — возмутилась Аманда — Кабы знать, я про другое подумала бы!

— Потому и не сказал — оборвал ее причитания Ворон — В этом случае Виталий на тебя даже внимания не обратил бы, можешь мне поверить. И вот что — не вздумайте обмениваться мнениями по данному поводу. Он этого не любит. Что было сказано, то только для вас, и больше ни для кого, понятно?

— Понятно — хором ответили мы.

— Вот и хорошо — Ворон усмехнулся — Забавно. Я вообще-то вас сюда вести и не собирался, но потом рассудил, что не просто так эти пять бездельников сорвали занятие именно сегодня. Рука судьбы, выражаясь по-книжному. Ну, в их случае — кривые грабли, по-другому это не назовешь.

Карл немедленно вытянул руки вперед, осмотрел их и пожал плечами.

— Да-да, именно так — заметил это Ворон — И слово «грабли» я употребил не случайно. Угадай, Фальк, кто у нас до осени будет хозяйственными работами заниматься? У тебя есть шесть попыток, чтобы назвать шесть имен.

— Вот тебе и раз — удивился Карл — Ну, мы пятеро — понятно. А шестой кто?

— Слова «угадай» и «Фальк» несовместимы — сообщил нам Ворон, разведя руки в разные стороны — Я начинаю к этому привыкать.

А мне стало беспринципно хорошо. Ну да, лето, похоже, будет то еще. Но это ладно. Переживу. Главное, что я дома.

Конец четвертой книги